

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1977

8

Народный университет правовых знаний существует в бакинском среднем ГПТУ № 59 четыре года.

На занятия с будущими рабочими приходят народные судьи, работники прокуратуры, сотрудники органов внутренних дел. Учащиеся охотно посещают университет. Они твердо уяснили: граждане Страны Советов должны хорошо знать законы, чтобы им следовать, их исполнять.

Член коллегии Министерства юстиции Азербайджанской ССР Азерб. Гусейнович Алиев с учащимися. Вопросы не прекращаются и после лекции.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

8(80) АВГУСТ 1977

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, Н. А. ГАВРИЛОВА, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), А. М. РЕКУНКОВ,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

П. Седугин. Свод законов СССР и дальнейшее совершенствование законодательства	4
С. Алексеев. О праве и о правосудии	10

С. Гусев. Надежная гарантия	18
Татьяна Копылова. Вынужденная остановка	20
В. Печенкин. Тринадцать полушубков. Очерк	38
П. Гончаренко. Уйдет ли Саня «грустить»?	53

К 60-летию Великого Октября	
Маршрутами юности	64

По протесту прокурора	67, 109
-----------------------	---------

СОБЕСЕДНИК:

Обсуждаем проект Конституции СССР	69
Н. Горшенева. Укреплять дисциплину труда	75
Растить гражданина	
Кто виноват?	81
А. Закалюк. Чтобы не случилось беды	84
Нам пишут	
А. Казаков. Помощь приходит вовремя	88
Л. Крылов. Почему погибла береза?	91
Как с шумом бороться...	93

Судебная хроника	97
------------------	----

Ю. Некрасов. Обречено на успех?	98
---------------------------------	----

А. Васильев. Следы на снегу. Очерк	110
------------------------------------	-----

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ.
 Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.
 Корректоры А. В. ЕЛИЗАРОВА, Б. С. ТУМЯН.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
 Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Новое в законодательстве	
В. Грачева. О регистрации актов гражданского состояния	120
Наши консультации	
Л. Семенова. Лишение родительских прав	126
Читатель на приеме у юриста	
Сохраняется ли право на бесплатную квартиру с отоплением и освещением за сельским учителем, перешедшим на пенсию	128
Кому и при каких обстоятельствах предоставляется отсрочка от призыва на действительную военную службу	129
Какие документы необходимо представить при поступлении на работу	131
Георгий Польской. Фальшивомонетчики	132
Зарубежная мозаика	144

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Мы будем нефтяниками!» — говорят учащиеся ГПТУ № 14 города Баку. Что задумано — исполнится. В проекте новой Конституции гарантируется право на труд, включая право на выбор профессии. (Читайте репортаж «Маршрутами юности», письма читателей в «Собеседнике»).

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: в детском автогородке Кировабада.

Фото С. ГАЛИЛОВА.

Сдано в набор 1/VII-77 г. Подписано в печать 11/VII-77 г. А11182. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,32. Заказ 1555. Тираж 3 305 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.). Цена 40 коп.

Отпечатано 1 305 000 экз. (из общего тиража 3 305 000 экз.) с матриц Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в типографии № 2 ордена Ленина комбината печати издательства «Радянська Україна» Киев, Анри Барбюса, 51/2. Зак. 03374.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

П. СЕДУГИН,
кандидат юридических наук

СВОД ЗАКОНОВ СССР И ДАЛЬНЕЙШЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Советское законодательство представляет собой одно из главных средств руководства обществом, охраны и защиты прав граждан и интересов государства. В соответствии с решениями партии оно постоянно развивается и совершенствуется, чтобы быть в полном соответствии с требованиями жизни. Ярким примером являются законоположения, содержащиеся в проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик. В новой Конституции найдут отражение все глубокие изменения, которые произошли в нашей стране за четыре десятилетия после принятия ныне действующей Конституции.

При подготовке проекта Конституции, отмечал товарищ Л. И. Брежнев, учитывались в полной мере принципы советского государственного строительства, заложенные еще В. И. Лениным, положения прежних советских конституций, а также многочисленные новые законодательные акты, принятые за последние годы и регулирующие различные области общественных отношений в СССР.

Верховный Совет СССР в последние годы принял основополагающие законодательные акты по вопросам труда, здравоохранения, народного образования, брака и семьи, использования и охраны земли, вод, недр, организации судебной системы, прокуратуры, нотариата, охраны и использования памятников истории и культуры.

Правительство СССР приняло также ряд общенормативных актов и постановлений по различным вопросам государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства. Проводится большая работа по совершенствованию и кодификации республиканского законодательства.

В результате этого расширилась сфера законодательного регулирования, многие правоотношения стали регламентироваться не ведомственными, а законодательными актами.

На XXV съезде партии указывалось на необходимость совершенствования социалистической государственности, дальнейшего развития социалистической демократии, укрепления правовой основы государственной и общественной жизни, активизации деятельности общественных организаций.

Исходя из этого, XXV съезд КПСС признал целесообразным продолжить работу по дальнейшему совершенствованию советского законодательства, с тем чтобы учесть новые явления в общественной жизни. Одновременно была поставлена огромной важности задача издания Свода законов. «Видимо,— указывалось в документах съезда,— настало время издать свод законов Советского государства. Это будет способствовать повышению стабильности всего нашего правопорядка. Это сделает наши законы более доступными для всех советских граждан».

Вопрос об издании Свода законов Советской власти впервые был поставлен еще В. И. Лениным в сентябре 1922 года. В письме заместителю наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко он спрашивал, что делается для выпуска Свода законов Советской власти в связи с приближающимся пятилетним юбилеем Страны Советов. В своем ответе Крыленко, подробно сообщая о большой работе по кодификации и систематизации советского законодательства, писал, что после завершения этой работы нужно будет «систематизировать выходящие разновременно кодексы в единый свод по мере их опубликования, для чего будут приняты меры».

Во второй половине 20-х годов началась активная работа по подготовке Свода законов Союза ССР. Образованная в этих целях правительственная кодификационная комиссия (в состав ее входили видные государственные деятели, представители союзных республик, а также ученые) подготовила проект Свода законов СССР. В фев-

рале 1929 года СНК СССР представил его на утверждение ЦИК СССР.

Проект Свода состоял из трех томов, объединяющих нормативный материал, и отдельной книги, в которую были включены директивные постановления. Однако он не был официально утвержден. В конце 1930 года в связи с изменением политической и хозяйственной обстановки было принято решение о нецелесообразности продолжения работы над Сводом законов СССР. Быстрое развитие общественных отношений в ходе коллективизации и индустриализации страны вызвало потребность в законодательном регулировании многих правоотношений, повысилась роль текущих нормативных актов в решении назревших проблем развития народного хозяйства и социально-культурного строительства. К тому же международная обстановка того периода, а в начале 40-х годов условия военного времени помешали широким кодификационным работам. Однако работа по подготовке Свода законов СССР оказала положительное влияние на деятельность соответствующих государственных органов по изданию хронологических и систематических собраний действующего законодательства и на кодификационные работы в послевоенные годы.

Во исполнение решения XXV съезда партии Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР 2 сентября 1976 года приняли постановление «О подготовке и издании Свода законов СССР», в котором признали необходимым организовать подготовку и осуществить издание Свода законов СССР. В этом постановлении решены наиболее важные, принципиальные вопросы, касающиеся Свода законов, и намечены меры по его подготовке и изданию.

Прежде всего в постановлении решается вопрос о том, какие акты войдут в Свод законов СССР. В него включаются законодательные акты СССР, а также совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР и постановления Правительства СССР общенормативного характера.

Под «законодательными актами СССР» принято понимать законы СССР, а также указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР нормативного характера.

Как известно, законы СССР принимаются Верховным Советом СССР. Общесоюзные законы обладают высшей юридической силой. Среди них особое место занимают Основы законодательства Союза ССР и союзных республик по соответствующим отраслям права, в которых устанавливаются важнейшие принципы и правовые положения, единые для всех союзных республик.

Между сессиями законодательные решения по назревшим и неотложным вопросам государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства принимает Президиум Верховного Совета СССР. Он издает указы и постановления нормативного характера. Такие указы впоследствии вносятся на утверждение Верховного Совета СССР и приобретают силу закона. Кроме того, Президиум Верховного Совета издает указы и постановления по вопросам, отнесенным непосредственно к его ведению, например об учреждении орденов и медалей, установлении почетных званий, о толковании действующих общесоюзных законов. Такие акты Президиума носят нормативный характер и являются законодательными актами.

Необходимость включения в Свод наряду с законодательными актами важнейших правительственных актов вызвана тем, что Совет Министров СССР, будучи исполнительным и распорядительным органом, разрабатывает и принимает на основе и во исполнение действующих законов постановления общенормативного характера, то есть акты, содержащие общие правила. По наиболее важным вопросам государственного руководства обществом принимаются совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Некоторые из них также имеют общенормативный характер.

Свод законов, таким образом, будет представлять собой собрание в одном издании законов и других важнейших общесоюзных нормативных правовых актов, в совокупности образующих законодательство Союза ССР. Все эти акты будут расположены в определенной последовательности на основе единых принципов, по научно разработанной системе. Однако Свод законов СССР будет существенно отличаться от Собрания действующего законодательства СССР, издание которого сейчас завершает Министерство юстиции СССР.

Собрание действующего законодательства СССР — это изложение в 50 томах в простом систематизированном виде актов действующего законодательства без их переработки по существу, том виде, в каком они действуют на момент его издания. Поэтому в Собрание нередко включены многие акты по одним и тем же вопросам, принятые в разные годы.

Свод законов СССР будет представлять собой иную, более совершенную, чем Собрание, форму систематизации законодательства СССР. Его создание будет связано в определенной степени с пересмотром действующего законодательства, его совершенствованием и кодификацией. Следовательно, речь идет не о простом механическом сведении воедино всех законодательных актов, а о качественно новом шаге в развитии советского законодательства, совершенствовании его системы. Это работа огромной политической значимости,

результаты которой самым благотворным образом скажутся на упрочении социалистической законности, общественной дисциплины и правопорядка, явятся новым шагом в развитии советского демократизма.

Издание Свода законов позволит существенно сократить число действующих нормативных правовых актов, обеспечить большую четкость и последовательность правового регулирования общественных отношений, будет способствовать совершенствованию всей системы советского законодательства и значительно облегчит его применение на практике гражданами, должностными лицами и организациями.

Хотя к настоящему времени и проведена большая работа по кодификации и систематизации законодательства, однако некоторые отрасли законодательства еще нуждаются в кодификации и систематизации, приведении в стройную, логичную систему, обеспечивающую общедоступность и облегчающую практическое применение законодательства.

Поэтому в целях дальнейшего совершенствования законодательства в соответствии с задачами, поставленными XXV съездом КПСС в области государственного, общественного и социально-культурного строительства, и издания Свода законов СССР постановлением от 2 сентября 1976 года признано необходимым создать кодификационные и другие укрупненные акты, а также акты, необходимые для устранения имеющихся в законодательстве пробелов.

В связи с этим приобретает еще большее значение кодификация, представляющая собой вид правотворчества, один из основных способов совершенствования законодательства. При кодификации, в отличие от простой систематизации, действующее законодательство подвергается не только внешней обработке, но прежде всего переработке по существу. В процессе кодификации создается новый сводный акт, построенный по определенной системе, регулирующий более или менее широкую область общественных отношений и заменяющий собой ранее изданные разрозненные нормативные акты.

В ходе создания Свода законов отдельные правовые нормы, принятые в разное время по одному и тому же вопросу, будут, как правило, объединяться в одни законодательные акты.

Подготовка проектов актов, подлежащих включению в Свод законов СССР, возложена на Министерство юстиции СССР и соответствующие министерства и ведомства СССР. Министерство юстиции СССР формирует материалы Свода законов СССР и несет ответственность за качество его подготовки и за полноту помещаемых в нем правовых актов. Для осуществления общего руководства подго-

товкой и изданием Свода законов СССР образована специальная Комиссия.

Комиссии поручено подготовить предложения по схеме Свода, основным принципам формирования его материалов и порядку представления на рассмотрение соответствующих органов подготовленных разделов. Кроме того, комиссия должна разработать план подготовки и издания Свода законов СССР, предусмотрев в нем сроки издания разделов Свода и задания по разработке проектов актов, подлежащих включению в него,— с учетом предложений министерств и ведомств.

Комиссия приступила к работе над Сводом. Кодификация и систематизация законодательства проводится на научной основе, при широком и активном участии ученых. В связи с этим на Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства Министерства юстиции СССР постановлением от 2 сентября 1976 года возложена координация деятельности научных учреждений, принимающих участие в подготовке Свода законов СССР.

Советское законодательство развивается как законодательство единого союзного многонационального социалистического государства и состоит из правовых актов Союза ССР и союзных республик. На базе общесоюзных Основ законодательства и в соответствии со своими конституциями союзные республики разрабатывают и принимают соответствующие кодексы и другие акты республиканского законодательства, в которых конкретизируются и детализируются положения общесоюзных законов, а также решаются вопросы, подлежащие правовому регулированию в соответствии с компетенцией союзной республики. Ныне в союзных республиках приняты и действуют кодексы: о браке и семье, о труде, о земле, о воде, о недрах, гражданские, уголовные, исправительно-трудовые, процессуальные, а также законы о здравоохранении, о народном образовании, о судостроительстве, о нотариате и другие акты республиканского законодательства.

ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР признали целесообразным, чтобы в каждой союзной республике был подготовлен и издан свод законов соответствующей республики. В союзных республиках уже начата работа по подготовке таких сводов.

Огромное значение для издания Свода законов СССР, для совершенствования и улучшения правового регулирования общественных отношений в нашей стране будут иметь материалы всенародного обсуждения проекта Конституции Союза Советских Социалистических Республик и ее принятие Верховным Советом СССР.

С. АЛЕКСЕЕВ,
профессор, доктор
юридических наук
(Свердловский юридический
институт)

О ПРАВЕ И О ПРАВОСУДИИ

Право и правосудие. Что такое право, читатель знает из многих ранее опубликованных в журнале статей. Право — это система общеобязательных норм, которые содержатся в законах, постановлениях и распоряжениях Правительства, других нормативных актах. Правовые нормы в нашей стране выражают в концентрированном виде волю народа, основные направления политики Коммунистической партии и Советского государства.

А что такое правосудие?

Ответ поначалу представляется несложным. Да и само слово — как это нередко бывает — помогает ответить на этот вопрос. Скажем так: правосудие — это судебная деятельность особых органов государства, которые призваны судить о праве, то есть разбирать разнообразные юридические дела: гражданские, уголовные, семейные, трудовые — и выносить по ним юридически обязательные решения.

Но все же такое краткое определение правосудия оказывается недостаточным, стоит лишь, как говорится, копнуть чуть глубже.

Прежде всего вот что обращает на себя внимание. Ряд юридических дел рассматривают и разрешают не только суды. Например, в административном порядке с санкции прокурора производится выселение из домов, грозящих обвалом, в области трудовых отношений — комиссии по трудовым спорам, комитеты профсоюзов рассматривают трудовые конфликты.

В чем же особенности правосудия?

Правосудие осуществляется в рамках сложной процедуры, именуемой процессом — гражданским, уголовным. Оно отличается «окончателностью», то есть именно судам дано сказать при разрешении юридических дел последнее слово.

Постановления судебных органов: решения по гражданским, приговоры по уголовным делам — обладают силой закона. Потому-то вслед за вступившим в законную силу постановлением суда начинают фактически действовать исполнительные органы государства, уполномоченные на применение предусмотренных законом принудительных мер.

Самое же главное состоит в том, что именно в правосудии воплощается специфика права, его «правовая душа», его особенности как системы норм, построенных на началах подлинной, народной справедливости. Правосудие — это такая особая государственная деятельность уполномоченных на то органов, которая обеспечивает — даже в самых сложных, неповторимых, запутанных жизненных ситуациях — фактическое проведение в жизнь Правды, Справедливости, Истины, выраженных в нашем, советском законе.

Правосудие потому называется правосудием, что оно — деятельность особых государственных органов, которым не только дано

судить о правах людей, но и быть правым судом. Значит, право и правосудие неделимы, нераздельны. Значит, из самой сути общенародного, подлинно справедливого советского права вытекает необходимость существования тоже глубоко народного, по-настоящему справедливого правосудия.

Правосудие и процесс. Теперь хотелось бы остановить внимание читателя еще на одной особенности правосудия, о которой только что упоминалось. Правосудие осуществляется в рамках сложной процедуры, именуемой процессом. Для чего нужна эта сложная процедура?

Здесь следует сказать о том, что деятельность судов по рассмотрению и решению юридических дел сопряжена с применением мер государственного принуждения: с назначением наказаний за преступления, а также принудительных санкций по гражданским, трудовым, семейным делам.

А государственное принуждение — очень острое, сильное орудие воздействия на людей, применяемое в нашем обществе в редких, крайних случаях. И вот для того, чтобы оно «работало» только на пользу общества и исключались возможности неоправданного применения государственно-принудительных мер, наше законодательство, наряду с другими гарантиями, устанавливает соответствующие юридические процедуры. Такого рода процедуры, приспособленные для правового обеспечения государственного принуждения, и называются процессом. Через процессуальные формы государственное принуждение наделяется глубокими правовыми началами, ленинскими принципами законности.

Вот почему строжайшее соблюдение начал законности требует довольно обширного процессуального законодательства.

Процессуальные формы отличаются известной сложностью, многоступенчатостью, а по своему течению — неторопливостью. Они предусматривают строгий порядок прохождения дел, систему обжалования и опротестования, пересмотра принятых решений, правила отводов, заявления ходатайств, участия защитников и так далее.

Что ж, с внешней стороны все это иногда производит впечатление громоздкости, медлительности, формалистической закрученности. Подчас приходится слышать: а нет ли здесь излишеств? Упростить бы все это надо, побыстрее рассматривать дела, не волокитить...

Конечно, волокитить не надо. Да и в нашем процессуальном законодательстве закреплены требования о быстроте процесса, его доступности и многое другое, что должно снять бюрократический налет со строгой юридической процедуры.

Но ведь никто не отважится требовать «упрощения» медицинской диагностики — введения такого порядка, чтобы не было долгих обследований тяжело больных людей, анализов, внимательного изучения всех данных, проверки и перепроверки.

Но когда рассматривается вопрос о применении государственно-принудительных мер, решаются человеческие судьбы — перед нами ценности не меньшие. Ведь процессуальные формы играют наиважнейшую роль политикоправовых институтов, призванных обеспечивать осуществление государственно-властной деятельности в соответствии с высокими принципами ленинской законности, коммунистической морали.

Это со стороны, при поверхностном взгляде так кажется: громоздко, медленно, волокита какая-то. А доведись любому из нас попасть в сложную жизненную ситуацию, да еще связанную с возможностью строгих юридических последствий, — потребуешь: не торопитесь, вникните, вернемся еще раз, давайте проверим и перепроверим. Сколько раз торжествовала правда в суде благодаря тому, что судьи юридически обязаны не торопиться, обязаны провести предварительную подготовку по делу, судебное следствие, выслушать участников процесса, последнее слово подсудимого, благодаря тому, что дела могут, а в ряде случаев должны слушаться с участием защитников, что установлен порядок обжалования решений (в областной суд, его президиум, Верховные суды и так далее), и благодаря многим другим юридическим гарантиям, из которых, в сущности, и состоят процессуальные формы.

Действительно, быть может, некоторые сложные процессуальные формы нуждаются в упрощениях, в совершенствовании. Только нужно при решении вопросов о совершенствовании юридических процедур быть предельно осторожным, памятуя о том, что процессуальные формы являются большой ценностью. С этих же, сверхосторожных позиций нужно подходить и к предложениям о разгрузке судов, о передаче «мелких» дел в другие органы, в общественные суды. Верно заметил один ученый-правовед: врачи, сказал он, тоже загружены, но можно ли их разгрузить, возложив на фельдшеров лечение сложных болезней?

Во имя истины. Пора сказать еще об одном, не менее важном принципе правосудия, который также обеспечивается процессуальными формами. Это — достижение истины!

Правый суд — суд, отыскавший истину. Право, правда, истина, правосудие — все это нераздельно связано.

В эксплуататорских формациях правосудие в лучшем случае ограничивалось формальной истиной, под которой понимается соот-

ветствие решения материалам дела. Социалистическое же правосудие написало на своем знамени: объективная истина! То есть истина точная, отвечающая реальным фактам.

Для того чтобы отчетливей вот с этой, новой стороны обрисовать ценность правосудия, процессуальных форм, необходимо припомнить, как порой нелегко дается нам истина в самых простых, бытовых ситуациях. Да к тому же, чего греха таить, частенько наши мнения и суждения бывают опрометчивыми и поспешными. Вот для того и существует правый суд, чтобы в самых сложных жизненных случаях спокойно и рассудительно разобраться во всех сложностях и установить истину.

Попутно — об одной юридической тонкости. В связи со сказанным уместно затронуть вопрос о так называемой презумпции невиновности. Презумпция — это предположение. В соответствии с демократическими, гуманистическими основами нашего права в законодательстве и на практике придерживаются предположения: лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена судом. Такова суть презумпции невиновности.

Иногда спрашивают: как так? Перед нами — убийца, вор, насильник, а мы вплоть до вынесения обвинительного приговора должны считать его невиновным.

Да, должны. Даже если «все видели», что именно вот этот человек ударил потерпевшего, который вскоре скончался. Мы все равно должны и в таком случае предполагать, что лицо, привлекаемое к ответственности, невиновно. Хотя бы потому, что нужно все же установить, от этого ли удара наступила смерть, какова была предшествующая ситуация, не было ли здесь необходимой обороны, крайней необходимости и так далее.

Да и не только в этом суть презумпции невиновности. Она вообще — важнейшая гарантия неприкосновенности личности, необходимое звено строгого правопорядка. Обвиняемый, согласно закону, освобождается от необходимости доказывать свою невиновность. Его вина должна быть доказана следственными органами (которые обладают необходимыми для этого средствами и возможностями) и установлена судом. А в рассматриваемом нами отношении презумпция невиновности — непреодолимая преграда для так называемого стихийного психологического настроения и, следовательно, одна из гарантий того, что восторжествует истина, что суд будет правым.

Всегда ли нравственное дело — обращаться в суд? Иногда можно встретиться с мнением, что если человек при защите своего права обращается в суд, то это — самый предел жизненных столк-

новений. И более того — что само обращение в суд может быть делом недостойным, чуть ли не безнравственным.

Хотелось бы развеять подобного рода мнение.

Можно, конечно, найти примеры, примеры редчайшие, использования некоторыми сутяжниками права на обращение в суд не в соответствии с его назначением. Подобные случаи патологического сутяжничества единичны. И не об этом, конечно, речь.

В молодежной газете прочел я статью, по ходу рассуждений автора которой получалось, что у порога суда нравственность и доброе согласие останавливаются. «Переступая порог гражданского суда,— сказано в статье,— братья, которые не смогли договориться между собой, перестают быть братьями... бывшие супруги, не сумевшие без суда разделить мебель, становятся «спорящими сторонами...» И далее: «Суд решение вынесет, присудит кому-то из двух «спорный предмет», но при этом поневоле неизмеримо большее отберет у обоих, обделит их, лишит пусть даже и остатков взаимной любви и уважения».

Казалось бы, верная по своей основе мысль: надо развивать добрые отношения, даже самые острые конфликты лучше решать на добрых началах, по согласию, по-людски.

Но позвольте, почему решение жизненного конфликта народным судом — это решение не на добрых началах, не на началах «взаимной любви и уважения»?

Издrevле слово «судья» сопрягается со словом «мудрый», к судье даже в далекие от нас времена обращались не потому, что иначе впору братья за ножи, а потому, что судья может рассудить. Рассудить и братьев, и супругов — всех, кто к нему обращается.

Зачем же такое качество отнимать от нашего советского суда, называемого с момента его образования народным? И почему эти нравственные начала в домашнем кругу, в узких личных отношениях выше, ценнее, чем моральные принципы закона и суда, где они помножены на общенародную мудрость?

Правда, здесь — как и во многих других случаях — неоправданно, конечно, прямолинейное решение вопроса. В принципе не может вызывать сомнений, что само по себе обращение в суд не может быть безнравственным. Ведь это — лишь просьба о правом суде. Но при всем том долг суда и всех нас добиваться такой морально-психологической атмосферы сдержанности и умеренности, при которой обращение в суд не приводило бы к взрыву ожесточения, к консервации вражды и при которой суд не рассматривался бы в качестве удобного случая для сведения личных счетов.

А некоторые особенности права и судебной деятельности при от-

сутствии упомянутой атмосферы создают для всего этого известные условия. Всеобщность и формализованность юридических норм, судебная публичная процедура, официальность судопроизводства — все это не всегда в полной мере согласуется с решением нравственных задач. Так что, конечно, в мысли «не доводи жизненные конфликты до суда» есть и свои резоны. Поэтому, безусловно, во многих случаях целесообразно в зародыше погасить конфликт, локализовать его, используя гибкие и мягкие средства нравственно-духовного воздействия.

Тем не менее все эти соображения не должны заслонять главного и не меняют принципиального вывода о значении суда и недопустимости морального осуждения людей, обращающихся за помощью к правосудию в сложных жизненных ситуациях.

Для того и существует суд, чтобы была возможность разобраться в каждом конкретном юридическом деле, учесть его индивидуальные, неповторимые черты. А закон предоставляет суду широкие права для того, чтобы принять во внимание эту индивидуальность, неповторимость, а значит, при вынесении решения устранить возможные расхождения между формальными требованиями всеобщих юридических норм и конкретными нравственными проблемами.

Именно в суде есть богатейшие возможности для ликвидации конфликтов, для решения спорных вопросов миром, по доброму согласию. В частности, советский закон установил по ряду гражданских и уголовных дел примирительную стадию, предусмотрел возможность мирового соглашения и другие процедуры, прямо рассчитанные на возможность решения сложных вопросов по доброму согласию. А какой нравственный эффект оказывают на конфликтующие стороны беседы с судьей с глазу на глаз, авторитетно примирительное слово судьи!

Об уважении к суду. Советский суд — орган государства, неотъемлемая часть многозвенного государственного механизма. И, конечно, в этом отношении судебные органы не отличаются от других звеньев Советского государства, других институтов, нашей политической системы, возглавляемой Коммунистической партией.

Вместе с тем суд — особый государственный орган. Его миссия — вершить правосудие. То есть быть «вершиной» правового суда — выносить окончательные решения по гражданским и уголовным делам, касающиеся прав людей.

В связи с этим наш закон требует ото всех безусловно уважительного отношения к суду.

Пример уважительного отношения к суду дает наша советская печать. В ней не встретишь того, что характерно для буржуазной

прессы,— шумных газетных кампаний воздействия на суд, погони за судебными сенсациями, ведения «параллельных расследований».

Приглядитесь к лучшим публикациям советских журналистов, пишущих на юридические темы. В них четко размежевано: журналистике — журналистское, судебное — правосудию. В этих тонких взаимоотношениях суда и печати выработан и все более входит в жизнь своего рода этически-деловой кодекс — не торопиться в газетных публикациях с формулировкой мнения в отношении гражданского или уголовного дела, которое находится в процессе судебного рассмотрения (до момента вступления приговора или решения в законную силу); при критической оценке приговоров и решений, вступивших в законную силу, проявлять сдержанность; избегать в таких оценках запелляционного «проработочного» или вольного — по отношению к суду и судьям — тона.

Быть может, правила такого этически-делового кодекса, да и сам принцип безусловно уважительного отношения к суду — не всегда, не везде и не во всем scrupulously соблюдаемые — нуждаются в прямом законодательном закреплении. Во всяком случае, повсеместное утверждение этих правил должно стать существенным направлением правового воспитания, составной частью высокой юридической культуры.

Отсюда — одно соображение более общего характера.

В нашей стране многое делается для повышения юридической культуры во всех областях жизни общества, в том числе и в повседневных делах каждого советского человека. В чем же состоит эта высокая правовая культура? В знании советских законов? В понимании необходимости их строжайшего соблюдения? Да, высокая культура в области права включает в себя и то, и другое. Но главное в ней — фактическое, на деле, реальное отношение всех нас к закону, к праву. И, возможно, одним из наиболее ярких и отчетливых показателей высокой юридической культуры является безусловно уважительное отношение к суду.

НАДЕЖНАЯ ГАРАНТИЯ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГУСЕВ О ПРОБЛЕМЕ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ И ПОДРОСТКОВ

Ряд материалов в этом номере посвящен проблеме нравственного воспитания несовершеннолетних. Тема эта большая, важная. Недаром говорится, что дети — наше будущее. Будущее нашей страны. Поэтому отдельные ошибки в воспитании отдельных детей не могут не настораживать, как бы ни были редки эти случаи.

А некоторые материалы этого номера как раз и рассказывают о тех ошибках и просчетах, которые еще встречаются в воспитании подростков (П. Гончаренко «Уйдет ли Саня «грустить»?», два письма на одну тему «Кто виноват?», В. Печенкина «Тринадцать полушубков», Т. Копыловой «Вынужденная остановка»).

Важно, что авторы не только подмечают огрехи, но подсказывают пути выхода из затруднения. О большой воспитательной роли суда, который помогает оступившимся подросткам осознать свои ошибки, найти силы исправиться, рассказывает В. Печенкин. О том, как в специальной школе и воспитательно-трудовой колонии воздействуют на подростков со сложными, иной раз опасными характерами, свидетельствуют П. Гончаренко и Т. Копылова. Надо сказать, что наше общество делает все возможное для того, чтобы дети (все дети!) стали достойными продолжателями дел нынешнего взрослого поколения. И в этом гуманизм советского общества.

...Мне вспоминается один документ первых лет Советской власти. 31 марта 1923 года комиссия ВЦИК по улучшению жизни детей, созданная незадолго до этого, публикует обращение «Все на помощь детям». В подзаголовке это обращение расшифровывается: «Ко всем трудящимся СССР, Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодежи, Межрабпому». Феликс Эдмундович Дзержинский, назначенный председателем этой комиссии, страстно призывал: «Помните, что только общими объединенными усилиями

широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжелом фронте детской беспризорности».

Призыв был услышан. Победа и на этом тяжелейшем фронте была одержана. С детской беспризорностью было покончено. Первые декреты Советской власти запретили детский труд. В первых советских законах — забота о здоровье, отдыхе, учебе ребят Страны Советов.

Как это показано на примере жизни детей одной республики (репортаж «Маршрутами юности»), у наших ребят есть все возможности, чтобы учиться, хорошо отдыхать, чтобы вовремя сориентироваться в выборе профессии. Конституционные права в нашей стране надежно гарантированы. Право на образование — сетью школ, профтехучилищ, техникумов, вузов. Право на отдых, детский отдых, о котором идет речь, — наличием дворцов и домов пионеров, стадионов, детских парков, клубов, пионерских лагерей, санаториев, туристских баз (ст. 41 и ст. 45 проекта новой Конституции СССР).

Создан широкий, единый воспитательский фронт. Надо сказать, что эти усилия нашего общества не пропадают даром. В стране выросла молодежь, делами которой мы можем гордиться.

Но можно ли успокаиваться, если, пусть редко, но случаются досадные ошибки, правонарушения?

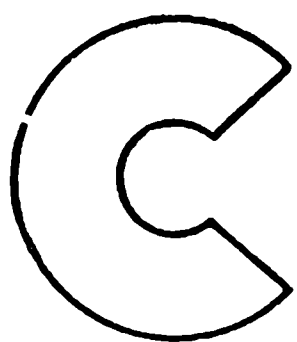
Мне, как работнику Прокуратуры СССР, чаще приходится сталкиваться именно с подобными явлениями. И в подавляющем большинстве случаев, которые потом переросли в правонарушение подростков, лежат упущения педагогов, учителей. Немало вреда наносит и безответственность иных родителей. К сожалению, должен это подчеркнуть. Об этом, на мой взгляд, правильно сказано в публикуемых материалах.

Стоит напомнить всем взрослым слова Основного Закона. Статья 66 проекта новой Конституции СССР гласит: «Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно-полезному труду, растить достойными членами социалистического общества».

Быть родителем — важное, ответственное дело. Именно об этом напоминают материалы этого номера.

ВЫНУЖДЕННАЯ ОСТАНОВКА

ЗАМЕТКИ ИЗ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ УСИЛЕННОГО РЕЖИМА

Сколько раз приходилось мне проделывать этот (или похожий на него) путь. «Ваши документы?» Придирчиво строгое сравнение лица и фотографии, бесстрастное: «Пожалуйста, проходите!» Одна за другой открываются и захлопываются тяжелые двери. Вот последняя затворилась за моей спиной — и я в зоне. Воспитательно-трудовая колония — сокращенно ВТК —

усиленного режима.

...Обычно, когда возникает разговор о ВТК, мнения высказываются самые противоположные. Одни (чаще всего родственники и знакомые осужденных) напирают на то, что в колонию-де попали ребята, а им нужна поблажка, другие ратуют за ужесточение режима, чтобы, мол, и отбывшим срок, и приятелям неповадно было преступать закон, чтобы страшились наказания.

Не буду спорить ни с теми, ни с другими. Попытаюсь рассказать о работе по перевоспитанию подростков-правонарушителей в колониях.

СКАЖИ МНЕ, КТО ТЫ

Во время одного из посещений колонии решено было опросить осужденных. Всех без исключения. Были розданы анкеты. Ответы осужденных на вопросы об их семьях, занятиях, отношении к школе, труду помогли понять причины, способствовавшие преступлению.

(О результатах опроса было рассказано в восьмом номере журнала за прошлый год в статье «Я бы стороной обошел ту тропу...»)

Многие несовершеннолетние осужденные поражают эмоциональной неразвитостью, глухотой к чужой беде, серостью и скудостью интересов, антиобщественной направленностью идеалов.

Помню, во время одного из посещений колонии я решила поговорить с подростком, осужденным за грабеж и убийство к десяти годам лишения свободы.

...Он вошел в кабинет начальника. Крупный крепкий парень. Поздоровался, как отрапортовал: имя, фамилия, статья уголовного кодекса, срок, на который осужден. Сел, свесив сильные руки между коленей. Говорит медленно, и в самом тоне его сквозит: «Ну что тут особенного? Все было просто».

— Значит, седьмого у нас был аванс. Выпили с другом.

— Много?

— Обычно. Бутылку белого, бутылку красного. А потом еще... Как домой пришел — не помню. Проснулся на полу. Голова трещит. Надо опохмелиться... Вечером опять выпили. Ну, а девятого августа ...вы уже знаете.

— Ты все-таки расскажи.

— Ну, когда мы с этим... прошли в скверик, он задираться стал. А у меня шнурок развязался, я нагнулся завязать, а тут под руку кирпич попался. Ну, я и ударил...

— И дальше?

— Он упал, я думал, что он убит, раздел. Мне костюм его нужен был.

— Зачем?

— Как — зачем? Выпить же.

— И?..

— Тут эта старушка закричала. Свидетельницей могла стать. Ну, а кирпич-то рядом... Ну, я и к ней... Вот и все.

— Скажи, а тебе не жалко их было?

— Нет,— отвечает искренне, не рисуясь.— Я как-то тогда не думал об этом. Выпивши был.

Разговариваешь и с другими осужденными подростками, такими спокойными, ясноглазыми, я бы даже сказала, милыми, и слышишь:

— Я даже не помню, за что мы этого старика бить начали.

— Только когда студент упал, я сообразил: «Наверное, я его застрелил».

...Оживают четкие слова закона, определяющие, кому из осужденных подростков назначается отбывать наказание в ВТК усилен-

ного режима: ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы, а также осужденным к лишению свободы на срок свыше трех лет за тяжкие преступления.

Трудна и грандиозна задача сотрудников исправительно-трудовых учреждений, воспитателей колоний для несовершеннолетних: найти хорошее, доброе, светлое в этих душах, помочь ребятам разобраться в глубине правонарушения, осознать его, глубоко раскаяться, а главное — помочь им найти силы, чтобы искоренить, вырвать, сломить в себе те пороки, которые грозят перерасти в страшный характер.

ВСЕ, КРОМЕ ЕДИНСТВЕННОГО

Мы обходим территорию вместе с начальником ВТК Александром Васильевичем Волковым. Это ладный, подтянутый седой пол-

В ожидании встречи. Родители осужденных несовершеннолетних приехали на свидание с детьми.

ковник с очень внимательным взглядом голубых глаз, уверенной манерой держаться. Речь его нетороплива, точна. Каждое слово весомо. Я не раз присутствовала при его беседах с родителями осужденных подростков и видела, как он умеет одной-двумя фразами погасить зреющую истерику, успокоить, убедить, умно направить разговор, указать на задачи родителей, на ту помощь, которой ожидают воспитатели от матерей, отцов. С осужденными он внимательно-строг. Пятнадцать лет назад райком партии предложил заместителю начальника райотдела милиции Волкову возглавить колонию, где отбывают наказание подростки. Александр Васильевич согласился сразу. Уже работая в милиции, часто задумывался: какое неоправимое зло наносит обществу преступность несовершеннолетних. К этому времени Волков уже закончил педагогический институт, в который поступил, едва начав работу в милиции.

Колония. Двухэтажные корпуса общежитий. В них кроме спален с плотно стоящими двухъярусными кроватями кабинеты воспитателей, где постоянно дежурят один-два сотрудника, комната отдыха — тут, у телевизора, на политбеседу, в минуты, отведенные расписанием, собирается весь отряд. По стенам — газеты, полки с книгами, «молнии», сообщения, приказы.

Школа. Обычная. Типовая. С широкими окнами, гулкими коридорами, светлыми классами. Медчасть и больница на несколько коек. В центре колонии — клуб. Одноэтажный. Но зал вместительный, большой.

Все, что предусмотрено законом, построено в ВТК. Спортзал и спортивная площадка. Баня и прачечная. Столовая и магазин, где по воскресеньям можно купить продукты, определенные перечнем МВД СССР.

В производственной зоне — корпуса цехов. И там идет своя жизнь, разбитая по часам и минутам.

...Так подробно перечисляю хозяйство колонии, чтобы убедить сердобольных моих оппонентов: здесь есть все, чтобы подростки могли жить, учиться, работать, разумно отдыхать.

Но и ратующим за ужесточение режима спорщикам мне есть что напомнить. Да, у осужденных подростков, кажется, существует все... Кроме главного: свободы. Свободы, которой они лишены.

Немного?

Однажды мне пришлось разговаривать с осужденным подростком, пытавшимся сбежать. Вернее, Николай И. просто... ушел. Приближалось освобождение. За все время, определенное судом, у него не было нарушений, он хорошо работал, учился, стал в колонии активистом. Начальник отряда заключил: Николай И. может быть

представлен к условно-досрочному освобождению, как человек, осознавший свою виновность, доказавший свое исправление. С этим заключением, поддержанным учителями, мастерами производства, ознакомилась комиссия по делам несовершеннолетних при райисполкоме. И ее решение тоже было положительным: ходатайствовать перед народным судом об условно-досрочном освобождении Николая И.

Уже был назначен день судебного заседания. А тем временем Николаю было предоставлено право передвижения без сопровождения за пределами зоны. Контролер вывел его за ворота, показал место работы. Сам же отлучился. Когда через десять минут он решил «проведать» парня, то не нашел его.

«В бегах» Николай был около двух часов. Его нашли в лесной сторожке, где он успел растопить печь, согреть чайник...

В ожидании нового суда он был водворен в дисциплинарный изолятор.

...Я миновала забор, отделяющий этот дом от всей зоны (изоляция в изоляции!), контролер длинным ключом открыл дверь. Узким коридором мы прошли к камере. В низком помещении с забраным решеткой окном на деревянных нарах сидел парень. В согбенной фигуре, понуро опущенных плечах было такое горе, такая обреченность, что у меня невольно вырвалось:

— Как же ты мог, Коля? Ты понимаешь, как ты все испортил?

Он поднял голову. В уголках глаз блеснули слезинки.

— Понимаю.

Губы его не слушались. Я скорее догадалась, чем услышала, что он сказал.

— Но почему, почему ты это сделал?

— Я... Я... не мог больше делать все по команде. Я хотел поступить так, как мне захотелось, а не так, как приказали... Я хотел побыть на свободе.

...Нет, недаром по уголовному кодексу: лишение свободы — самое тяжкое наказание в системе наказаний по действующему уголовному законодательству.

Самое тяжкое.

НАЧАЛО

...Здание карантина расположено недалеко от вахты. Сюда помещаются осужденные, поступающие из следственных изоляторов, после суда.

В первые же дни, как только прибывает новый этап — группа осужденных, — проводится «развод» карантина. В клубе собирается

вся администрация колонии: начальник, его заместитель, директора школы, ПТУ, производства, начальники отрядов, врач. И вот осужденные проходят перед комиссией, такие разные — угрюмые, растерянные, сосредоточенные или принимающие бесшабашный, иронический вид. И вот они стоят, такие одинаковые — в темных хлопчатобумажных костюмах, сапогах, стриженные наголо, с неуклюже висящими вдоль туловища руками.

Будто подводится черта их прежней жизни, расхлябанной, безалаберной, бездумной, страшной. Будто дается путевка совсем в другую жизнь, жизнь, немыслимую без работы, учебы, занятий.

Парень, вошедший последним, был высоким, держался увереннее предыдущих, ответ начинал с едва заметной паузы, подчеркивая нежелание говорить. Но Александр Васильевич, казалось, не замечал бравады. Расспрашивал о прежней жизни, семье, суде. В конце концов, определил будущее «местонахождение» осужденного.

— Учиться? — чуть вскинул тот брови. — А если я не захочу? — парень сделал ударение на «я».

Александр Васильевич, прищурившись, взглянул на парня.

— Чтобы быть абсолютно точным, зачитаю тебе, Аркадий, выдержку из закона. Статья 34 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик: «За нарушение требований режима отбывания наказания к осужденным могут применяться следующие меры взыскания: предупреждение или выговор; внеочередное дежурство по уборке помещений и территории места лишения свободы; разовое лишение осужденных, содержащихся в воспитательно-трудовых колониях, посещения кино, концерта, участия в спортивных играх; лишение очередного свидания; лишение права на получение очередной посылки или передачи и запрещение на срок до одного месяца покупать продукты питания; отмена улучшенных условий содержания... водворение осужденных, содержащихся... в воспитательно-трудовых колониях... в дисциплинарный изолятор на срок до десяти суток».

Александр Васильевич читал, не повышая голоса, не раздражаясь. Он не добавил ни слова комментария. Не прочитал нотацию, которую, может быть, ожидал парень. Начальник колонии, закончив чтение, спокойно поднял глаза от бумаги:

— Еще вопросы будут?

Я увидела, что парень растерян, не может даже отвечать. Он только отрицательно помотал головой.

...Да, ожидать мгновенного результата — наивно. Но не менее наивно предполагать, что такая беседа может пройти бесследно. И хотя сюда, в ВТК, попадают труднейшие из труднейших, те, на

которых в бессилии махнули рукой педагоги, родители, другие воспитатели, хотя уже был испробован весь арсенал мер общественно-го воздействия (и безрезультатно),— но и эти трудные прекрасно понимают, что время уговоров и бесед прошло. Настало время строгого спроса и требований.

ОТ ПОДЪЕМА ДО ОТБОЯ

В Основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик сказано: «Основными средствами исправления и перевоспитания осужденных являются: режим отбывания наказания, общественно полезный труд, политико-воспитательная работа, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение».

Основными.

А как все их совместить? Как конкретно организовать быт, день осужденных? Об этом наш разговор с Волковым. В ответ он меня отослал к расписанию дня осужденных. День в колонии начинается в 6 часов 30 минут. И далее — все расписано по минутам. 6.35—6.45 — физзарядка; 6.45—7.15 — туалет, заправка коек, уборка помещений и территории; 7.15—7.30 — осмотр на внешний вид; 7.30—7.50 — завтрак; 7.50—8.00 — развод на учебу в школу; 8.00—9.45 — приготовление уроков; 9.55—13.15 — занятия в школе; 13.15—13.30 — уборка в школе; 13.30—13.50 — обед; 13.50—14.00 — переодевание в рабочую одежду; 14.00—14.50 — развод на работу и в ПТУ; 14.50—20.50 — работа на производстве или учеба в ПТУ; 20.50—21.00 — съем с производства и из ПТУ; 21.00—21.25 — личное время; 21.25—21.40 — политинформация; 21.40—22.00 — ужин; 22.00—22.15 — вечерняя линейка; 22.15—22.30 — приготовление ко сну; 22.30 — отбой.

Антон Семенович Макаренко говорил, что точность — нравственная категория. Конечно, подобное расписание дисциплинирует ребят, дает строгое направление их жизни. Но несет оно и еще одну, нравственную нагрузку. Доказывает, что все можно успеть: и поработать, и поучиться, и сделать зарядку, позаниматься спортом, и написать вечером письмо... Тем ребятам, что на свободе «ничего не успевали» (а таких большинство), дается зримый урок.

С каждым из осужденных проводится индивидуальная воспитательная работа. Для нее не отведено специального времени в расписании, потому что она ведется постоянно воспитателем отделения, учителем в школе, мастером на производстве. Как? По-разному.

СВИДЕТЕЛЬСТВО БЫВШЕГО ОСУЖДЕННОГО

Эту историю рассказал мне Игорь Данилин — бывший осужденный, более года назад условно-досрочно освобожденный из колонии.

...Вечером, в те короткие минуты, что названы в распорядке «личное время», в отделении бывает чуть оживленнее, чем обычно. Кто-то делится впечатлениями от уроков, другой советует товарищу прочитать понравившуюся книгу, группа обсуждает спортивные соревнования... Но в воспитательской и в эти минуты не шумно. Старший воспитатель Николай Федорович Ерохин, закончив просмотр писем воспитанников, поднялся из-за стола, выглянув в коридор, подождал дневального.

— Позови ко мне Игоря, — сказал и назвал фамилию недавно прибывшего воспитанника.

Через несколько минут раздался негромкий стук в дверь, и в воспитательскую вошел парень, худощавый, смуглый, чернявый. Взгляд недоброжелательный, лицо угрюмое. Поздоровавшись, застыл у двери. Николай Федорович пригласил его сесть к столу, напротив себя. Парень безмолвно сделал несколько шагов, опустился на стул. Сел так, чтобы оказаться боком к воспитателю.

— Я прочитал твое письмо к матери, — Николай Федорович почувствовал, как напрягся от этой фразы подросток, — надеюсь, для тебя не новость, что всю почту мы просматриваем?

Парень кивнул: не новость.

— Так вот, ты пишешь, что тебе очень плохо, очень тяжело, очень грустно.

— Вы считаете, что это не так? — повернулся Игорь к воспитателю. — А вы когда-нибудь подумали, как это тяжело, как... униЗИтельно делать все по команде, поступать не так, как ты этого хочешь, а как кому-то там хочется... — Игорь говорил страстно, горячо и смотрел с вызовом: вот, мол, я какой независимый, как смело сужу.

А Николай Федорович слушал с мягкой улыбкой. Дав подростку выговориться, тихо спросил:

— Ты считаешь, что-то в порядках колонии нужно изменить? Можно изменить?

Тот, ожидавший возражений, а не вопроса-совета, замер в нерешительности.

— Об этом я как-то не подумал.

— Подумай.

— Но я же вам говорил о другом! — почти выкрикнул подросток.

— Знаю. И я не уйду от вызова, что ты мне бросил. Просто мне хочется разобраться в твоих претензиях по порядку. Так как же ты считаешь — что-то нужно изменить?

— Наверное, нет, — нехотя согласился Игорь. — Я же понимаю, какие ребята тут собраны...

— Значит, в этом наши взгляды совпадают, — подытожил Николай Федорович, — а вот дальше — расхождения...

Игорь, еще не услышав продолжения, улыбнулся иронически, снисходительно. «Что же еще ожидать от официального лица», — говорила его мина. А Николай Федорович продолжал:

— Ты за что осужден?

Игорь поджал губы, опустил голову:

— Зачем вы так? Я же признал на суде свою виновность...

— И все-таки?

— Вы не знаете? Сто семнадцатая, — назвал Игорь номер статьи, которая расшифровывается как изнасилование.

Николай Федорович выждал, давая возможность подростку несколько успокоиться, а потом продолжил:

— Вот и пришли мы, Игорь, к началу нашего разговора.

Тот поднял голову, враждебно поглядел на воспитателя:

— Вы хотите сказать: око за око?

И вновь воспитатель, не приняв вызова, ни на йоту не повысив голос, заговорил.

— Я хотел сказать не об этом. Хотя, если хочешь, колония — это наказание. Но... вот ты тут вначале говорил, что тебе тяжело, грустно, унижительно делать то, чего ты не хочешь? Так?

— Да. Именно это я говорил, говорю и буду говорить...

— А потерпевшая? Скажи, ты подумал, каково было ей? Ты считаешь — не тяжело? Не унижительно?

Игорь не отвечал.

— Почему ты молчишь? — прервал воспитатель затянувшуюся паузу.

— Сказать по правде, я как-то... не подумал... Я рассчитывал, что все уже... прошло... Она же на суде вроде бы была... ну, не очень чтоб грустная.

— Такое долго не проходит, Игорь.

— Вы хотите, чтобы я переписал письмо матери? — все еще не поднимая головы, спросил подросток.

— Зачем? Ты написал правду.

— Так что же вы хотите? — в голосе Игоря звучало удивление.

— Что я хочу? Я хочу, чтобы ты учился оценивать свои поступки. Учился видеть не только свою боль, свои беды, свои тяготы. Но мог понять, какой урон могут твои действия принести окружающим. Урон. Или радость.

Парень сидел понурившись.

— Иди, Игорь, подумай. Время у тебя на размышление есть.

Через несколько дней Игорь вошел в воспитательскую. В руках у него был конверт. Он нерешительно потоптался у двери.

— Я... вот... подумал,— говорил он, смущаясь, с паузами,— может быть... я написал...

— Кому? — кратко спросил Николай Федорович.

— Потерпевшей,— наклонив голову, ответил Игорь,— я прошу у нее прощения. Но, может, зря — может, она не ответит.

— Может, и не ответит,— проговорил Николай Федорович,— но не зря. Думаю, не зря написал. Осознание своей ошибки — первый шаг к исправлению. Но... отправлять письмо я бы не хотел... Удивлен? А ты подумай — легко ли будет девушке вновь вспоминать о своем унижении?

Прошла еще не одна неделя. Были у воспитателя с Игорем беседы, объяснения по тому или иному случаю. Однажды Игорь пришел в кабинет Николая Федоровича. Он остановился у дверей, а воспитатель, подняв голову на вошедшего, внутренне порадовался: перед ним стоял спокойный подросток. Взгляд его стал мягче, более открытый, и тон разговора ровный.

— Я хотел поговорить с вами, Николай Федорович, можно?

— Конечно! Садись.

Игорь сел, прямо глядя в лицо воспитателю.

— Мне кажется, Николай Федорович, что вы недовольны мною. Я это чувствую.

— Правильно чувствуешь.

— Но почему? Почему вы недовольны? Замечаний у меня нет. Учусь нормально, ПТУ закончил. Разряд получил. Норму выработки выполняю. Так?

— Так,— невозмутимо подтвердил воспитатель.

— В чем же дело? Я, кажется, отделение и вас не подвожу?

Николай Федорович улыбнулся:

— Это я, Игорь, должен у тебя спросить, в чем дело, почему ты пришел? Разве я тебе делал замечания, выговор, высказывал претензии? Но я рад, что ты начал разговор. Потому что действительно я недоволен. Вижу недоумение на твоем лице. Что ж, давай разберемся. Мне не нравится твое отношение к тому, что ты должен делать. К учебе, работе, товарищам. Вот ты сказал, что учишь-

ся, работаешь нормально. Да, не хуже других. Но это разве норма для тебя? Учиться на три, четыре, работать — лишь выполняя план?

— Вы хотите? Вы требуете?..— задохнулся Игорь.

— Стоп, стоп, стоп,— предостерегающе поднял руку Николай Федорович.— Я ничего не требую. Не требую. Я же не вызывал тебя. Но ты спросил, чего я хочу. Да, я очень хочу, чтобы ты жил и работал с полной отдачей. Всегда. Тут и когда ты освободишься. Иди. Не надо сейчас мне возражать. Иди, Игорь, подумай. Может быть, ты поймешь, что я прав.

...Медленно текут дни в колонии, дни в несвободе. И немало прошло времени, пока воспитатель вновь вызвал к себе подростка. На столе в воспитательской лежали аккуратно сложенные стопкой книги. Когда подросток сел, Николай Федорович придвинул к нему пачку.

— Знаю, ты любишь театр. Мне, кстати, понравилось, как ты сыграл Шмагу на школьном вечере. Так вот, я тебе принес несколько книг.

— Николай Федорович! Вы довольны мною? — робко спросил парень.

— Мне кажется, что ты многое понял, Игорь,— осторожно заметил Ерохин.— И дело не в отличных отметках в школе, не в перевыполнении планов... Мне нравится, что ты помогаешь отстающим, что заступаешься за слабых. Считаю, ребята не ошиблись, выбрав тебя председателем совета отделения... И...— Николай Федорович вроде бы задумался, говорить ли подростку новость. Решился.— И сегодня утром я как раз советовался с начальником колонии. Полагаем, что можно готовить тебя к условно-досрочному освобождению.

Я слушала Игоря и вспоминала статью одного маститого автора о жизни осужденных подростков в колонии. Автор приводил выдержки из «Дневника индивидуальной работы с осужденным несовершеннолетним» и возмущался наивностью сотрудников колонии, которые вообразили, что беседами и лекциями можно исправить преступника.

Нельзя считать, что словом, только словом можно исправить человека. Но помните, у Макаренко — «никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятое от системы»? Не переоценивая значения беседы, не надо и приуменьшать его. Потому что именно слово, если оно убедительно и доходчиво, помогает осужденному осознать свои правонарушения, подсказывает путь к исправлению. Но слово, поддержанное всей системой жизни в колонии — порядками, учебой в школе, обучением мастерству, работой.

ЭНТУЗИАСТЫ

Да, существуют законы, инструкции, которые расписывают весь порядок колонии. Но проводят законы в жизнь люди. И от них — в большей степени — зависит, как закон будет осуществляться.

Кто работает в колонии? Александр Васильевич Волков рассказал, что мастера в цехах и ПТУ все (за редким исключением) со среднетехническим образованием, имеют большой стаж работы. Очень силен педагогический коллектив школы. Воспитатели — люди с высшим или средним специальным образованием. Многие из них пришли на работу в колонию по направлениям райкомов, горкомов партии, комсомола.

Но кроме высоких профессиональных знаний их отличает еще одна особенность. Доброта.

— Человеку недоброму, невнимательному нечего делать в колонии, — сказал Александр Васильевич. — Он не сможет распознать в наших воспитанниках то светлое, что в них скрыто глубоко. Так глубоко, что порой трудно докопаться. А найти светлое начало надо! Надо развить, укрепить.

Найти светлое! Воспитателей более всего беспокоит нежелание, неумение несовершеннолетних правонарушителей сопереживать горю, обуздывать свои желания. Недаром в анкете на вопрос о причине преступления подростки откровенно признавались: «Не подумал», «Сделал то, что хотелось», «Не мог представить, к чему приду».

Поэтому сверхзадачей всех воспитательских мероприятий в колонии является: разбудить мысль этих ребят, приучить их к доброте, дать почувствовать радость от хорошо сделанного дела, честного поступка, принципиального выступления.

Мастера не только учат профессии. Еженедельно проводят они со своими группами воспитанников час мастера. Тут и рассказы о профессии, и разбор работы подростков.

Проводится час воспитателя, классного руководителя, политинформации. Ни один просмотр фильма не проходит без последующего обсуждения в отрядах. Вопросы будто бесхитростные: «Подумай! В чем сила героя? В чем он не прав? А как бы поступил ты на его месте?» Простые. Но они заставляют ребят задумываться. Прежде над судьбой другого, постороннего. Потом над своей. Учат делать выводы. Учат мыслить. Это и является пробелом в их прежнем воспитании.

К слову сказать, именно в этой колонии несколько лет назад учителя (и прежде всего директор школы Людмила Никитична Сои-

на) задумались над проблемой: как донести до ребят наиболее полно весь тот гуманистический материал, который заключен в школьной программе. Как увлечь их? Как научить вникать в литературу, географию, биологию? А не только переползать рубеж между двойкой и тройкой? Ответ был вроде прост: надо, чтобы подростки хорошо учились. Ответ был труден: надо убедить их хорошо учиться! Воспитанники ВТК — закоренелые второгодники, постоянные троечники — даже и не знали, от чего они отказываются, мимо чего проходят. Они никогда не переступали черту, за которой лежит радость познания. Но как подвести их к этому? Перед педагогическим коллективом встала сложная задача: заинтересовать подростков учебой. И преподаватели постарались ее разрешить. Были организованы дополнительные занятия с отстающими, проводились тематические вечера по классам. Учителя-предметники всегда присутствовали на самоподготовке воспитанников, чтобы в любую минуту помочь непонимающим. Активно велась работа со вновь прибывшими, чтобы восполнить пробел в их знаниях.

Эти средства не новы. Но если они «употребляются» не формально, они воздействуют. Так было и в Брянской ВТК. Здесь подавляющее большинство заканчивает школу без троек. На второй год остается не более полутора процентов. Не стало таких нарушений, как грубость учителю, драка в школе, воровство, порча оборудования. Это видимые результаты. Но есть и другой итог: ребята приобретают вкус к хорошей учебе, к твердым знаниям, узнают то, что осталось бы за гранью удовлетворительной оценки. Появляется желание делать хорошо и не делать плохо.

...Обычно каждое понятие подкрепляется зрительным образом. Едва я произношу «колония», «ВТК» — множество образов теснится в сознании. И если из десятков выделить самые типичные, то их будет два. Вот я стою на пустынной площадке посреди колонии, и вдруг где-то за зданием общежития возникает мерный гул шагов. Из-за угла выходит колонна подростков. Четкий строй, тяжелый ритм шагов, отстраненное выражение лиц. Передвижение только строем! Только по разрешению! Только по команде!

И вторая картина: урок в школе ВТК. Учительница раздает тетради, ученики по очереди подходят к столу. И фраза:

— Коля! Двойка! Но ты порадовал меня. Пршлый раз в диктанте ты допустил восемь ошибок, нынче — шесть. Ты молодец, Коля! Два образа. Две типичные картинки. Дисциплина, доведенная до абсолюта. Внимание, доведенное до доброты.

Однажды, выслушав мои впечатления о ВТК, собеседник — человек, не посвященный в секреты перевоспитания трудных подростков, вдруг спросил:

— А зачем вообще нужно проявлять доброту к этим парням, к насильникам, убийцам, грабителям?

Так как подобные вопросы мне и потом приходилось слышать неоднократно, я повторила их начальнику ВТК. Судя по тому, что Александр Васильевич нашелся сразу же, можно было понять, что и ему вопрос был не нове.

— Зачем? Да затем, что нам с ними завтра жить. Пройдет время, и все они выйдут из колонии. И мы заинтересованы в том, чтобы вышли они обновленными. А страхом людей не перевоспитать. Запугать можно. Перевоспитать — никогда. Наша задача — превратить их в людей, которые никогда не станут на путь преступления. Не из-за боязни наказания. А от нежелания быть дурным.

ЧТО СЧИТАТЬ ОКОНЧАНИЕМ!

Время пребывания в колонии не проходит для осужденных напрасно. Оно было тяжким наказанием. Но это же время — период перевоспитания. Оно (для большинства!) стало периодом раздумий и становления личности. Изменились желания, идеалы, устремления подростков.

В анкете, которая была распространена в колонии, стоял вопрос: «На кого ты хотел быть похожим? Раньше и теперь?»

По ответам можно проследить, как меняются взгляды ребят за время пребывания в колонии.

— Раньше я хотел быть похожим на хулигана, грабителя, убийцу. Теперь — на своего брата. Он честный и смелый. Он служит в армии.

— Я мечтал быть похожим на любого отличившегося хулигана. Теперь — на защитника обиженных.

— Раньше я хотел походить на своих старших «товарищей», с которыми пил и грабил. Теперь я мечтаю быть таким, чтобы мама гордилась мною.

— Раньше я хотел быть похожим на взрослого с папиросой во рту. Теперь — на передовых людей нашего общества. Героев труда.

— Хотел быть похожим на своих старших друзей, с которыми гулял по вечерам. Они ругались, пили, задирали всех. Я думал, что это — смелость, и вел себя так же. Когда взрослые делали нам замечания на улице, мы их обругивали. Если говорили, что позовут милицию, — обсмеивали. Нам было все нипочем. Теперь — хочу

быть похожим на своего воспитателя. Потому что это он смелый и умный.

Кто-нибудь усомнится в искренности отвечавших. Кто-нибудь, но только не те, кто хоть чуточку знает характеры и психологию этих «трудных» ребят, готовых скорее наговорить на себя «с три короба», чем прослыть правильными. И уж если они выступают за что-то,— это искренне. Кроме того, не надо забывать, что анкеты были анонимными, и подростки твердо знали, что никто не станет устанавливать авторов. Это еще одно соображение в пользу достоверности ответов.

Последним вопросом в анкете стояло: «Что тебе дала колония?»

— Колония дала мне много. Она мне дала путевку в жизнь: я окончил ГПТУ с отличием, получил разряд каменщика, скоро окончу среднюю школу и получу аттестат. Я научился в любых условиях рассуждать трезво и быть выдержанным.

— Тут я научился разбираться в людях.

— Мое пребывание в колонии будет для меня большим уроком. И хоть я очень хочу освободиться, я понимаю — здесь я многому хорошему научился. Дисциплине, профессии. Я воспитал силу воли. Научился держать слово.

— За это время я много думаю. Раньше я на многих злился. А теперь понял, что виноват только сам, что попал сюда.

— Колония поставила меня на истинный путь. Я понял, что такое свобода и как надо ею дорожить. Надо уважать себя и других людей.

— Тут во мне воспитали честное отношение к труду и к людям.

Вот с чем выходят они из колонии. Благодаря сложной, трудоемкой работе всего коллектива воспитателей колонии. Эту вынужденную остановку на жизненном пути они стараются превратить в период нравственного перерождения подростков.

Но не будем и обольщаться: ответы в анкетах — всего лишь слова. Правда, слова, которые пришли к подросткам трудно, воспринимаются ими как откровение, иной раз как избавление от старых устремлений. Но все-таки это лишь слова.

РЕЦИДИВ — ЗНАЧИТ ПОВТОРЕНИЕ

Именно поведением бывших осужденных на свободе и проверяется эффективность деятельности колонии — учреждения, где подростки не только отбывают наказание, но где они перевоспитываются.

И большинство — успешно. Но большинство — еще не все.

...Вечером прибыл этап — новые осужденные, и стало известно, что среди них есть подросток, только недавно вышедший из этой колонии на свободу.

Наутро Александр Васильевич вызвал его к себе в кабинет. Я расположилась подальше у стены напротив письменного стола начальника колонии, чтобы не мешать разговору. И когда парень прошел к столу и сел по приглашению Волкова, мне он был виден со спины: опущенные плечи, низко склоненная голова.

— Что, Валерий, понравилось у нас? — жестко спросил Волков.

— Не...

— Тогда зачем же вновь пожаловал? — в голосе Волкова я за жесткостью услышала боль.

— Ну... так случилось... — промямлил Валерий.

— Расскажи-ка, что с тобой стряслось.

Родители выход сына из колонии, где он отбывал наказание за злостное хулиганство, решили отпраздновать как особенное событие. В доме собралось пьяное застолье. А вечером, провожая друга домой, Валерий затеял драку с прохожим, избил его, за что вскоре был вновь осужден.

— Выпивши был. Ничего не помню, — угрюмо твердил парень.

Он ушел, а Волков с горечью вздохнул:

— К сожалению, освобожденные совершают (те, что совершают!) повторное преступление в скором времени по выходе из колонии. — Александр Васильевич достал из стола блокнот, полистал его, ища нужную запись, прочел: — Вот, пожалуйста, через 2, 8, 12, 3, 9, 4, 20 дней.

Весьма взрывоопасный это период в течение двух-трех недель по выходе из колонии. Подросток чувствует себя уже на свободе, но еще не у дел. А тут обычно старые дружки налетают, стараются вновь завлечь в свою компанию. Конечно, сильный духом парень даст отпор. А слабый?

В одном из отрядов я разговаривала с подростками, отбывающими второй срок. Ответы их различны. Самые характерные:

— Только вышел на свободу, дома уже ждали. Столы были накрыты. Устроили праздник. Выпили в первый, во второй день... А там — все новые и новые встречи, которые надо было обмывать... Дрались-то мы в парке, — рассказал подросток, осужденный за хулиганство к пяти годам лишения свободы.

— Родители сказали: отдохни. Я и отдыхал. Делать было особенно нечего, я стал искать занятия. И опять втянулся, взялся за старое, — говорил подросток, отбывающий второй срок наказания за угон автомобиля.

— Я пошел на завод, но там все меня сторонились, дразнили. А с прежними друзьями было легко. Но где прежние друзья — там и прежняя жизнь, — этот осужденный отбывает наказание за кражу.

— Я хотел прописаться, ходил в милицию, но дело затянулось, а без прописки не брали на фабрику. Я, по правде сказать, и не очень горевал. Надоело вкалывать. Вечерами гуляли... И опять вино, водка. Когда денег не могли достать — отбирали у ребяташек, — поведаль парень, приговоренный к трем годам лишения свободы за грабеж.

Слушала подростков и удивлялась: что же родители, неужели не могли помочь сыновьям, остановить их? Ан нет — иной раз сами подносили чарку. Урок-то, данный жизнью их детям, к сожалению, впрок родителям не пошел.

Кстати, работники ВТК делают много для того, чтобы предотвратить повторные преступления. Так, ведется большая работа по «воспитанию воспитателей»: беседы, переписка с родителями осужденных, что ведут учителя, воспитатели, мастера; и в них — советы опытных педагогов людям, которые «упустили» своих ребят.

У каждой колонии есть шефы. Над Брянской ВТК шефствуют многие областные организации: завод дорожных машин, культпросветучилище, строительный техникум, технологический институт. Во-первых, шефы помогают колонии вести воспитательную работу. И во-вторых, знакомясь с порядками, задачами, методами ВТК, воочию убеждаются: осужденных можно исправить. Важно на свободе закрепить то, чему научили подростка в колонии. И позже, когда бывшие осужденные придут к ним в коллективы, рабочие помогут им.

В штате сотрудников колонии предусмотрена должность инспектора по трудовому и бытовому устройству лиц, освобождающихся из ВТК. В обязанность Анатолия Ивановича Бьядовского входит оказание помощи выходящим на свободу подросткам в устройстве на работу, наблюдение за тем, чтобы они продолжили учебу, чтобы родители не допускали тех ошибок в воспитании, что привели их детей на скамью подсудимых. Заблаговременно Анатолий Иванович связывается с трудовыми коллективами, где будут работать подростки, получает у них гарантии. Извещает отделение милиции о выходе подростка из ВТК. Сообщает райкому комсомола: «Обратите внимание! Помогите бывшему трудному найти место в жизни, включиться в дела молодежи!» В течение года «ведет» бывших осужденных А. И. Бьядовский. Контролирует, приезжает, проверяет, помогает.

Но не все зависит от сотрудников ВТК! Как ни велика разъясни-

тельная работа, которую они ведут, она требует поддержки. Вот почему на вопрос: «В чем вы более всего нуждаетесь, что вам более всего необходимо?» — начальник колонии ответил:

— Понимание!

Сотрудникам колонии, всему обществу нашему важно, чтобы процесс нравственного становления подростков, что начат и успешно ведется в ВТК, не был прерван по выходе бывших осужденных на свободу. Чтобы они не повторили своих ошибок. Чтобы стали настоящими людьми. А это зависит не в малой степени от тех, кто будет их окружать. От родителей. Коллективов, где будут работать подростки. Сотрудников милиции, к которым им придется обращаться. От тренеров, которые будут с ними работать (или высокомерно откажут в приеме в секцию), от учителей вечерних школ. От соседей, с которыми бок о бок жить. От нас с вами.

Рецидив — это повторение. Повторение преступления. Какой урон наносится потерпевшему! И хоть затем подросток будет наказан — заслуженно наказан, — разве от этого легче пострадавшему, его родным? Так что борьба с рецидивом необходима и подростку, чтобы вновь не понести тяжкого наказания, и обществу, заинтересованному в спокойствии каждого человека.

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

ТРИНАДЦАТЬ ПОЛУШУБКОВ

има выдалась не очень снежная, поэтому на городские площади снег привозили откуда-то на самосвалах, и молодые парни, наверное студенты-художники, деловито командовали, куда снег сваливать, куда подгрести. Кое-где эти «дед-морозовы скульпторы» уже воздвигали ледяные башни, вылепливали добродушных зверюшек. Ребячья азартно помогала им. Расторопные домоуправляющие устанавливали во дворах елки, в городские «производственные» запахи вливался тонкий

смолистый лесной аромат, напоминая людям: до Нового года остались считанные деньки. И люди торопились, готовились.

В большом микрорайоне, примыкающем к сортировочной станции Смычка, подготовка к празднику шла полным ходом.

Молодежь восемнадцатой дистанции решила отметить Новый год в Доме культуры имени Гагарина. Активисты составляли программу «Комсомольского огонька», участники самодеятельности репетировали праздничное выступление.

Драмкружковцы Дома культуры готовили пьесу «Приключения Снегурочки под Новый год»: глупый и зловредный волк все время пытается кого-нибудь обидеть, испортить праздничное настроение, но сам попадает впросак. Худо приходится злому волку. Если бы только в пьесах существовали злые и глупые волки!..

Декабрьская ночь убаюкивает кварталы микрорайона, и снежные башни на площадях, и не украшенные еще елочки во дворах. Давно погасли окна, спят улицы, отдыхают. Только от железнодорожных путей станции Смычка доносятся лязг буферов, перестуки вагонных колес, по-ночному хрипловатые команды диспетчера. Звезд не видно, серое небо роняет редкий снег. Два часа ночи.

Из подъезда пятиэтажного дома на улице Красных Зорь появились три темные фигуры — в тишине чуть слышно скрипнула дверь, резко звякнуло о стену пустое ведро... Шепот с истерической хрипотцой:

— Тихо, т-ты!

Три темных пятна проплыли вдоль серой стены.

На улице светлее, чем во дворе, но так же безлюдно. Погода стояла для этой поры теплая, снег под ногами не скрипел, глушил шаги. Напрямик, пересекая дворы и улицы, торопливым шакальим шажком двинулись туда, где стучала колесами, лязгала буферами, трудилась бессонная станция Смычка.

Сейчас, за полночь, никто не шел по мосту, по улице Пылаева. И никого нет возле низенького бетонного строения склада, что дре-

мотно притулился у подножия моста... Трое остановились на дороге. Переминались, оглядывались. Один — главарь, видимо, — сказал вполголоса, ни к кому не обращаясь:

— Ты поглядывай тут... — и пошел по свежему снегу к двери склада.

Второй дернулся было за ним, но затоптался на месте... Решившись, оставил третьего, а сам тоже суетливо засеменил к складу.

Глухая дверь, ни замка, ни ручки.

— Изнутри заперта, — пояснил главарь. — Айда с той стороны.

Обошли склад. Здесь вторая дверь, с двумя висячими замками. В руках у главаря появился ломик.

Первый, а за ним и второй замок отлетели в снег. Дверь открылась, опасно скрипнув. Но главарь не думал уже об опасности, жадность толкала его вперед, в темное нутро склада...

Капитан Мякишев вошел, как всегда, быстрым, торопящимся шагом, бросил папку на стол. На вопросительный взгляд старшего лейтенанта Вятчинова ответил с неудовольствием:

— Подарочек к Новому году.

— Нам?

— Кому ж еще. Склад восемнадцатой дистанции пути знаешь? Ну вот. Замки взломаны, полушубки украдены. Такое дело.

Оба посмотрели на новенькую папку.

— Материалов нет никаких. Но еще хуже, что следов, можно сказать, никаких воров не оставили.

Вчера, 19 декабря, ранним воскресным утром к складу выезжала опергруппа. Собака след не взяла. Воры вместе с добычей притаились где-то в городе, ищи их.

Дежурный следователь составил протокол осмотра места происшествия. И опергруппа уехала. Остался только инспектор уголовного розыска Смургин — выяснить, что именно похищено из склада и как же путейцы этак опростоволосились.

Сторож для склада по штату имелся — материальные же ценности! Но, как на грех, заболел, в больницу положили. Сменщица его тоже заболела — простудилась. Тогда механик, в ведении которого числились сторожа, выделил на пост временно дизелиста снегоуборочной машины — благо снег пока не шибко идет, машина стоит. Дизелист вечером прошелся разок-другой по объектам, поглядел на них издали и, не считая сторожение прямой своей обязанностью, ушел к стрелочнице в будку пить чай да читать «Крокодил». Почитал, подремал. А когда утром в воскресенье явился его

сменять другой такой же временный сторож, вообще-то слесарь, то и сдали-приняли они дежурство, не выходя из будки. Дизелист отправился домой досыпать. А слесарь беседовал со стрелочницей. Пока не прибежал шофер дистанции и не закричал, что со склада замки сорваны.

Старший лейтенант Смургин вызвал кладовщицу, бухгалтера, произвели ревизию склада. Похищено тринадцать полушубков, на сумму 874 рубля.

— Вот и все данные,— Иван Иванович Мякишев подровнял листки дела и закрыл папку.— Давай наметим, Виктор Петрович, как будем мы их искать, полушубки эти.

Через полчаса они разошлись: Мякишев в контору восемнадцатой дистанции пути, Вятчинов в примыкающие к станции кварталы.

Мякишев знакомился со списками личного состава, с кадровиками беседовал. Но «подходящих» кандидатур среди работников дистанции как будто не находилось. Однако же случайному, неопытному вору так не сработать, чтоб уж вовсе без следов.

Вятчинов постарался «случайно» встретить старых знакомцев уголовного розыска — недавно отбывших свой срок. Потолковал о том, о сем: как жизнь течет, как вчера выходной провели? У жителей, все больше железнодорожников, спрашивал прямо, не слыхать ли чего интересного про здешнюю кражу. Никто толком ничего не знал.

Миновал понедельник.

Иван Иванович Мякишев понимал, что время уходит, стирая какие-то следы, оставленные если не у склада, так поблизости. Но до сих пор не было ни одной более или менее толковой версии. То есть версиям как не быть, но отпадали, распадались они одна за другой при проверке. Приходилось выжидать, пока преступник или преступники проявят чем-нибудь себя. А что обязательно проявят, Иван Иванович не сомневался: сколько бы ни таились, а полушубки продать надо, товар ходовой, модный. Продавать надо — иначе зачем было рисковать.

Из города преступники вряд ли удрали — не та все же добыча. Тринадцать полушубков стоят по государственной цене 874 рубля. Но краденое, не трудом заработанное «загоняют» торопливо, без запроса, за полцены. На такую выручку далеко ли уедешь? До ближайшего ресторана на трамвае?

Занимаясь другими делами, Иван Иванович следил за происшествиями в городе, принимал к сведению даже самую малость. Ну вот, например, задержан бродяга без определенного места жительства,

некий Фетихов, 1948 года рождения. Давно нигде не прописан, не работает. Чем живет? Надо с ним поговорить. После встречи — твердая уверенность: склад не его рук дело.

Вот еще один неработающий, известный на Смычке Аркаха. Уволен за прогулы. Сидит перед инспектором и на стуле качается — с похмелья. Весь потрепанный, потертый, а полушубок на нем новенький, на воротнике у полушубка метка «ПЧ-18 1975 г.». Но и Аркаха — не версия: старший лейтенант Вятчинов выяснил, что полушубок получила со склада как спецодежду жена, за счет которой и живет Аркаха.

А вот запись в журнале происшествий — пригодится или нет? О хулиганстве в трамвае. Ни к складу, ни к микрорайону даже этот случай отношения не имеет. А подумать все же есть над чем.

Вечером 20 декабря, обидевшись на замечание, пьяный пассажир нецензурно обругал водителя. Тут как раз остановка, входят два милиционера. Ну и забрали голубчика.

Трамвайное это происшествие к краже полушубков вроде бы никакого отношения не имело. Да вот хулиган-то знаком Ивану Ивановичу. Потому что, во-первых, парень этот не просто хулиган, но в прошлом вор, отбывший срок и выпущенный на свободу месяц назад. А во-вторых, обитает он здесь, в микрорайоне станции Смычка. И еще, надо проверить, устроился ли парень после «отсидки» на работу, а если не устроился, так на какие средства напивается?

Иван Иванович перелистал свою записную книжку. Так, Булыгин Василий Михайлович, 1957 года рождения, образование 8 классов. Сотрудники милиции в ноябре и декабре несколько раз видели его пьяным. Дней десять назад Иван Иванович беседовал с Булыгиным, и тот клялся, что уже, можно сказать, устроился ремонтником на железнодорожных путях в ПМС — путевой механизированной станции.

— Не верите? — обиженно вздыхал Булыгин. — Уж если разок оступился, так и не верят человеку! Да мне, если хотите знать, и квартиру дали. Ну, не совсем квартиру, а в вагончике поселили, при ПМС. Паспорт сдал на прописку. Вот проверьте!

Мякишев позвонил в паспортный стол. Подтвердили: сдал Булыгин паспорт, прописан в вагончике временно, но что-то долго не идет за документами.

— Во! А вы не верили! — улыбнулся Булыгин. — Мне и постель выдали. Вкалываю — будь здоров! За паспортом сходить некогда.

— Да и пора за ум взяться. Чего хорошего в колонии-то!

— Все, больше туда не попаду! — заверил парень.

На том и расстались. И вот опять надо встретиться. Иван Иванович хотел убрать записную книжку, но, вспомнив что-то, еще раз перелистал. День рождения Булыгина, оказывается, 1 января, в Новый год! Через десять дней — двойной у него праздник. А денег, между прочим, не заработал еще. Так не он ли «готовился» к двойному празднику своему? И после удачи не вытерпел — напился?

Иван Иванович позвонил в КПЗ.

— Булыгин? Есть такой у нас, — ответили ему. — Утром его народный судья наказал десятью сутками административного ареста за мелкое хулиганство в трамвае.

— Вот что, оставьте его пока «без вывода», не посылайте на работы. Ну и присматривайте повнимательнее. Сейчас я приеду.

Виноват Булыгин в краже полушубков или нет, но лучше держать его под надежной охраной. А пока Мякишев пошел в контору ПМС узнать, как там трудоустроился Булыгин. Выходило, что неплохо устроился: оформили его рабочим, в вагончике прописали, постель выдали — это все верно, только к работе парень так и не приступил... Постель пропил, вот и вся его деятельность в ПМС.

Булыгин встретил Ивана Ивановича как старого доброго знакомого:

— Здравсте, гражданин инспектор. Что это вы к нам? Ко мне лично? А зачем?

— Посмотреть, как ты тут. Поговорить. Не нравится, что ли, на свободе? Месяца не прошло, а уж опять вот сидишь.

— Так получилось, — застеснялся Булыгин. — Оступился по молодости лет.

— На что оступался-то? На какие деньги пил, спрашиваю?

— Как на какие? Я ж работаю!

— Запрашивали по месту работы.

— Ну? И что вам ответили?

— Сам знаешь.

— А че? Оформился, тружусь... — уже без прежней уверенности врал Булыгин.

— Оформился, да. Но не трудишься. Так на какие деньги пил?

— Друзья угостили.

— Кто конкретно?

— Да я их вообще-то и не знаю.

— Друзей не знаешь? Ладно, выясним, кто они, и тебя познакомим.

— Зачем вам беспокоиться, гражданин инспектор, — кисло улыбнулся парень.

— Тогда не ври, а рассказывай.

— Я и рассказываю.

— Сказки?

— Гм... У вас закурить не найдется, гражданин инспектор? Ну да, вы ж некурящий. Жалко. Курить охота. Скажите тетке, чтоб сигарет принесла. «Шипку» чтобы, я «Шипку» люблю.

В микрорайоне Смычки жила его единственная родственница тетя Феня, престарелая пенсионерка. К ней Василий Булыгин возвращался после отсидок, отдыхал и пакостил ей на все лады. Тетя Феня ругала его, корила, однако в милицию жаловаться на племянника не имела привычки.

— До чего ты нахальный, Булыгин! Старуха пенсию получает небольшую, обязана она тебя снабжать сигаретами?

— Она ж родственница. А че, не она ли вам пожаловалась, раз вы ко мне приехали?

— Есть за что жаловаться?

Булыгин минуту подумал.

— Ладно, скажу. Все равно узнаете. Правильно я говорю? Записывать будете? Вообще-то не стоит, мелочь... Так, понимаете, получилось... Ну, взял я у тетки четыре банки тушенки.

— Украл, значит?

— Вроде того. Загнал и пропил. И, говорят, где-то там нашумел — выпимши был, ни черта не помню. Как милиция забирала меня на остановке, это помню, а боле ни черта... Руки вязали. Имеют они право руки вязать?!

— Ты оказал сопротивление, оскорблял. С кем пил?

— Сперва один, а потом не помню.

На этом признания Булыгина кончились. К складу близко не подходил, в ночь на 19 декабря спал у себя в вагончике.

Капитан Мякишев все это записал в протокол, а арестованный Булыгин прочитал и подписал.

— Расскажите, Федосья Федотовна, что племянник у вас украл? Старуха сокрушенно закачала головой.

— Господи, смучалася я с им! Как ослобонили его, так и живет на мою пенсию. Сколь денег ему передавала займы, и все без отдачи. Чего украл? Полушубок мой спер, будь он... Зима, а я без шубы нонче. Меня дома не было, он из кладовочки полушубок и упер, хороший, черный, с хлястиком, почти новый, только в правом кармане дырочка. Продал, четыре дня гулял. Потом явился, изви-

няется. Обещал, как деньги заработает, полушубок обратно выкупить и мне вернуть. Врет, поди, не вернет. А позавчера пять банок тушенки унес.

Вот как, значит, не созрел Булыгин на счет тушенки.

Мякишев дотошно расспрашивал парней и подростков, дворовых знакомцев да приятелей Булыгина.

Вопросы задавал самые разные: кому про работу, кому про учебу, как проводят свободное время, давно ли с Булыгиным знакомы, на каких общих интересах держится это знакомство. И — что делал, где был в ночь на девятнадцатое. Ответы были схожи: Василия Булыгина знают, потому что на их улице у тетки он живет, а дружбы с ним особой нету, так что про васькины дела сказать ничего не могут. В ночь на девятнадцатое были там-то, и это подтвердят такие-то.

Лишь двое подростков не ночевали дома, но их вообще не было в городе — еще в пятницу, 18 декабря, уехали к родственникам в Верхний Тагил, что и подтвердили отпустившие их матери.

Дважды Иван Иванович и Вятчинов ездили к Булыгину. Тот «чистосердечно» каялся: верно, украл тушенку у тети Фени. Н-н, и полушубок тоже. Продал в городе неизвестным женщинам.

— Так получилось... По пьянке оно все.

— Твои соседи по вагончику утверждают, что в ночь на девятнадцатое ты там не был.

Вялое лицо Булыгина оживилось благородным негодованием:

— Врут! Путают они! Спал тогда дома! Ни про какой склад знать не знаю, напрасно мне это дело лепите!

Верно, улик против него не было.

Но Булыгин нервничал. Трезвое сидение в камере навевало не-радостные мысли. На свободе — другое дело, там или пьян, или «соображаешь» выпить, думать и некогда. А тут лезет в голову всякое... Что нету в жизни счастья. Не везет. Третий десяток разменял, и все не везет. То есть не так чтоб уж все время: в первый раз осудили за кражу на три года, тогда повезло — по амнистии выпустили. Год всего просидел. Вернулся к тетке и десять месяцев гулял на свободе. А потом опять судили за грабеж, по новой три года получил. Отсидел «от звонка до звонка». И вот только хотел пожить, погулять всласть — опять не повезло. Инспектор Мякишев допрашивает, не отстаёт... Что он знает? Да ничего! Нету улик против

Васьки Булыгина. Только бы мальчишки эти не сболтнули чего... Предупредить бы их, тогда порядок!

Сильно нервничал Булыгин. Проснется ночью — и думает, думает. С непривычки это очень неприятно — думать. Что ж бы такое изобрести? Как ребятам передать?

...После возвращения к тетке Василий Булыгин по двору гулял таким героем, будто не из колонии, а, например, с полярной зимовки или БАМа приехал. Стоит, бывало, сигаретой дымит, из кармана куртки — горлышко бутылки. Лениво этак, с видом удачливого блатного:

— Мне че, я и в колонии жил как бог. Там кругом все меня уважали.

Ребята слушали, верили. И казался им туповатый бездельник смелым, лихим грабителем, у которого вся жизнь — сплошные приключения, романтика, не то что учеба в школе или техучилище...

Нет, ребята вряд ли что скажут на допросе. Но, с другой стороны — салаги же! А инспектор Мякишев, он ушлый, этот Мякишев, он умеет...

Утром Булыгин выпросил у одного из арестованных крохотный огрызок карандаша, забился в угол и на коробке из-под сигарет «Шипка» стал писать...

Через несколько часов записка лежала на столе у инспектора. Иван Иванович и заместитель начальника РОВД майор Геннадий Васильевич Перваков прочли безграмотный текст: «Ул. К.-Зорь спроси Сухарина *...»

— Вот как! Почти готовый адрес!

«Олег тебе довожу до сведения от меня они не чего не добились и не добьются мне пока дали 10 суток и идет следствие вы ничего не знайте поняли. Если будут вас вызывать я с вами некакого отношения не имел с вами ни хожу кричу потому что вы салаги. Если менты будут кричать что я раскололся вы не верьте...

— Ну вот,— сказал Геннадий Васильевич.— Теперь есть версия, достаточно обоснованная. Есть адрес, с которого и начнем. Этот Олег, что о нем известно?

— Он из числа знакомых Булыгина, уже опрошенных. У него алиби: вместе с другом Михаилом Губановым в ночь кражи были в гостях у родственников Олега. На всякий случай я запросил верхнетагильскую милицию, были ли они там. Ответа пока еще нет.

* Некоторые фамилии изменены.

— Ответ, пожалуй, есть — в булыгинской записке. Сейчас десять часов вечера, все должны быть дома. Посылаем дежурную машину за этими друзьями. И родителей обязательно.

Женщина уверена, что ее сын ни в чем не может быть виновен.

— Олег учится на втором курсе горно-металлургического техникума, он комсомолец, прошлое лето был даже членом комсомольского оперативного отряда, сам боролся с разными там нарушителями. Он такой вежливый, послушный, много читает. И, знаете, это возмутительно, что нас в милицию!.. Семья у нас хорошая, всегда внушаем сыну... то есть воспитываем, как надо. Нет, тут просто какое-то недоразумение!

— В ночь на девятнадцатое вашего сына не было дома?

— Да, но это еще не значит... Я сама его отпустила. Восемнадцатого вечером они с Мишей Губановым уехали, а девятнадцатого вернулись. Наконец, мой сын просто не мог совершить что-нибудь такое! У него скоро сессия, нужно готовиться, а тут вы нервируете...

Сын действительно выглядел удрученным. Однако подтвердил то, что говорил при первом вызове:

— Были с Мишей в гостях. О краже услышали, когда вернулись.

Майор Перваков положил перед Олегом склеенную обертку от «Шипки»:

— Прочти, это тебе адресовано.

«Ул. К-Зорь спроси Сухарина Олега...

Лицо паренька покрылось багровыми пятнами, опустились худенькие мальчишечьи плечи...

— Олежек! — приподнялась мать. — Олег, что это значит?!

— Не знаю я ничего... — пролепетал сын дрожащими губами.

— Успокойся, Олег, — сказал майор. — Посиди, подумай. Ждем от тебя правдивого ответа.

Дежурный увел паренька. Следом шла мама.

Миша Губанов суетлив, немного развязен.

— Откуда мне знать, чего вы! Нас с Олегом и в городе не было. Мы девятнадцатого домой вернулись, а во дворе уж болтали, что, мол, склад обчистили. Я-то тут при чем?

Мать сидит, положив на колени усталые руки, смотрит на сына грустно. Голос ее не приказом — просьбой звучит:

— Михаил, если что знаешь, так говори давай, слышишь!

— Чего вы все ко мне пристали! Сказано, не знаю!

Капитан Мякишев:

— Посиди, подумай, Губанов.

— Хо, а чего мне думать! Не знаю, и точка.

Через час:

— Олег, ты хорошо подумал? Видишь, дело какое — именно тебе лично пишет Булыгин. Украденные полушубки, знаешь, сколько стоят? Восемьсот семьдесят четыре рубля. Если их вернуть, то есть возместить государству убытки — суд это учтет. Так же, как учтет и твой ответ, твое признание. Были вы в гостях или нет, это мы узнаем, уже послан запрос. Но ты сам должен ответить: где же вы с Губановым провели ту ночь?

— Сперва в подвале сидели...

— А потом?

— Потом... потом... Пошли к складу.

— Сколько вас было?

— Втроем. Я, Мишка и Булыга.

— Где полушубки?

— У нас в подвале...

— Олежек! Господи, а я еще рубль на дорогу... и банку варенья...

Миша Губанов упрямо твердит свое. Даже когда прочитали ему показания соучастника.

— Сказано, не знаю, чего пристали!

Тогда мать сказала строго, без слез:

— Напакостил, и молчишь?! Семью позоришь! Ну и сиди в тюрьме.

Встала и вышла из кабинета.

— Что ж, Губанов,— сказал майор.— Придется отправить тебя в камеру.

— Ну и отправляйте! — кичился Мишка.

Когда же выводили, задержался в дверях:

— Олега тоже?

— Думаю, что его можно пока оставить на свободе,— ответил майор.

Губанов посмотрел на конвойного милиционера. И, видимо, понял: его не пугают, а и в самом деле...

— Может, и меня отправлять не надо? Я все расскажу, как было...

— И правильно сделаешь. Завтра привезут на допрос, тогда и расскажешь.

Утром Олег, как обычно, явился в техникум. Нет, не как обычно,—никогда еще не было такого неотвязного желания остаться дома, не появляться в этих знакомых коридорах... Но за все время учебы ни разу он не прогулял лекции, не опаздывал. Заставил себя пойти и сегодня.

Тяжело было не только сейчас, смутное предчувствие беды тяготило с той проклятой ночи. Но теперь, когда все открылось, когда вплотную навис судебный процесс... Теперь стыдным словом «вор» заслонилося привычное, уважительное — «учащийся».

Начиналась зимняя сессия, и ребята шумно, весело «переживали» в коридорах. У окна болтают девушки, смеются. И с ними смеется руководительница группы Олега, такая славная, всегда доброжелательная женщина. Вот отошла и, все еще улыбаясь, идет по коридору.

— Тамара Павловна, здравствуйте. Можно вас? Мне нужно сказать вам...

— Здравствуй, Олег. Ты отчего такой взволнованный? Сессии боишься?

— Нет, у меня совсем другое... Даже не знаю, как и сказать... Вас вызывают в прокуратуру.

— В прокуратуру? Зачем? — исчезла улыбка Тамары Павловны, такая славная, доброжелательная улыбка.— Что случилось, Олег?

Сколько улыбок погасил он! Сколько стыда принесли тринадцать краденых полушубков! Зачем они ему были нужны, зачем?!

Утром Михаил Губанов рассказывал следователю прокуратуры Калинину, как еще накануне кражи Булыгин подозвал их во дворе. Лихо поругиваясь, зашептал, что есть шанс занять «хорошие деньги» к Новому году: склад не охраняется, сигнализации там нет, «уголовка» ни за что не докопается, если делать по-умному. Олег как-то неуверенно ответил, что он не может сегодня: если домой не явится вовремя, то мать искать станет. Это, конечно, была отговорка. Первое побуждение было верным — надо отказаться. Но Булыгин уже не захотел отступить от задуманного, а иметь лишнего свидетеля ему не хотелось. Он уловил нотки колебания в голосе Олега и стал настойчивее. Убеждал, что деньги сами в руки лезут, не надо только дрейфить. Олег никогда не слыл храбрецом, но откровенно показать «трусость» на этот раз, видимо, побоялся. И тогда придумали: отпроситься у родителей в гости. А на следующий вечер забрались в подвал, сидели там до глубокой ночи, а часа в два Булыга повел ребят «на дело».

Следователь прокуратуры Калинин готовил к передаче в суд дело. Акты, справки, протоколы допросов. Еще одно преступление раскрыто, похищенное полностью возвращено государству — тринадцать полушубков на сумму 874 рубля.

Но если вдуматься: полностью ли возвращено? Не полушубки только украл Булыгин — украл еще и ближайшее будущее двух шестнадцатилетних мальчишек, покой их матерей.

За протоколами допросов перед Калининским снова вставали лица этих троих...

Опустившийся тунеядец Булыгин боится нормального человеческого труда. Неудачливый вор, он знает по горькому опыту, что обязательно попадется, и все-таки крадет — у старухи-тетки, у государства — только бы не работать, пьянствовать, «пожрать».

Но вот мальчишки, что их толкало сбивать замок на дверях склада? И в результате привело в кабинет инспектора милиции, к следователю прокуратуры, затем в суд. Что же? Захотелось чего-то необычного?

Следователь не впервые задумывается над этими проблемами. Он давно уже понял, что однозначного исчерпывающего ответа на вопрос «как такое могло случиться?» — нет и быть не может. Но и не размышлять по этому поводу он не в силах. Вот и сейчас, пытаясь для себя лично определить — кто же виноват в такой очевидной неустойчивости двух подростков, так легко решившихся на преступление, он снова и снова продумывает эту известную ему теперь в деталях историю. Конечно, есть во всем случившемся вина и школы, и комсомола. Но ведь оба паренька вроде бы были до последней поры достаточно «благополучными», так что не было оснований уделять им особое внимание. И это, пожалуй, больше всего вызывает тревогу. Кто определит, сколько еще, скажем в этом микрорайоне, подростков, которым школа не привила устойчивых нравственных начал, а комсомол не закрепил их делами общественно значимыми? Но ведь об этом сколько уже говорилось, сколько статей и очерков посвящено этой теме! И вроде бы уже такие общие рассуждения стали расхожими штампами. Сколько ни думай об этом, а в общей массе подростков всегда найдется несколько таких, что по разным причинам не привлекли к себе внимания педагогов и общественности.

Остается семья. Вернее — две семьи. Очень разных. Одно, пожалуй, их объединяет — и в той и в другой ребят воспитывали в основном матери, которые, между прочим, в семье особым авторитетом не пользовались. В обеих семьях отцы выпивали, несмотря на протесты матерей, на глазах у детей и в пьяном виде куражились

над родными. Отсюда, видимо, откровенное непочтение к матери у Миши Губанова. То же самое можно сказать и про Олега Сухарина, только его неуважение и к отцу, и к слабовольной матери поглубже упрятано и внешне почти не проявляется. Однако, согласившись участвовать в краже, он явно не задумался о том, что именно матери своей нанесет самую тяжелую обиду.

Но и к семейным неурядицам невозможно свести все случившееся. Следователь прокуратуры аккуратно подшивает листы этого уголовного дела в новенькую папку. Он и сам молод, и обидно ему: ну как это не смогли понять подростки, что свобода, чистая совесть, честь — ни с чем не сравнимое богатство, и беречь их надо смолоду. И еще он думает, не может не думать о том, что много еще у иных подростков, ох, как много ничем не занятого времени. Знает он уже по опыту, что те ребята, что по-настоящему увлечены каким-либо делом — будь то самодельные планеры или музыка, марки или бокс — все же реже, значительно реже оступаются. И как было бы хорошо, если б сумели все вместе: и комсомол, и школа, и родители — занять, увлечь делом всех ребятишек. И еще он думает, что надо записать эти свои мысли и подумать, с чего начинать, где, кому и по какому поводу высказать все наболевшее, да так, чтобы слова не уходили в песок общих рассуждений, а обернулись вполне реальными делами.

Рис. В. КОРОВИНА.

Внимательно слушают ребята учителя по труду Александра Алексеевича Карбовниченко.

УЙДЕТ ЛИ САНЯ „ГРУСТИТЬ“?

РЕПОРТАЖ С РАЗМЫШЛЕНИЯМИ

и непослушен и дома, и в школе. Папа-мама «опостылели» ему потому, что готовы идти на любые уступки. В классе его «затирают», и он конфликтует с ребятами, делает все наперекор учителям. Однажды, придя с работы, родители застали записку: «Я ушел грустить...

До позднего вечера они вместе с учителями обзванивали отделения милиции, больницы и морги, а Саня в это время преспокойно путешествовал по городу в автобусе. Вообще от него можно ожидать всего. Он — т р у д н ы й. Все в школе знают, что мальчика можно обучать и воспитывать только в условиях специального интерната, но... но готовы идти на любые жертвы, готовы прикрепить к Сане сколько угодно учителей, рабочих, парней из райкома комсомола, готовы обсуждать Санины поступки на каждом педсовете, лишь бы не прибегать к этой мере.

Почему? Может быть, школа-интернат действительно такое мрачное заведение, обнесенное высоким забором?

Я побывала в киевской спецшколе-интернате. Должна сказать, забор есть, и довольно плотный. Проходная и узкая входная дверь на территорию — тоже не для вида. Ведь не ангелы сюда слетаются. И попали они сюда по постановлению районных или городских комиссий по делам несовершеннолетних.

Целых пять страниц убористого текста занимает исповедь Гены Т. из киевской школы № 194. Трудно даже поверить, что этот щуплый кареглазый пятиклашка с чистым личиком и белым, как у девочки, воротничком ночами свободно расхаживал по киевским улицам, весьма легко открывал замок либо столовой («хотел покушать»), либо чужой квартиры, парикмахерской, магазина («зашел в магазин «Одежда» сменить грязную рубашку»)... Забирался и в окна своей школы («зашел в кабинет, опустил шторы, включил свет, стал проигрывать пластинки и уснул... Когда проснулся, начал разбирать киноаппарат»). Но в интернате — опытные педагоги, посвятившие всю жизнь воспитанию трудных, и они давно не охают над исповедями таких, как Гена.

Директору Борису Евгеньевичу Малютину и его заместителю по воспитательной работе Сергею Исаакозичу Воробьеву, о чьем педагогическом таланте говорят, что он «от бога», хорошо знакомы подобные подростки. Ребята вроде неуправляемого Сани — не что иное как разновидность доморощенных тиранов или плод чрезмерного родительского потакания и сюсюканья.

Позже в одном из цехов меня познакомят с таким. Постоянно смущающийся, большеглазый Володя К. — теперь правая рука мастера и уважаемый всем отрядом — ничем не напоминает бывшего тирана. Заласканный мамой, мальчик не понимал слова «нельзя», а подросток — стал уносить из дома вещи для взрослых пропойц. На слабые возражения матери бросался на нее с кулаками, ловко закатывал истерику... Четыре года без толку перебрасывали его из школы в школу. Парню скоро пятнадцать, а знания — на уровне четвертого

класса. Впрочем, не только его — многих в интернате приходится учить «с нуля». Шестиклассники порой не знают таблицы умножения, читают по слогам. Все это плоды бездумного, обязательного «перетаскивания» трудных из класса в класс.

Взрослые в интернате — коллектив единомышленников. Кто бы ты ни был — слесарь, шофер, бухгалтер, — ты должен болеть за судьбы ребят. И не так просто попасть сюда на работу. Отбор строгий, даже придирчивый. Чаше администрация сама ищет педагогов. Директор может рассказать немало интересного о таких поисках. Сам Борис Евгеньевич — яркий пример для всего коллектива. Воевал, был ранен, имеет награды, но только об одном военном эпизоде знают сотрудники от самого Бориса Евгеньевича. «В Прибалтике отбили городок, а в нем — концлагерь и тысячи расстрелянных фашистами узников. Среди трупов — единственный живой, чудом спасшийся подросток... Всю жизнь вижу его вопрошающие, зовущие глаза...

Внимательно изучают здесь каждого новенького. В деле Гены Т. в том месте его «исповеди», где он «зашел в какую-то квартиру, открыл ящик стола, нашел серебро, высыпал на стол, начал считать», Сергей Исаакович отметил хладнокровие: начал считать, не думая об опасности. И еще отметил цепкую память, наблюдательность, настойчивость. Постепенно, по деталям создается психологический портрет подростка. Любого.

Новичок некоторое время живет один в опрятной «карантинной» комнатке. Он должен успокоиться после перемены обстановки, познакомиться с воспитателями и будущими учителями, которые ежедневно с ним беседуют, незаметно выясняют пробелы. Жизнь интерната и будущих товарищей он видит сначала на фотографиях в специальном альбоме. Обстановка заманчива: отлично оборудованные учебные классы, уютные спальни, великолепный спортивный зал, каток, концертный зал. Цехи — загляденье: ряды новеньких станков, у которых орудуют ребята в халатах. Все они построены на деньги, заработанные ими, и возведены с их участием.

Тем временем педагоги советуются, как лучше изменить отрицательные черты новенького, пробудить в нем здоровую инициативу, воспитать коллективизм и многое другое.

— С этим парнем надо бы поласковее, — говорит Борис Евгеньевич и тотчас подмечает в глазах воспитателя удивление.

На столе пухлое дело новичка. Борис Евгеньевич придвигает к себе папку и, надев очки, ищет нужную ему страницу. Он выделил в ней всего несколько строк: «Прямо с уроков часто ездит на го-

Директор Борис Евгеньевич Малютин с воспитанником.

родскую мусоросвалку. Однажды нашел там гильзу снаряда и бросил в детей...

— Вот факт, за которым — вся трагедия мальчика, — поясняет Борис Евгеньевич. — В доме — отчим. Мальчик озлобился, возненавидел счастье других детей. Он нуждается в тепле, доброте.

Кстати сказать, наблюдений интернатских педагогов на тему «Отчим в семье» могло бы хватить на специальную конференцию. Жаль, что пока никто этой темой не интересуется. А ведь 65 процентов в спецшколе — это дети разведенных родителей. Борис Евгеньевич считает очень важной социологической проблемой то, как иные отчимы входят в семью. Происшедшее с мальчиком — результат родительского бескультурья, «когда новый «отец» вошел в семью как в конюшню»...

...Звонок с урока. Однако почему-то не слышно ни обычной школьной беготни, ни криков; взрослые и ребята говорят вполголоса. Я зашла в 7 «а». Ребята столпились у доски — и в перемену они увлечены задачей.

В классах не более двадцати учащихся, есть самая совершенная учебная техника. Каждый предмет, с первого по восьмой класс включительно, полностью «начинен» дидактическим материалом, пособиями, литературой (попутно наверстываются пробелы в знаниях). А главное — учат ребят мастера своего дела. Почти все учителя работают здесь более десяти лет.

Помнится, долго искал Борис Евгеньевич математика. Когда порекомендовали молодую учительницу Серафиму Григорьевну Понкуровскую, возражал, хотел, чтобы этот предмет вел опытный учитель со стажем, притом мужчина. Но недавняя выпускница оказалась знающим, волевым педагогом, способным увлечь подростков. Вот почему ее семиклассники не спешат сейчас на перемену, думают над интересной задачей. Решили при мне, быстро, и в ответ на вопрос, чем им нравится математика, один из них, тот, что «прошел» добрый десяток киевских школ до того, как попал в интернат, воскликнул:

— У нас учительница на весь Киев!

Борис Евгеньевич всматривается в лица этих семиклассников, и в глазах его за стеклышками очков теплится улыбка: он-то знает, что и настойчивость, и интерес, и рабочий настрой пришли в классы из цехов, из лагеря труда и отдыха.

Да, физический труд, конкретное дело породили усердие в учебе. Но педагоги также хорошо знают, что полная отдача в учебе придет тогда, когда подросток почувствует неразрывную связь между трудом в цехе и трудом в классе, увидит конечный результат его. Ни одна массовая школа не в состоянии пока дать этим мальчишкам такой целенаправленной трудовой занятости, как в интернате.

Педагоги из опыта знают, что городские подростки трудными становятся от безделья.

— За семнадцать лет работы с ними никогда не встречал деревенских,— говорит Борис Евгеньевич.— Сегодняшние «путешествия» этих ребят ничего общего не имеют с мытарствами беспризорников былых лет в поисках хлеба и крова. Ведь наши воспитанники, даже те, у которых непутевые родители, пришли сюда из более или менее обеспеченных семей, благоустроенных квартир. Поразителен их потребительский подход к жизни, полное незнание и непонимание цены человеческого труда, отсутствие привычки к порядку.

Стоит посмотреть, сколько небрежности и высокомерия в позе новичка, убирающего за собою постель. «Ничего, подрихтуется...» — говорят интернатовцы, тоже бывшие когда-то новичками.

*В картонажном цехе. Вот и готовая продукция.
А в столярном цехе изготавливают тумбочки для детских садов.*

Здесь не читают нравоучений. Сама обстановка вынуждает быть собранным, аккуратным, дисциплинированным. Из-за неряшливости или недисциплинированности одного весь отряд может остаться без вечернего киносеанса, получить замечание на линейке, лишиться поощрительных отрядных баллов. Тянется новичок за товарищами, учится утюжить костюм, чистить ботинки, протирать и смазывать коньки или лыжи, прежде чем вернуть их после катания на место. В спецшколе нет ни уборщиц, ни полотеров, ни дворников, ни садовников, но все блестит чистотой, поражает ухоженностью.

После уроков — обед и затем три часа труда. Цехи — картонажный, слесарный, столярный, механический — на уровне предприятия седьмого разряда, и, как положено на производстве, — норма, соревнование, поиски рациональных методов работы, доска Почета, зарплата. Да, зарплата: на каждого заведена сберегательная книжка. На полмиллиона рублей продукции дают ежегодно цехи, в том числе сто тысяч — прибыль, идущая на нужды интерната.

Вот в картонажном цехе за длинным столом трудятся четвероклассники. Обычно первым появляется здесь Володя К. Заранее получает у мастера и раскладывает на столах заготовки: ребята не должны зря терять время. Коробочки можно клеить сидя, но они делают это стоя, чтобы быстрее двигались руки и больше успеть сделать за смену.

Воспитатели и мастера вводят мальчиков в расчеты, о которых те прежде не имели никакого представления. Оказывается, порядок на рабочем месте, умение экономить каждое движение, даже поза сказываются на количестве и качестве производимого. А заказы важные: коробочки — тару для продукции — ждут на заводе; мебель столярного цеха — детские сады и школы; металлические фланцы — заказ киевской консерватории для пюпитров симфонического оркестра.

Продукция идет высшим сортом. На каждом участке ребят посвящают в секреты мастерства, и они воочию убеждаются, как необходимо знание математики, физики, как важно быть грамотным, уметь выражать свою мысль словами.

Каждый вечер подводятся итоги дня, отмечаются передовые отряды и воспитанники. Сейчас педагоги и ребята готовятся к строительству электромонтажного цеха. Подростки будут осваивать еще одну интересную профессию. Интернат всегда живет перспективой чего-то нового. Это макаренковское правило педагоги учитывают.

Летом все выедут в лагерь труда и отдыха. Он расположен в живописном уголке Киевской области, и все его постройки тоже возведены на средства, заработанные в цехах и в колхозе.

Ответ у доски.

Несмотря на забор, подростки живут не замкнуто. В благодарность за фланцы к ним приезжает симфонический оркестр. Он играет в зале, где красиво, как в театре. У каждого персональное место. Есть у ребят и свой эстрадный оркестр «Ритм», свои солисты.

Но пока — работа. Воспитанники готовятся к встрече с мастерами киевских предприятий. Два раза в год ребята демонстрируют свое умение. Судьи — строгие, и не просто получить их признание. Специальная комиссия присваивает подросткам разряды. Гена Т. трудился в картонажном, «столярил» и уже не дождется, когда займет рабочее место у токарного станка.

— Где тебе понравилось больше всего? — спросила я, и он широко открыл глаза: ему все интересно. По окончании восьмого класса вернется домой настоящим умельцем. Родители тоже довольны. Парня не узнать.

То, какими выпускают здесь подростков, достойно высокой похвалы и подражания. Не зря на базе интерната состоялся республиканский семинар по воспитанию трудных ребят, опыт педагогического коллектива заимствуют коллеги из социалистических стран.

Казалось бы, есть чему радоваться, чем, так сказать, успокоиться. Однако в интернате не успокаиваются, смотрят вперед, в буду-

щее. Вот почему всякий раз, провожая своих выпускников-восьмиклассников, педагоги с тревогой думают об их дальнейшей судьбе. Хватит ли устойчивости для завершения среднего образования у тех ребят, которые вернутся к запойным, разгульным родителям? Были же случаи, когда такие мальчишки снова оказывались на обочине жизни, но уже правонарушителями...

Педагоги справедливо считают, что ребятам из трудных семей надо дать возможность завершить среднее образование именно в интернате, чтобы потом уже с уверенностью передать их то ли в ряды Советской Армии, то ли в самостоятельную трудовую жизнь. Связи и дружба с рабочими коллективами могли бы стать верным мостом, по которому подросток с аттестатом зрелости придет на завод, фабрику, к своему наставнику. Пока же после восьмого класса нити, связывающие рабочие коллективы с интернатом, обрываются.

Волнует не только выпуск, но и нечто другое. Из года в год, несмотря на принимаемые «по всем линиям» меры, количество несовершеннолетних правонарушителей не уменьшается. Конечно, «правонарушитель» и трудный подросток — понятия не однозначные, но грань между ними, увы, не такая уж четкая. Трудный — потенциальный правонарушитель. И казалось бы, совершенно очевидно, что интернат такого высокого педагогического класса, как этот киевский, может быть тем важнейшим профилактическим центром, который врачует запущенность в воспитании. Ведь как учреждение в системе народного образования вспомогательное, подобное интернатам для детей, страдающих физическими недугами (нервное расстройство, ревматизм, слабость зрения и т. д.), спецшкола-интернат прекрасно справляется с возложенными на него задачами.

Если вдуматься, то с позиций ранней диагностики место трудного Сани — в интернате. Слишком дорого обходится школе опека над одним таким, как он, в ущерб десяткам и сотням детей, нуждающихся в учительском внимании. А главное — эта опека неэффективна, ибо массовая школа, на мой взгляд (пусть его оспорят), не может дать трудному мальчишке той занятости делом, которую дает интернат.

Только в Киеве 220 школ, и подростки, подобные Сане, а также дети из трудных семей найдутся в каждой. Между тем, как ни странно, в интернате из года в год — «недобор». Рассчитанный на 320 ребят, он принял в этом году 230, из киевских школ — лишь 88. Остальных «добрали» из других областей. И все эти дети попали сюда через годы отставания в учебе, прогулов, антиобщественного поведения.

Сегодня его дежурство.

Почему же потребовалось столько времени, чтобы заняться ими вплотную? Ведь пропуски уроков, плохое поведение и двойки — это тревожные сигналы бедствия. Но нет: «На Шипке все спокойно». Убеждаешься в этом, читая учительские характеристики. От них веет откровенным равнодушием: «Пропускал уроки, плохо учился, хулиганил с 3-го класса... Почему же определили в интернат только теперь, когда он уже в шестом? Откликнись школа на сигналы бедствия своевременно, сразу — и дети, у которых запойные или разведенные родители (первых в интернате 35 процентов, вторых — 65), могли бы давно нормально жить, нормально воспитываться. Они не познали бы ни дурного влияния улицы, ни приводов в милицию.

И вот здесь мы обнаруживаем весьма любопытную ситуацию. Дело в том, что общеобразовательные школы боятся, чтобы их учеников направляли в интернат. Почему? «Потому, — с простодушной откровенностью сознаются многие директора, — что сегодня направят — завтра прогремишь на всех совещаниях...» А ведь это порой действительно так! В сознании многих руководителей школ, роно и педагогов интернат для трудных ассоциируется с мрачным заведением

за колючей проволокой... К тому же, раз школа направила, значит, не смогла воспитать, допустила промах и т. д.

Подтверждение тому я услышала на одной из коллегий Министерства просвещения Украинской ССР. Она проводилась совместно с представителями Министерства внутренних дел республики. Обсуждалась проблема: что делать, как улучшить работу, чтобы не было правонарушений среди несовершеннолетних? В докладе заместителя министра просвещения прозвучало следующее: «У нас издавна существует правило: школа, в которой есть правонарушения, не должна ни отмечаться, ни поощряться...

На деле это означает, что, «отправив» в интернат трудновоспитуемого, школа как бы сама себе выставляет двойку, добровольно записывает себя в отстающие со всеми вытекающими последствиями. Получается, что иногда лучше промолчать, утаить неблагополучие. И все это вроде бы ради доброго имени школы.

Вот и образуется замкнутый круг: недостатка в школьниках-правонарушителях город, к сожалению, не ощущает, а в интернате для таких ребят пустуют места. Так что Саня может преспокойно уходить «грустить», сколько ему вздумается, пока не натворит большой беды.

Стоит ли дожидаться этого?..

Фото В. ЗИМИНА.

МАРШРУТАМИ ЮНОСТИ

 ел третий год революции, когда представители комсомола Советской республики собрались на III Всероссийский съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи. 2 октября 1920 года на съезде выступил В. И. Ленин: ...Задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи... в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться!»

Огромный оптимизм был заключен в речи Владимира Ильича: говорить об учебе как первоочередной задаче в то грозное, тяжелое для страны время, когда фронты гражданской войны окружали республику, когда страна была обессилена, разорена!

Задача была поставлена. Партия делала все возможное, чтобы добиться ее осуществления. Лучшие здания, дворцы отдавались под школы, клубы, театры для детей.

При ВЦИК организуется комиссия по улучшению жизни детей, комиссия с большими правами, полномочиями, ей выделяются немалые — по тем временам — средства.

Готовятся и принимаются декрет, запрещающий детский труд, декрет о ликвидации безграмотности.

С первых дней революции и до наших дней партия уделяла и уделяет большое внимание воспитанию молодежи, ставила большие, гражданские задачи и создавала все условия, чтобы они были осуществлены.

...Наши специальные корреспонденты Т. Федосеева и В. Зимин в зарисовках и иллюстрациях рассказывают о жизни, учебе, отдыхе ребят Азербайджана — одной из пятнадцати советских социалистических республик.

ГПТУ № 14 расположилось на окраине Баку, вблизи нефтяных вышек. Когда мы пришли, был перерыв и ребята высыпали во двор. Многие были в защитных робах, касках. Присмотрелись — в гла-

Мастер производственного обучения Бахты Худат оглы Гезалов около двух десятков лет работает в ГПТУ. Недавно он — наставник молодежи — был награжден значком «Отличник нефтяной промышленности СССР». В его группах нет отсева учащихся. Ученики Б. Х. Гезалова по окончании училища получают высокие квалификационные разряды, пополняют ряды славного рабочего класса страны.

В учебе, в играх готовятся нынешние ребята к главному делу своей жизни — жить и работать на благо Родины, во славу ее.

1. Отряд юных моряков школы № 91 города Баку встретился с шефами. Мичман В.В. Хохлов рассказывает будущим защитникам Родины о службе в армии.

2. Восьмиклассники Азербайджанской специализированной средней школы — интерната имени комдива Д.Нахичеванского проводят занятия по программе Всесоюзной пионерской военно-спортивной игры «Зарница».

3. 4. Юные друзья милиции из бакинской школы № 15.

5. Лейла-ханум Гасан кызы Расулова, старший помощник прокурора города Баку, считает, что легче вовремя предостеречь расшалившегося подростка, чем позже исправлять правонарушителя.

3

4

5

Школу в нашей стране часто называют вторым домом. Здесь ребята не только учатся, но встречаются с друзьями, занимаются в кружках, отдыхают.

В школе № 200 города Баку летом открыт пионерский лагерь.

зах ребят веселье, лица искрятся радостью. Стало понятно: оделись так, чтобы больше походить на взрослых рабочих.

С гордостью рассказывают ребята о своей будущей профессии, с нетерпением ждут, когда станут самостоятельными, когда им доверят большее дело.

Растет рабочая смена. Знающая, грамотная, добрая.

138 училищ в республике, более семидесяти тысяч человек общаются к рабочему классу. Лучшие мастера, опытные рабочие, убежденные коммунисты воспитывают будущих хозяев страны. Имена наставников знает вся республика. Ребятам они хорошие друзья и вожаки: Герои Социалистического Труда Мирза Баба Абталыб оглы — начальник установки Ново-Бакинского нефтеперерабатывающего завода имени Владимира Ильича Ленина, Панахов Шамшад Панах Кули оглы с завода синтетического каучука Сумгаита, Мамедов Нусрат Худи оглы — бригадир тракторной бригады совхоза в Джалилабадском районе, Байрамов Ханоглан Вели оглы — начальник СМУ Азморнефтестроя. А Бедирахынов Мирза Бала Дадаш оглы из конторы опробывания разведочных скважин недавно стал лауреатом Государственной премии. Щедро несут наставники свои знания, опыт ребятам. Квалифицированными специалистами, преданными делу Родины растут будущие рабочие.

...Об этой встрече ветерана колхозного движения со школьниками нам рассказали в районе. Рассказали мимоходом — встреча была негромкой, но началась она необычно. На сцену поднялся старый человек, орденосеи, посмотрел в зал и вдруг сказал:

— Товарищи! Ребята! Какие же вы счастливые! — Он нашел взглядом самого маленького мальчика, попросил его подняться в президиум и дал книгу: «Читай!» Тот чуть засмушался, но стал бойко читать. Старый человек прослушал, а потом спросил, сколько мальчику лет.

— Одиннадцать!

— Ай-яй-яй! А я прочел первое слово, когда мне тридцать исполнилось. Женатый был. Дети были! — Помолчал немного и добавил: — Свет грамотности принесла нам Советская власть! Помните это, дети!

Говорят, привычное становится обычным. Но иной раз на обычное стоит взглянуть из нашего недалекого прошлого, чтобы оценить достижения нынешнего дня.

Сейчас в республике 4025 школ, где учатся и дружат азербайджанцы и русские, татары и армяне, украинцы и грузины... Дети более чем ста национальностей приходят в школы этой многонациональной республики. Здесь, как и по всей стране, действует гуман-

нейший закон об обязательном восьмилетнем образовании. Закон, который предусматривает не только обучение всех детей СССР основам знаний, но и воспитание советских граждан, будущего Страны Советов. Вот почему столь вдумчиво партия, государство заботятся о разумной организации детского отдыха.

В Азербайджане — 35 детских кинотеатров, более 3300 школьных киноустановок, работает 2 детских театра, более 80 дворцов и домов писателей, станции юных техников, юннатов, спортивные школы. На 36 крупных стадионах организованы детские секции.

...Игра — дело серьезное. Она для детей — подготовка к будущей жизни, профессии. Комсомольская военно-спортивная игра «Орленок», пионерская «Зарница» воспитывают молодежь, юношество, детей на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа, способствуют идейной и физической закалке, обучению военному делу, подготовке к службе в Вооруженных Силах СССР, к труду и обороне нашей Родины. Пройдет немного времени — и ребятам выполнять заповеди «Закона о всеобщей воинской обязанности».

Более двухсот тысяч комсомольцев и пионеров приняли участие во всесоюзных играх.

В республике более 17 тысяч учащихся — в отрядах юных друзей Советской Армии, более 7 тысяч — юных друзей пограничников, летчиков, моряков. Недавно в Азербайджане создана специализированная средняя школа-интернат имени комдива Джемшида Нахичеванского. Ученики ее решили связать свою судьбу с армией, по окончании школы пойти в военные училища.

...В республике одним из первых в Союзе был проведен эксперимент по правовому обучению в школе и профтехучилищах. Много в республике молодежных университетов и факультетов правовых знаний, молодежных школ юного юриста и клубов «Щит и меч», отрядов юных друзей милиции.

Подростки, молодежь хотят знать законы Страны Советов, чтобы неукоснительно следовать им.

Соблюдать Конституцию СССР, советские законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание гражданина СССР — конституционная обязанность советского человека (статья 59 проекта новой Конституции СССР).

**по протесту
прокурора**

ИНФОРМАЦИЯ...

ИНФОРМАЦИЯ...

ИНФОРМАЦИЯ...

ИНФОРМАЦИЯ...

Начальник Нефтекумского районного узла связи (Ставропольский край) издал приказ об увольнении А. И. Иноземцевой с должности телефонистки — по пункту 1 статьи 33 КЗоТ РСФСР в связи с сокращением штата. Увольняя Иноземцеву, администрация не получила предварительного согласия на это местного комитета профсоюза, а также не попыталась перевести ее на другую работу. А согласно статье 35 КЗоТ РСФСР расторжение трудового договора с нарушением этого требования является незаконным и уволенный работник должен быть восстановлен на прежней работе. Кроме того, в соответствии со статьей 33 КЗоТ РСФСР увольнение вследствие сокращения штата допускается, если невозможно перевести работника с его согласия на другую работу.

По протесту прокурора Нефтекумского района приказ отменен, Иноземцева восстановлена в прежней должности.

Приказом директора птицефабрики «Яворовская» (Львовская область) за несвоевременное представление отчета с учетницы Стойко удержана одна треть заработной платы.

Безусловно, Стойко, не представив вовремя отчет, нарушила трудовую дисциплину, за что должна нести дисциплинарную ответственность в порядке, предусмотренном Кодексом законов о труде Украинской ССР. Однако какого-либо материального ущерба фабрике действия Стойко не причинили, а согласно статье 130 КЗоТ Украинской ССР рабочие и служащие несут материальную ответственность, если по их вине причинен прямой действительный ущерб.

По протесту прокурора Яворовского района приказ директора птицефабрики отменен.

Начальник Пугачевской передвижной механизированной колонны (Саратовская область) издал приказ о направлении в командировку в Саратов начальника производственно-технического отдела К.

К., предъявив администрации справку городской поликлиники о том, что она беременна, отказалась поехать в командировку. Тогда начальник ПМК издал второй приказ, которым, в порядке дисциплинарного наказания перевел К. на нижеоплачиваемую работу сроком на два месяца.

Между тем, согласно статье 162 КЗоТ РСФСР, запрещено направлять в командировки беременных женщин.

По протесту прокурора Пугачевской межрайпрокуратуры приказы о направлении К. в командировку и о переводе на нижеоплачиваемую работу отменены.

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**ОБМЕН МНЕНИЯМИ,
ДИСКУССИИ**

*что сделано по вашим
письмам*

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

**ВСТРЕЧИ НА ЖУРНАЛЬНЫХ
СТРАНИЦАХ**

**РЕПОРТАЖИ ИЗ
ЗАЛА СУДА**

собеседник

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ С С С Р

Для блага человека

«В проекте новой Конституции СССР мне да, наверное, и всем другим особенно близки статьи, которые регулируют основные права и обязанности граждан СССР. Например, в статье 41 говорится о праве на отдых. Это право обеспечивается целым рядом мероприятий — в том числе развитием сети домов отдыха, санаториев, туризма. В местном институте я заместитель председателя комиссии соцстраха и ведаю распределением путевок в туристические поездки. Практически все наши сотрудники могут побывать в любой поездке, которая им понравится. Недавно многие путешествовали на теплоходе по Волге, ездили на юг, по Белоруссии. Другие же проводили свой отпуск в домах отдыха.

Большой заботой в нашей стране окружено подрастающее поколение. Как только наступает лето, многие сотрудники института отправляют своих детей в пионерские лагеря, расположенные в живописных местах. Там созданы все условия, чтоб дети смогли окрепнуть, интересно провести время.

Граждане СССР имеют право на жилище — и оно гарантируется развитием жилищного фонда, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, невысокой квартирной платой и так далее. Скажу о себе. Мы с мужем живем в отдельной двухкомнатной квартире со всеми удобствами. Благоустроенные квартиры имеют большинство сотрудников нашего института, ежегодно для нашего коллектива выделяется 300 квадратных метров жилья во вновь строящихся домах.

Часто вспоминаю я свой первый приезд в Минск ровно тридцать лет назад — в 1947 году. Я сошла с поезда, прошла вместе с подругами через здание вокзала — и перед нами открылись сплошные руины, полностью, до основания разрушенный город. Нас сопровождала начальник отдела кадров Министерства пищевой промышленности БССР. Она вела нас по главной улице, если так можно было назвать дорогу между грудями останков домов, и вдохновенно рассказывала, что где будет построено по плану. Нам очень тогда хо-

телось в это верить, и сердце сжималось, когда мы видели то, что называлось раньше городом... А сейчас Минск стал красавцем. Широкие проспекты, заводы, фабрики, кварталы жилых домов, новые микрорайоны, современные квартиры — десятки тысяч великолепных квартир!

Проект будущего Основного Закона предоставляет нам большие права, потому что в социалистическом обществе действует принцип: все для блага человека.

Н. ВАЛУЕВИЧ,
заместитель заведующего
отделом научно-
исследовательского института
научно-технической
информации и технико-
экономических исследований
Госплана БССР

Долг патриотов

Публикованный проект Конституции СССР, утверждая новый этап движения советского общества к коммунизму, отчетливо определяет законодательную структуру нашего жизнеустройства.

Выступая на майском Пленуме ЦК КПСС, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Нужно, чтобы каждый советский человек ясно сознавал, что главная гарантия его прав в конечном счете — это мощь и процветание Родины. А для этого каждый гражданин должен чувствовать свою ответственность перед обществом, добросовестно выполнять свой долг перед государством, перед народом». Эта мысль находит отражение и в проекте Конституции. Думается, есть основание, опираясь на данную емкую формулировку Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Конституционной комиссии тов. Л. И. Брежнева и введение к проекту Конституции, где наше общество определяется как общество трудящихся — патриотов и интернационалистов, рассмотреть вопрос о частичном изменении статей 64 и 68.

Предлагается объединить эти статьи и читать в следующей редакции: **«Статья 64. Долг каждого гражданина СССР — быть патриотом своего народа и социалистической Родины, уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народов Советского многонационального государства.**

Интернациональный долг гражданина СССР — содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира».

Н. МАШОВЕЦ,
член КПСС,
член Союза писателей СССР

Беречь землю

Советская власть многое сделала для развития сельского хозяйства в стране. Взять хотя бы нашу республику. Недавно в одном из справочников я прочитал, что до 1917 года царской казне, помещикам, церкви и мечетям принадлежало в Азербайджане 98,2 процента всех земель. А трудовому крестьянству, которое составляло 90 процентов всего населения, — только 1,8 процента.

После Великой Октябрьской социалистической революции вся земля перешла в собственность государства. Оно закрепило землю за колхозами — передало ее им в бесплатное и бессрочное пользование. В корне преобразовался социальный строй жизни сельских тружеников Азербайджана. Сейчас совхозы и колхозы — благоустроенные селения, полностью электрифицированные и радиофицированные, с красивыми домами, школами, детскими садами и яслями, медицинскими учреждениями, клубами и кинотеатрами.

На полях, плантациях, в садах, на фермах Азербайджана работает большое количество техники. В 1975 году капитальные вложения государства и колхозов на развитие сельского хозяйства в республике составили 381 миллион рублей.

Однако не все еще должным образом ценят заботу Коммунистической партии и Советского государства о тружениках сельского хозяйства. Есть и такие хозяйства, где мало заботятся о завтрашнем дне, плохо используют землю. А вот этого-то допускать нельзя. Земля требует большой заботы и внимания, тогда и отдача будет больше. Вот почему наряду с правом колхозов на пользование землей я считаю нужным указать в Основном Законе обязанность колхозов пользоваться землей рационально, беречь землю, своевременно проводить все необходимые работы по ее улучшению и сохранению.

Баку

Ф. ВЕКИЛОВ,
старший агроном межрайонной инспекции
республиканской станции защиты растений
Министерства сельского хозяйства
Азербайджанской ССР

Готовить детей к труду

Всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР — событие историческое, волнующее всех нас. Помню, как еще школьником изучал Конституцию 1936 года. Люди моего поколения защищали завоевания, закрепленные в ней, на полях Великой Отечественной войны. Половина ребят из нашего класса не вернулась с поля боя.

Больше сорока лет мы жили, трудились, боролись за созидание нового общества по этому Закону. Мы всегда гордились нашей Конституцией. О ней слагали стихи, песни. Но огромные изменения произошли в нашей стране за эти годы. И они нашли четкое отражение в проекте новой Конституции СССР. Я всецело, полностью и горячо одобряю этот исторический документ, вынесенный на всенародное обсуждение. В нем залог наших новых побед и свершений на пути обеспечения мира и созидания коммунистического общества.

Как педагогу мне особенно дорого то, что в проекте новой Конституции законодательно закреплена обязанность всех граждан Советского Союза «заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества» (статья 66). Это должно, на мой взгляд, еще более повысить ответственность всех родителей за правильную постановку воспитания в семье будущих граждан нашего общества.

Вместе с тем мне хотелось бы внести предложение.

Требует уточнения, на мой взгляд, одна из формулировок статьи 42 о праве граждан СССР на охрану здоровья. В частности, в тексте этой статьи указывается, что право на охрану здоровья обеспечивается в числе других мер и «запрещением детского труда». На мой взгляд, эта формулировка требует уточнения. Ведь в статье 66 проекта Конституции говорится о необходимости готовить детей к общественно полезному труду. И такая постановка вопроса является важнейшим принципом системы коммунистического воспитания подрастающих поколений. Полагаю, что в статье 42 речь должна идти не о запрещении труда детей вообще, а о запрещении лишь труда, непосильного для детей, труда в ущерб их здоровью, образованию.

Ю. СОКОЛЬНИКОВ,
профессор Московского государственного
педагогического института им. В. И. Ленина,
доктор педагогических наук

Хорошо бы уточнить...

Отдаю, что правосудию, арбитражу и прокурорскому надзору в проекте новой Конституции СССР отведен специальный раздел. В этом проявляется постоянная забота нашей Коммунистической партии, Советского государства о дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка.

Великие свершения советского народа нашли отражение в предельно ясных, чеканных и вместе с тем величавых формулах Основного Закона.

Проект Конституции СССР горячо поддерживаю, считаю, что этот документ огромного юридического и политического значения под стать социалистическому общенародному государству, государству развитого, зрелого социализма.

В ходе всенародного обсуждения проекта Основного Закона СССР у меня возникло желание предложить уточнить некоторые положения проекта.

1. В статье 151 записано: «Судьи военных трибуналов избираются Президиумом Верховного Совета СССР сроком на пять лет, а народные заседатели — собраниями военнослужащих сроком на два с половиной года». Этот срок не совпадает со сроком действительной службы рядового состава Вооруженных Сил СССР.

Поэтому, на мой взгляд, слова «сроком на два с половиной года» следует опустить или заменить их словами: **«сроком на два года»**.

2. Статью 153 проекта желательно дополнить ссылкой: **«В случаях, предусмотренных законодательством союзных республик, допускается рассмотрение некоторых категорий дел единолично народным судьей»**.

3. Представляется нецелесообразным возлагать на Государственный арбитраж СССР руководство и надзор за деятельностью «всех органов арбитража», в том числе и ведомственного арбитража. Поэтому было бы правильнее написать **«всех органов государственного арбитража»**.

М. КАРЫШЕВ,
полковник юстиции запаса

Выделить в самостоятельную статью

Великая Октябрьская Социалистическая революция предоставила народу неоценимое право пользования всеми достижениями культуры, которую создало человечество за все время своего исторического развития.

В дни знаменательного юбилея 60-летия Октября мы вправе гордиться и тем, что культурные ценности советским государством не

только сохранены, но и приумножены. Обогатились государственные музеи, созданы тысячи народных музеев, работающих на общественных началах. Не редкостью стали картинные галереи на селе. Сотни памятников древней истории, памятников истории революции, трудовой славы и воинского подвига, памятников архитектуры реставрированы. Создано немало новых памятников, получивших всеобщее признание. Это ленинградский пояс Славы, это памятник на Мамаевом Кургане, это белорусская Хатынь и латышский Саласпилс.

Тяга к соприкосновению с историческими ценностями колоссальна и имеет постоянную тенденцию к повышению. По самым скромным подсчетам, памятники истории и культуры посещает или участвует в различных церемониях у них не менее 100 миллионов граждан в год. Именно поэтому советское общество кровно заинтересовано в их сохранении и привлечении к самому широкому использованию в культурно-воспитательных целях.

Партия и правительство неизменно оказывали самую действенную помощь в сохранении памятников. В СССР создано совершенное законодательство в этой области, созданы государственные органы охраны памятников, научно-исследовательские институты и лаборатории, специальные производственно-реставрационные подразделения. К делу охраны и пропаганды памятников привлечена общественность, объединенная в республиканских обществах охраны памятников истории и культуры.

В опубликованном проекте новой Конституции СССР в разделе «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» ст. 67 определяет во второй своей части, что «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг граждан СССР». Эта статья полностью отражает мнение самых широких общественных кругов нашей страны. Вместе с тем проблема охраны и использования памятников истории и культуры уже в настоящее время превратилась в самостоятельную отрасль культуры и несомненно будет привлекать к себе большое внимание в дальнейшем. Поэтому вносится предложение выделить обязанности граждан сохранять и приумножать культурные ценности в самостоятельную статью.

В. ИВАНОВ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР

Н. ГОРШЕНЕВА,
заместитель прокурора РСФСР

УКРЕПЛЯТЬ ДИСЦИПЛИНУ ТРУДА

«**О**бязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, строгое соблюдение трудовой и производственной дисциплины», — говорится в проекте Конституции СССР, который сейчас широко обсуждается в нашей стране.

Рациональное использование трудовой минуты — это существенный резерв дальнейшего повышения производительности труда. И там, где научились беречь рабочее время, где потери его сведены до минимума, выполняются и перевыполняются производственные планы, выпускается продукция высокого качества. Наконец, соблюдение дисциплины труда — это неотъемлемый элемент социалистической демократии, ибо она неосуществима без дисциплины и прочного общественного порядка.

Строжайшее соблюдение норм трудового законодательства обеспечивает ритмичную работу предприятий, учреждений, хозяйственных организаций. Поэтому значение прокурорского надзора за соблюдением законов о труде и других правовых норм, регулирующих деятельность производственных трудовых коллективов, непрерывно возрастает. При этом решаются две важные задачи. Первая — обеспечить правильное и единообразное применение законов, охраняющих трудовые права граждан. И вторая — добиться строжайшего соблюдения дисциплины труда, обязательной для всех и каждого.

О масштабах прокурорской деятельности в этом направлении в Российской Федерации говорит такая цифра: только за один год органы прокуратуры проверили соблюдение трудового законодательства и дисциплины труда более чем на 20 тысячах предприятий, строек и в хозяйственных организациях.

Обобщая полученные таким образом материалы, можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство членов производственных коллективов честно исполняет свои трудовые обязанности, проявляет творческую инициативу в совершенствовании технологических процессов, добивается высокой производительности труда, бережно относится к народному добру. Количество нарушений трудовых законов в республике заметно снижается. Несколько сократились также непроизводительные потери рабочего времени. Это — прямое следствие практического исполнения решений XXV съезда КПСС, направленных на улучшение организации труда и укрепление трудовой дисциплины.

Вместе с тем материалы проверок показывают, что еще не все предприятия и организации уделяют внимание соблюдению трудовой дисциплины, полному и производительному использованию рабочего времени.

Вот что обнаружила прокуратура Тамбовской области на Мичуринском заводе имени Ленина. Администрация предприятия ежемесячно направляла более 100 рабочих и служащих в помощь строительно-монтажному управлению № 1 треста «Мичуринсксельстрой», которому было поручено возвести новый главный корпус завода. Эти работники в большинстве своем не имели строительных специальностей, и должного контроля за тем, что они делали на стройке, не велось. К тому же они не всегда своевременно обеспечивались фронтом работ и материалами, часами простаивая по этой причине. Не было здесь и ежедневного учета объема работы посланцев завода. Некоторые из них преждевременно уходили с работы, прогуливали. В результате предприятие понесло убытки в 73 тысячи рублей. Прокурор области информировал обо всем этом руководящие органы и принял другие меры к наведению порядка.

Вскрыть то или иное нарушение законов об охране труда, трудовой дисциплине, режиме рабочего времени — это только полдела. Не менее важно выяснить их причины и добиться того, чтобы подобные факты не допускались в дальнейшем.

Так, прокуратура Хабаровского края, анализируя данные о состоянии законности в крае, обратила внимание на значительные потери рабочего времени на предприятиях транспортного управле-

ния. Только за один год из-за прогулов, связанных с пьянством, было потеряно свыше 11 тысяч человеко-дней. Руководители зачастую не применяли к прогульщикам предусмотренных законом мер общественного и дисциплинарного воздействия, материалы о них редко передавались в товарищеские суды. Даже когда из милиции сообщали о правонарушениях, совершенных работниками этих хозяйств, ни администрация, ни общественность на это, как правило, не реагировали. При подведении итогов социалистического соревнования не учитывалось состояние трудовой дисциплины в коллективах. Короче, пьянцам и прогульщикам жилось вольготно. В итоге — брак, простой, невосполнимые материальные потери. И никого это, к сожалению, не беспокоило. В представлении начальнику транспортного управления прокурор предложил принять меры для устранения нарушений закона, а также причин, их порождающих. Эти предложения приняты. Отдельные руководители за попустительство нарушителям наказаны.

А вот ситуация, которая, как показывают проверки, встречается, к сожалению, довольно часто. Начало месяца. На предприятии — затишье. В цехах работа идет вполсилы. Но наступает вторая половина месяца — и сразу начинается лихорадка. Объявляются авралы. Люди работают сверхурочно. Лишь бы выполнить план. В этой спешке руководители нередко нарушают законы об охране труда.

Трудовым законодательством, как известно, строго определены случаи, когда допускаются сверхурочные работы. Они, как правило, разрешаются лишь в целях предотвращения стихийного бедствия, в связи с производственной аварией, необходимостью ремонта механизмов и сооружений, если их неисправность вызывает прекращение работы значительного числа людей и тому подобное — то есть в тех ситуациях, которые предусмотрены статьей 55 Кодекса законов о труде РСФСР.

Однако отдельные руководители, в нарушение закона, привлекают людей к сверхурочным работам для выполнения плановых заданий. Причем такие авралы, как правило, вызываются упущениями в организации труда и потерями рабочего времени из-за слабой трудовой дисциплины.

Серьезные нарушения законов о режиме рабочего дня и отдыха обнаружили работники прокуратуры, например, на предприятиях объединения «Кареллесэкспорт». Здесь постоянно практиковались сверхурочные работы. И нередко с превышением установленных предельных норм времени на одного рабочего. Руководители в ответ на эти претензии говорили:

— Но ведь надо же выполнять план!

Безусловно, надо. Но не ценой сверхурочных работ, а с помощью четкой, правильной организации труда. Между тем только в течение одного года на этих же предприятиях было 5 тысяч прогулов — в основном из-за злоупотребления спиртными напитками. И с этим неблагоприятным явлением борьба велась слабо. Даже если человек в нетрезвом состоянии приходил на производство, его не отстраняли от работы, что нередко приводило к авариям и травмам, к порче техники и материалов. Вот какой случай произошел на одном из предприятий. Рабочий, управляя мотовозом в нетрезвом состоянии, столкнулся с другим мотовозом и вывел его из строя. Виновный отделался выговором. С него даже не взыскали стоимость ущерба. Случайность? Нет. К пьяницам и прогульщикам здесь вообще относятся благодушно. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт. На предприятия объединения неоднократно поступали сведения о том, что некоторые их работники совершают правонарушения. Руководители аккуратно отвечали: «Приняли меры!» Между тем, как показала проверка, никаких мер на самом деле не принималось. Узнав об этом, прокурор сделал соответствующее представление, на основе которого впоследствии были разработаны и осуществлены мероприятия, направленные на укрепление трудовой дисциплины в коллективах.

Как известно, большая роль в соблюдении трудового законодательства на предприятиях, повышении трудовой дисциплины в организациях и учреждениях принадлежит профсоюзным организациям. К примеру, без согласия месткома администрация не вправе привлечь людей к сверхурочным работам. И профсоюзные органы, когда руководители обращаются к ним с такой просьбой, нередко дают на них согласие. Но не задумываются при этом, насколько в действительности эти сверхурочные работы нужны, а также чем они вызваны. Бывает и так. Администрация обращается в профком с просьбой дать согласие на увольнение рабочего за прогул и систематическое нарушение трудовой дисциплины. Профсоюзный комитет, изучив все обстоятельства дела, выносит решение: удовлетворить просьбу. И на этом считает свою миссию законченной. А в чем причина такого поведения нарушителя? Как поставлена воспитательная работа в коллективе? Эти немаловажные вопросы, к сожалению, остаются вне поля зрения профсоюзных организаций.

На последнее обстоятельство хотелось бы обратить особое внимание.

Дело в том, что любое нарушение дисциплины труда: непроизводительные потери рабочего времени, прогулы, опоздания, прежде-

временные уходы с работы, бесхозяйственное отношение к использованию сырья, топлива, электроэнергии, оборудования и тому подобное — причиняют не только материальный, но и моральный ущерб, отрицательно влияют на других членов коллектива. В подтверждение этой мысли приведу такой пример. На ряде транспортных предприятий управления «Белгородтранссельхозтехника» непроизводительные потери рабочего времени вошли в систему. Только на предприятии № 1 за год из-за прогулов было потеряно свыше 1500 человеко-дней. Однако никакой борьбы с прогульщиками здесь, по существу, не велось. Дни прогулов не учитывались. Хуже того, некоторым нарушителям они указывались в табелях как рабочие, и за них начислялась зарплата. Так сложилась обстановка бесконтрольности, которая привела к тому, что многие водители стали использовать автомашины в корыстных целях, приписывать объемы перевозимых грузов. Например, группа шоферов, работавшая в колхозе «Россия», приписала 3228 тонн якобы перевезенных грузов, чем причинила ему ущерб на 3368 рублей. Виновных водителей, конечно, наказали. По иску прокурора ущерб колхозу был возмещен. В представлении, внесенном в управление, прокурор потребовал устранить выявленные нарушения законности и наказать руководителей четырех предприятий, не выполняющих требования законодательства об укреплении трудовой дисциплины.

В борьбе за повышение производительности труда, соблюдение трудовой дисциплины необходимо активнее использовать указанные в законе средства против дезорганизаторов производства, правильно сочетая меры общественного воздействия и государственного принуждения. В. И. Ленин подчеркивал, что дисциплинированность рабочего в значительной степени зависит от тех условий, в которых он трудится. Внедрение в производство новой техники, совершенствование организации труда дисциплинирует рабочих, повышает чувство ответственности за выполняемую работу, за сохранность народного добра.

Советское законодательство предоставило администрации предприятий, их общественным организациям достаточно средств воздействия на нерадивых работников, особенно пьяниц, наносящих большой ущерб обществу. И никак нельзя мириться с тем, что на отдельных предприятиях не только не применяют к прогульщикам предусмотренных законом мер взыскания, но даже скрывают нарушителей дисциплины от учета, чем, по существу, их поощряют.

Отсутствие должной требовательности к нарушителям трудовой дисциплины и обстановка безнаказанности нередко ведут к более серьезным правонарушениям и даже преступлениям. Вот что показав

ло расследование умышленного убийства, совершенного Ш. У себя на предприятии он систематически пьянствовал, нарушал трудовую дисциплину. Но ни администрация, ни профсоюзная организация мер к нему не принимали. Однажды Ш. в нетрезвом состоянии совершил мелкое хулиганство. И опять это ему сошло с рук. Такая безнаказанность вскоре привела Ш. к тяжкому преступлению.

Как видите, любое отступление от норм трудового законодательства, от кого бы оно ни исходило, от рабочего или от руководителя, неизбежно сказывается на всем производственном процессе. И здесь уместно вспомнить совершенно справедливые слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные им на XVI съезде профсоюзов: «Ведь сегодня неимоверно возрастает ущерб от каждого нарушения, каждого срыва трудовой, плановой и технологической дисциплины. Разве сравнить потери от плохой работы землекопа, который был вооружен лопатой да тачкой, и потери от простоя шагающего экскаватора? Перебой в работе одного цеха может обернуться многотысячными потерями для завода, а в конечном счете и сказаться на целой отрасли». Вот почему следует бережно относиться к трудовой минуте, цена которой сейчас очень велика. К этому каждого человека обязывает Основной Закон нашего социалистического международного государства, проект которого сейчас повсеместно обсуждается в стране. И рабочая совесть.

КТО ВИНОВАТ?

ДВА ПИСЬМА НА ОДНУ ТЕМУ

В обширной редакционной почте они случайно оказались рядом — два небольших, полных горечи письма. Их написали разные люди: одно — пожилая женщина, мать, обеспокоенная поведением и дальнейшей судьбой дочери, другое — молодой человек, отбывающий наказание в исправительно-трудовом учреждении. Но оба письма на одну тему: о проблемах нравственного воспитания человека. В первом — мучительные «отчего?», «почему?», «как избежать зла?». Во втором — признание своей виновности, искреннее раскаяние. На наш взгляд, эта «исповедь» весьма поучительна и полезна для тех, чье поведение вызывает тревогу родителей и окружающих, и, возможно, в ней можно найти ответы на некоторые вопросы, содержащиеся в первом письме. Впрочем, судите сами. Вот эти письма.

Дорогая редакция. У меня большое горе. Моя единственная дочь все больше отдаляется от меня, не слушает моих советов, не признает запретов. А между тем ее поведение вызывает большую тревогу. Тревогу? Нет, это слишком мягко сказано. Отчаяние, невыносимую душевную боль. Галя (ей нет еще и восемнадцати) курит, водит дружбу с компанией длинноволосых юнцов, приходит домой поздно и иногда от нее пахнет вином. В минувшем году она с горем пополам закончила десятилетку, устроилась вначале ученицей продавца, затем кассиршей в кинотеатр, после этого еще куда-то, но все работы оказались ей не по душе. У меня такое впечатление, что всякий труд вызывает у нее отвращение. Даже дома она считает не обязательным убрать после себя, я уж не говорю о том, чтобы сходить в магазин или приготовить обед. Галя любит красивую одежду, побрякушки, беззастенчиво требует у меня деньги на модные «шмотки». Как-то я сделала ей замечание: рано еще, мол, ездить на такси. И услышала в ответ: «Хочу жить красиво». Откуда у нее все это? А какая была девочка! Скрамная, послушная. Меня ли упрекать в том, что не уделяла ей должного внимания.

Отец Гали оставил нас, когда девочке было три года. Я даже не пыталась вторично устроить свою судьбу, решила всю жизнь посвящать дочери. Мне хотелось, чтобы Галя никогда и ни в чем не почувствовала отсутствия отца. Она одевалась не хуже, а может быть, даже лучше, чем ее подруги, у нее были дорогие игрушки, училась музыке, фигурному катанию. Помню, как после работы спешили мы с ней то в музыкальную школу, то на каток. На пианино, спортивные костюмы нужны были деньги, и я сидела над чертежами до поздней ночи, в воскресные дни. А когда Галочка подросла, я устроилась на вторую работу по совместительству: дочь становилась девушкой, ее нужно было одеть модно и красиво. С годами все тяжелее становилось управляться на двух работах, но что значила усталость по сравнению с той радостью, которую доставляли Гале дороги обновки.

Когда же началось плохое? Почему? Я трудилась всю жизнь не жалея сил, дочь выросла белоручкой. А мое самопожертвование? Какие оно принесло плоды? Не благодарность, не доброту, а черствый эгоизм.

Но я не о себе, не до обид мне. Как спасти Галю? Как убедить ее в том, что стала она не на ту дорожку? Как заставить ее смотреть на жизнь по-иному? Чувствую, что нельзя терять ни минуты. Иначе это стремление к «красивой» жизни может привести к несчастью. Но что делать, как быть?

Посоветуйте, помогите!

ЧЕЛЯБИНСК

**Н. С.,
инженер.**

Уважаемые сотрудники редакции!

Я не обращаюсь к вам за помощью. Осудили меня правильно и справедливо. Получил то, что заслужил...

Цель моего письма иная. Хочу, чтобы оно послужило предостережением для тех, кто еще бездумно относится к своему настоящему и будущему, «любит» только себя и не любит трудиться, пьянствует, не желает считаться с правилами социалистического общежития, советскими законами.

Сейчас, когда у меня было достаточно времени, чтобы не только решить, как дальше жить, но и проанализировать чуть ли не каждый шаг, приведший меня в колонию, я понял, что в моей невеселой истории есть одно общее со всеми теми, кого кривая дорожка приводит в места лишения свободы. Это — пьянство и эгоизм!

Я рос без отца. О своей маме я думаю до сих пор с большой любовью и уважением. Мама делала все, чтобы я не чувствовал сиротства. Ни в чем не отказывала, ни в чем я не ощущал недостатка, был сыт, чисто одет, у меня были карманные деньги на мои мальчишеские расходы. Когда деньги кончались, я просил — и мама давала мне еще. Вначале это были расходы на кино и мороженое. Потом на два билета в кино и мороженое, а потом брал на кино и мороженое, а тратил на водку «вскладчину с друзьями». Работала и зарабатывала деньги мама. Завтрак, обед и ужин готовила мама, в магазин за покупками ходила мама, порядок в доме наводила тоже мама. А я — учился, но особенно не перетруждал себя, развлекался с друзьями. Все брал! И ничего не отдавал! Сейчас, вспоминая свое детство и отрочество, я думаю, что первое преступление совершил тогда, когда из 100 рублей, заработанных мамой, без угрызений совести, как должное, взял 60 рублей на покупку модного костюма. Мне нужен был костюм и туфли, чтобы ходить на танцплощадку. Неважно, что я ни копейки не заработал сам, а мама по несколько лет носит одно и то же платье. Ведь костюм-то был нужен мне!.. Лучший кусок за столом — мне. Это воспринималось как само собой разумеющееся. Сбегать в магазин за хлебом может и сама мама после работы: мне было некогда, я опаздывал к «товарищам» с гитарой. Если уж и приходилось идти самому в магазин, то стоять там в очереди в кассу или у прилавка — ни-ни! Пусть другие стоят. Уступить старушке, старику, женщине с ребенком или просто женщине место в автобусе и трамвае — с какой стати? Зато как здорово в кругу «своих» пропустить стаканчик-другой для «храбрости» и «веселья», с особым вкусом и шиком толкнуть, обругать прохожего и видеть его растерянность и испуг... Так рождался эгоист, циник и хулиган.

А жизнь шла... Стал «взрослым». Пошел работать. Женился. Родился сын. Я очень любил жену (и сейчас люблю!). Радовался сыну и мечтал о его светлом будущем. Но не сделал для него ничего хорошего. Был счастлив сам, но не хотел замечать, что не дал счастья ни своей жене, ни своему ребенку. А ведь мог бы дать, для этого нужно было только добросовестно, честно трудиться и отказаться от пьянки в кругу «друзей». Но «пахать» и «горбатиться» мне не хотелось. Не желал я лишать себя и удовольствия «общения с друзьями». Для «красивой» жизни нужны деньги. Где их взять, если не хочется обременять себя честным трудом? Ведь есть же такой способ — отнять! И скрыть следы преступления!

Я стал опасным преступником. Так я потерял свободу! Сам себя лишил настоящего человеческого счастья! Сам разрушил свою

семью — потерял жену и сына! Принес горе и страдание матери. Хотел без труда получить «красивую жизнь». И получил... тюрьму! Теперь я понимаю, что все это закономерно, и не могло быть иначе. Путь к счастью всегда прямой и честный. Все это я понял сейчас. И как жаль, что прозрение так запоздало. Но я хочу предостеречь тех, кто сейчас так же бездумно, как и я когда-то, растрчивает свои лучшие года на «мнимые» прелести легкой жизни. Остановитесь! Стремитесь жить честно, достойно. Доброе имя потерять легче, чем восстановить. Пусть ваша жизнь будет интересной, содержательной и полезной. Пусть ваши родные и близкие станут гордиться вами, а не проливать слезы от стыда за вас и позора.

ВИКТОР М.

ЧТОБЫ НЕ СЛУЧИЛОСЬ БЕДЫ

Думается, не нужно доказывать, какой огромный ущерб наносит пьянство. Человек, злоупотребляющий спиртными напитками, не может трудиться в полную силу, с творческой отдачей. Своим поведением он портит настроение окружающим. А каково семье? Детям? Для них пребывание в доме пьяницы становится поистине несчастьем.

В борьбе с таким социальным злом, как пьянство, прибегают самым различным мерам. Наиболее действенная из них — влияние производственного коллектива. Хорошо поставлена эта работа на Киевском заводе «Радиоприбор» имени С. П. Королева. Прежде всего здесь заботятся о том, чтобы досуг людей был заполнен интересными занятиями. Многие учатся в вечерней школе рабочей молодежи, вечернем техникуме, на подготовительных курсах для поступающих в высшие учебные заведения. В выходные дни — туристические походы и экскурсии, коллективные выезды на заводские базы отдыха. Не забыта и молодежь — для нее создан клуб «Квант». Работают кружки и студии художественной самодеятельности. Захотел человек заниматься спортом — пожалуйста! В его распоряжении — спортивные площадки и спортзал.

Ну, а если человек все-таки пьет, какие к нему принимаются меры? Все зависит от того, насколько далеко зашло его увлечение спиртным. За одними закрепляются наставники, общественные воспитатели. Другим по медицинскому заключению назначается лечение

от алкоголизма — либо в наркологическом кабинете, созданном при объединении, либо в стационарных условиях.

В объединении успешно работает комиссия по борьбе с пьянством. В нее входят представители общественности, юрисконсульт, врач-нарколог, социолог, командир специализированного отряда добровольной народной дружины, авторитетные производственники. Возглавляет комиссию заместитель директора Б. Коваленко.

Результат? Заметно укрепилась трудовая дисциплина. Сократилось число прогулов, опозданий на работу и нарушений общественного порядка на почве пьянства. Более чем в три раза уменьшилось число людей, побывавших в вытрезвителе.

Но, к сожалению, далеко не везде борьба с пьянством ведется с такой эффективностью. Недавно мы, группа ученых, провели специальное исследование на девяти предприятиях Киева. Нас в первую очередь интересовало, как администрация и общественные организации реагируют на сообщения из милиции о рабочих и служащих, нарушивших общественный порядок или побывавших в вытрезвителе.

Выяснилось, что почти 60 процентов правонарушителей, злоупотреблявших алкоголем, проработали на одном месте свыше трех лет, из них половина — свыше десяти лет. Следовательно, коллективы должны были располагать достаточной информацией об образе жизни, привычках и поведении подавляющего большинства этих людей.

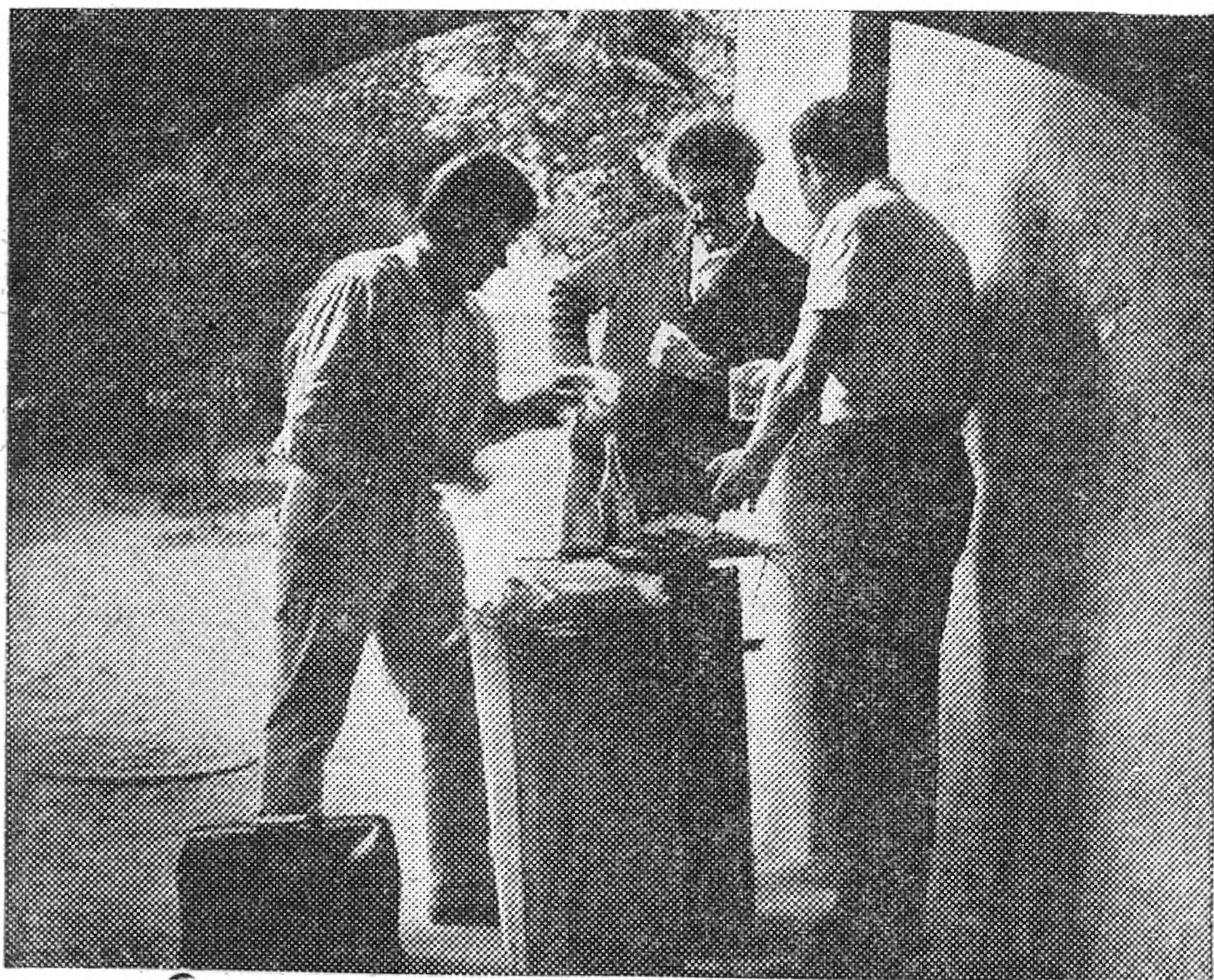
Однако мастера, бригадиры, начальники участков и цехов, с которыми мы беседовали, уверяли нас, что о пьянстве многих им не было раньше известно. И тут же признавались: большинство этих людей раньше нарушали трудовую дисциплину — опаздывали на работу, совершали прогулы, после обеденного перерыва возвращались на рабочее место подвыпившими. Но общественность и руководители производства на это почти не реагировали. Кроме того, многие из злоупотребляющих спиртным жили в общежитиях, и их порок, конечно же, был известен проживающим вместе товарищам.

Таким образом, осведомленность в коллективе была достаточной, чтобы своевременно принять нужные меры.

Между тем данные исследования свидетельствуют, что до поступления сообщений из милиции общественное воздействие применялось: на одном предприятии — лишь к 20 процентам пьющих, на трех — к 10—12 процентам, на трех — менее чем к 10 процентам, а на двух его вовсе не применяли. Иными словами, к пьяницам относились благодушно, не видя в их поведении ничего предосудитель-

ного. Такая непростительная снисходительность в определенной мере способствовала тому, что они впоследствии преступили закон. Не случайно почти в половине сообщений из милиции речь шла уже не просто о появлении в общественном месте в нетрезвом виде, а о сильном опьянении, водворении в вытрезвитель, мелком хулиганстве и других правонарушениях.

По данным исследования, трудовые коллективы в основном своевременно (до двух недель) реагировали на сообщения, поступающие из милиции. Вместе с тем 12,8 процента сообщений рассматривались свыше месяца, а 3,6 процента — вовсе остались без рассмотрения. Так, на заводе им. Лепсе в двадцати девяти случаях ни администрация, ни общественность не посчитали нужным как-то отреагировать на сообщения из милиции. Какими средствами коллективы

КУЛЬТУРНЫЙ досуг

Стихи Мих. ВЛАДИМОВА.
Фото Р. А. КРУПНОВА.

*Из винотдела по пути
Они строились возле урны...
Питейных точек не найти
В округе более культурных!*

воздействовали на провинившихся? Преобладало (61,4 процента) обсуждение на собрании коллектива цеха, участка, бригады. С незначительным числом нарушителей (11,4 процента) проводились беседы, еще меньше их (7,8 процента) обсуждалось на заседаниях товарищеских судов. Думается, возможности товарищеских судов могут и должны шире использоваться для воздействия на тех, кто злоупотребляет спиртными напитками.

Следует также отметить, что на предприятиях не всегда использовались по отношению к пьяницам меры, предусмотренные законом. Например, редко возбуждались ходатайства об ограничении дееспособности тех, кто злоупотребляет спиртными напитками и ставит себя и свою семью в тяжелое материальное положение. Эта мера, как показывает практика, дает хорошие результаты. Если суд в соответствии с законом установит над пьяницей попечительство, тот может получать и распоряжаться своей заработной платой и совершать сделки лишь с согласия попечителя (обычно жены или кого-то из близких родственников).

Исследование показало, что применявшиеся в коллективах меры общественного воздействия оказались наиболее действенными в случаях, когда страсть к спиртному у человека еще не стала привычкой. Значит, надо своевременно выявлять тех, кто делает первые шаги по этому губительному пути, помочь им отказаться от увлечения алкоголем. Иными словами, общественное воздействие коллектива должно стать важнейшим средством ранней профилактики пьянства. Когда же увлечение спиртными напитками приобретает стойкий характер и из вредной привычки, по существу, превращается в заболевание, то одними мерами общественного воздействия беду не устранишь. Человека надо лечить. Причем противоалкогольные лечебно-медицинские меры должны сочетаться с контролем коллектива за их применением и соответствующим воспитательным воздействием. Начиная с 1973 года по решению исполкома Киевского городского Совета депутатов трудящихся на крупных предприятиях за счет средств, выделяемых на социально-культурные цели, стали создаваться наркологические кабинеты. Они используют различные формы взаимодействия с администрацией и общественностью. Организована широкая общепрофилактическая работа. Проводятся месячники здоровья и борьбы с алкоголизмом. Систематически демонстрируются кинофильмы, показывающие вред алкоголя. Создан штаб дисциплины труда, в работе которого активно участвует и врач-нарколог.

Интересно сочетают лечение и общественные меры воздействия на людей, злоупотребляющих спиртными напитками, в Дарницком

районе. Здесь внедрена система специального амбулаторного противоалкогольного лечения. Она рассчитана на лиц с начальными формами алкоголизма. Человека приглашают в районную комиссию по борьбе с пьянством и объявляют о том, что по заключению врачей он должен пройти курс лечения в наркологическом кабинете. Об этом сообщается администрации и общественности по месту его работы. Ему на руки выдается специальная книжка, в которой указаны дата решения комиссии, срок назначенного лечения, есть графы для отметки о его прохождении для контроля. Два раза в месяц участковый инспектор и представители коллектива проверяют отметки о посещении нарколога и лечении. Если они отсутствуют, мастер или бригадир направляют человека в наркологический кабинет. Лечение по такой системе полностью себя оправдывает. За этот период на предприятиях Дарницы уменьшилось количество прогулов из-за пьянства. На 25 процентов сократилось число преступлений, совершаемых в нетрезвом состоянии.

Наше общество вело и впредь будет вести настойчивую борьбу с пьянством и алкоголизмом. Несомненно, что повышение эффективности воздействия трудовых коллективов на лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, будет способствовать успешному решению этой важной социальной проблемы.

А. ЗАКАЛЮК,
кандидат юридических наук

нам пишут

Помощь приходит вовремя

...В опорный пункт охраны общественного порядка микрорайона № 10 Ленинского района г. Иваново сообщили, что Александр С. бросил работу, пьет, дебоширит. Общественники тут же взяли его на учет. Особенно много занимался с парнем член штаба пункта подполковник в отставке Михаил Николаевич Бурдинский. Он не раз беседовал с Александром, поддерживал связь с родителями подопечного, потом помог устроиться на работу. Александр проникся уважением к старшему товарищу и в дальнейшем не раз приходил к нему советоваться по жизненным вопросам.

— На глазах меняется,— радовались за сына родители и горячо благодарили Бурдинского.

Затем к Михаилу Николаевичу пришла на прием мать Владимира М.— друга Александра.

— Много хорошего заронили вы в душу Саши. Соседи мы, видим... Помогли бы и моему сыну остепениться...

Как выяснилось, Владимир часто пьет, груб с матерью, соседями. Вызвали его в опорный пункт, поговорили, но это было только начало. Шефство над Владимиром взял Бурдинский, и сейчас он продолжает работать с ним.

— Наш пункт создан в 1974 году,— рассказывает начальник штаба опорного пункта, заместитель секретаря парткома камвольного комбината Л. М. Ярцева.— С самого начала занимаемся работой по предупреждению правонарушений, боремся с пьянством и хулиганством. На опыте убедились, что наилучшие результаты дает индивидуальная воспитательная работа с людьми. В опорном пункте организован прием граждан по личным вопросам. И люди идут с твердой уверенностью, что здесь их поймут, не останутся равнодушными к беде, помогут.

Вот в комнату входит молодая женщина.

— Спасибо вам, Михаил Николаевич,— благодарит она ведущего сегодня прием Бурдинского.— Изменился мой-то. Не пьет...

— Повеселела,— порадовался за нее Михаил Николаевич.— А прежде в слезах приходила: муж пьет, ругается... А перед ней была Елена Николаевна Т.,— вспоминает он,— прядильщица с камвольного. Поступали жалобы: пьет. А у нее двое детей. Долго я толковал с женщиной, посоветовал лечиться. Послушалась. Не сразу, конечно. Дала слово бросить пить. И вот уже давно не пьет. Говорит, что и муж, глядя на нее, перестал.

В 1975 году на приеме в опорном пункте побывало около двухсот посетителей, а в 1976 — почти на сто человек больше. Но это вовсе не значит, что растет количество нарушений. Просто люди стали требовательнее и к себе, и к окружающим, не хотят мириться с пьянством, хулиганством, распущенностью. Так считают сами активисты-общественники.

Членам опорного пункта в их борьбе с нарушителями помогают жители микрорайона. Многие из них уже считают своим долгом сообщать прежде всего сюда о всех нарушениях, аморальном поведении того или иного человека.

Вот характерный пример. В продовольственном магазине № 46 продавец Н. Б. Миронова в восемь часов утра продала две бутылки водки. Это заметила покупательница Н. и тут же сообщила о нарушении правил торговли спиртными напитками члену уличного комитета № 29 С. К. Мальцеву, а тот — в опорный пункт. Через неко-

торое время заведующая магазином Л. А. Андриянова краснела за своего работника перед общественниками опорного пункта. На другой день она пришла сюда с выпиской из приказа, гласившего о том, что Мироновой объявлен строгий выговор и она лишена премиальных.

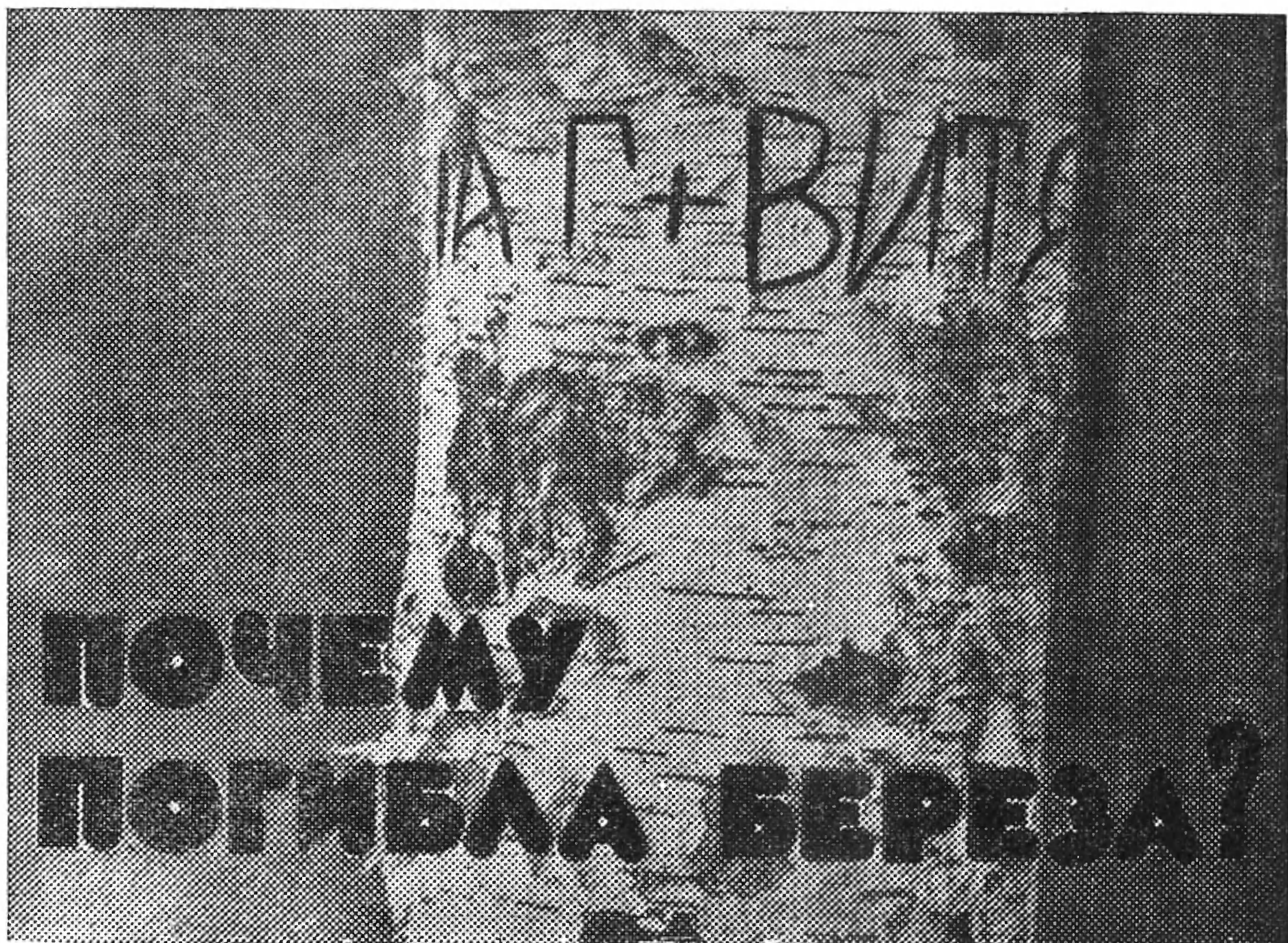
Рассказ об опорном пункте микрорайона № 10 будет неполным, если не упомянуть о созданной при нем комиссии «За здоровый быт». Возглавляет комиссию член КПСС А. Я. Ватрушкина — энергичная, принципиальная женщина. Под стать ей пенсионерки М. И. Трошина, Т. Ф. Зотина, М. И. Колгушкина. Бригадир слесарей камвольного комбината Анатолий Р. надолго запомнил их справедливые, строгие замечания, когда его недостойное поведение обсуждали в присутствии соседей по дому. «Выселить дебошира из квартиры!» — единодушно потребовали жильцы. Члены комиссии взялись возбудить ходатайство об этом. Р. попросил назначить ему испытательный срок: «Я обязуюсь прекратить хулиганские выходки. В случае повторения прошу принять ко мне строгие меры...» — заявил он собравшимся.

Ни один сигнал, поступающий в опорный пункт, не остается без проверки, ни одна просьба — без ответа. Для многих жителей микрорайона активисты-общественники стали настоящими друзьями, протянувшими руку помощи в тяжелую минуту.

В минувшем году министр внутренних дел СССР генерал армии Н. А. Щелоков вручил камвольщикам, возглавляющим работу опорного пункта, Почетную грамоту «За активное участие в охране общественного порядка и помощь органам внутренних дел в решении стоящих перед ними задач».

А. КАЗАКОВ

Л. КРЫЛОВ,
действительный член
Географического общества
СССР

Береза! Как дорого нашим сердцам это скромное, трепетно-задумчивое дерево русских лесов. Для многих оно стало символом родных мест, заветным воспоминанием детства. Сколько стихов написано о березе, во сколько песнях воспета ее красота. Но вновь и вновь в немом восторге созерцаем мы это чудо природы и не перестаем изумляться. Береза щедро одаривает человека не только эстетической радостью. Чист, свеж и прозрачен воздух в березовых рощах, деревья выделяют фитонциды, отличающиеся высокими бактерицидными свойствами. Стоит пройтись березнячком — и усталость как рукой снимет.

Сейчас конец лета. С тихой грустью гуляет ветер в ажурных кронах кудрявых красавиц, нежно гладит каждый листок. Но что это? На некоторых деревьях вовсе нет листвы, безжизненно поникли сухие ветви, накренились стволы. В чем дело, какой недуг сразил еще молодое дерево? Давайте присмотримся повнимательней. Да вот она — смертельная рана — след от ножа браконьера.

Да, березовый сок целителен, в нем содержится немало полезных для человека веществ, его пьют сразу же после сбора, консервируют, используют как сырье для многих освежающих безалкогольных напитков и шипучих вин. Березовый сок широко используется и в косметике как прекрасное средство для повышения тонуса кожи. Но сок — это прежде всего жизнь дерева. Однако многие охотники за целительным эликсиром забывают об этом. Каждой весной сотни людей устремляются в березняки с топорами, ножами — всем, что режет и колет, — наносят глубокие раны деревьям. Браконьеры алчно наполняют объемистые посудины, замазать же трещины в стволах зачастую забывают. Такой «пустяк», как судьба дерева, их мало волнует. А ведь только из одной незакрытой раны березы может вытечь более 150 литров сока, необходимого для ее жизни. Вот почему в законодательстве о лесе предусмотрено, что подсочка березы должна производиться в государственном, плановом масштабе. В основном этим занимаются лесные хозяйства и только на площадях, подлежащих вырубке. С каждого гектара здесь собирают в среднем 20—30 тонн березового сока. Насаждения эксплуатируют пять-шесть лет, а затем отводят их для вырубки. Тот же, кто хочет заняться добычей сока самостоятельно, должен обратиться в органы лесного хозяйства, чтобы получить право на подсочку березы. Работники лесного хозяйства оформляют билеты на право подсочки и отводят для этого специальные участки леса.

Неукоснительное, строгое соблюдение законов о лесе возможно только при активном участии всех тех, кому дорога родная природа.

Мало любить березу, любоваться ее красотой, нужно заботиться о ее судьбе. А потому, когда вновь придет весна и белые стволы, пробуждаясь от зимнего сна, нальются целительной влагой, пусть каждый из нас вспомнит о своем долге, схватит за руку распоясавшегося лесного браконьера, замажет кусочком глины пораненный ствол. И пусть березовые рощи радуют своей неизъяснимой прелестью грядущие поколения.

продолжаем
начатый разговор

КАК С ШУМОМ БОРОТЬСЯ...

Продолжаем обсуждение статьи А. Митько «Беречь тишину», опубликованной в первом номере журнала за этот год. Читатели пишут, что нарушает тишину там, где они живут, предлагают, как сделать шум менее ощутимым, какие меры, на их взгляд, следует принимать к злостным нарушителям покоя, рассказывают об опыте борьбы за тишину в своих городах.

Разговор о тишине сегодня волнует многих. У каждого города, будь он велик или мал, свои проблемы. Хочу сказать несколько слов о нашем Конакове. Еще до Великой Отечественной войны оно было небольшим поселком, а вот сейчас это вполне современный, быстро растущий город. Конаковская ГРЭС известна всей стране, она дает электроэнергию Москве.

Места у нас чудесные, рядом красавица Волга, вокруг на десятки километров хвойные леса. Мой дом, как и многие другие в микрорайоне имени Юрия Гагарина, стоит у самой реки. Казалось бы, этому только радоваться. Но каждый раз с началом навигации начинаются и наши огорчения. Движение судов по Волге очень большое. И тут ничего не поделаешь — центральная водная магистраль. Но вот с поведением экипажей некоторых теплоходов и катеров никак нельзя примириться. Зачем, например, проходя через населенные пункты, включать на полную мощность радиоустановки и «веселить» музыкой отдыхающих людей или же отдавать команды, усиленные мощными рупорами, «перекликаться» с другими судами, направлять лучи мощных прожекторов на окна спящих домов. Немало огорчений доставляют и «частники» — владельцы моторных лодок. В выходные дни они чуть свет отправляются на рыбалку, днем демонстрируют друг перед другом мощность моторов. Триск и

гул над рекой такой, что она уже не манит даже в самый сильный зной. Наоборот, думаешь, куда бы подальше спрятаться. Все эти неудобства, безусловно, испытывают и жители других прибрежных городов. Кстати, об этом уже не раз писалось на страницах газет и журналов. Однако решительная борьба с шумом на наших реках до сих пор не ведется.

**М. СЕМЕНОВ,
Конаково.**

Нельзя не согласиться с А. Митько — автором статьи «Беречь тишину», что мы все больше учимся ценить тишину и уже немало сделано для ее сохранения. Но есть еще люди, которые не желают подчиняться существующим правилам и порядкам, безразлично относятся к покою окружающих. По их вине или из-за их халатности «действуют» источники шума, которые легко можно было бы устранить. Например, в первом этаже дома, где я живу, находится столовая, оборудованная холодильными установками. Включение этих установок всегда сопровождается грохотом и вибрацией, доставляющими немало неприятностей жильцам дома. А ведь этого можно избежать, если установки отладить как следует и снабдить амортизаторами.

Возле этой же столовой в обеденное время вдоль тротуара собираются десятки машин — грузовики, автобусы, легковые. Водители обедают, а моторы остаются включенными. Вот они и гудят, трещат, изрыгают отработанные газы в окна квартир. Считаю, что за такое безобразие с виновных должны строго спрашивать органы как госавтоинспекции, так и санитарного надзора.

**М. ДОЛЖЕНКО,
Херсон.**

Наш город Каган — крупный железнодорожный узел. Долгое время жители города, особенно ближайших к сортировочной станции улиц, немало страдали от гудков маневровых тепловозов, громкоговорителей диспетчерской связи и другой сигнализации. Однако руководство узла позаботилось о том, чтобы эти шумы сделать как можно менее ощутимыми. Механизация и автоматизация сортировочных работ, переход на воздушную сигнализацию в значительной мере способствовали снижению уровня шума на станции. Вдоль железной дороги, на вокзале и в парках сортировки высажено много кустарников и деревьев. Они также «гасят» звуки, «изолируют» шумы.

Но есть у нас и свои беды. Безнаказанно еще чувствуют себя «мотолихачи». На мопедах и мотоциклах носятся по городу без глушителей в любое время суток. Нимало не смущаясь, они с шумом и треском могут промчатся под самыми окнами больницы, родильного дома, школы, детского сада. На мой взгляд, административные органы города очень снисходительны к этим нарушителям порядка. Видно, нужны более крутые меры, чтоб заставить некоторых товарищей подчиняться существующим правилам и считаться с окружающими.

А. ЛЕВЧЕНКО,
Бухарская область.

Нужно усилить борьбу с шумом внутри наших жилищ. Считаю, что к тем, кто не уважает покой своих соседей, должны приниматься самые строгие меры. Например, «любителей» громкой музыки надо штрафовать, причем штраф должен быть не символическим, а составлять не менее десяти рублей, при повторном нарушении — конфисковать радиоаппаратуру.

П. РЕШЕТНИКОВ,
Омск.

Решить проблему борьбы с шумом только за счет издания более «строгих законов», введения штрафов нельзя. У нас принимается немало хороших решений, разрабатывают немало мероприятий по охране тишины, а вот контроль за ними недостаточный. И здесь нельзя все сваливать на плечи исполкомов и милиции. Сберечь тишину можно только общими усилиями, к этому делу надо привлекать широкие круги общественности, усилить воспитательную работу среди населения, особенно молодежи, которая менее нас, пожилых, знает цену тишине. К злостным нарушителям активнее применять общественные меры воздействия: сообщать об их поведении по месту работы, критиковать в местной и стенной печати, если нужно — обсуждать на заседаниях товарищеских судов.

А. СИДОРОВА,
Хабаровск.

Я живу в Павлодаре. Город растет быстрыми темпами. И, естественно, вопрос о том, как сберечь тишину, с каждым годом становится острее. Немало делается для снижения уровня шума на улицах. Например, большое внимание было уделено упорядочению

работы городского транспорта, запрещен проезд грузовых автомашин по центральным улицам города, ликвидированы остановки общественного транспорта у детских, лечебных и учебных учреждений, на некоторых улицах введено одностороннее движение. Сотрудники госавтоинспекции усилили контроль за исправностью двигателей проходящего через город транспорта, использованием глушителей на мотоциклах и мопедах. В трамвайных парках разработаны и проводятся мероприятия по снижению шума от трамваев.

Немало нареканий на плохую звуковую изоляцию квартир поступало от новоселов. Сейчас на строительстве жилых и общественных зданий проектанты осуществляют авторский надзор за соблюдением противозвуковых мер.

В десятой пятилетке планируется вынести из жилой зоны Павлодара ряд мелких предприятий, усиливающих шумовую нагрузку в городе. Уже перебазированы на новые места ремонтно-механический завод «Казсельхозтехники», некоторые цеха других заводов.

Взяты на учет все предприятия общественного питания и бытового обслуживания, расположенные в жилых домах. Им предъявлены строгие требования: следить за исправностью холодильных агрегатов, вентиляционных установок и другой аппаратуры, с тем чтобы не нарушать покой жителей квартир, расположенных над этими предприятиями.

В значительной степени поглощают шум зеленые насаждения. Озеленению города павлодарцы придают особое значение. Только в 1976 году здесь было высажено семьдесят пять тысяч деревьев и кустарников.

В борьбе с шумом участвуют широкие круги общественности — они сигнализируют в соответствующие органы о нарушителях тишины, возникающих источниках шума, принимают участие в осуществлении противозвуковых мер. Члены домовых и уличных комитетов, дружинники помогают милиции, сотрудникам госавтоинспекции призывать к порядку тех, кто не хочет считаться с правилами социального общежития, не уважает покой своих сограждан.

Л. СЕРЕМЕНКО,
врач Павлодарской областной
санитарно-эпидемиологической
станции.

Рабочий совхоза «Калай-Дуст» Ганчинского района Таджикской ССР Рахманов захотел расширить приусадебный участок. Вместо того, чтобы написать об этом заявление и просить разрешения о выделении ему дополнительно земли, Рахманов самовольно захватил десятую часть гектара земли совхоза и засеял ее семенами арбузов и дынь. По закону такие действия, а также покупка или продажа земельного приусадебного участка или уступка его под видом дарения или продажи частей домостроения считаются преступлением.

Народный суд Ганчинского района признал Рахманова виновным в самовольном захвате земли и на основании статьи 214 УК Таджикской ССР приговорил его к лишению свободы сроком на один год.

Судебная коллегия Ленинадского областного суда приняла во внимание, что Рахманов совершил преступление впервые, а также другие смягчающие обстоятельства, и изменила наказание, признав его условным, с направлением Рахманова на стройки народного хозяйства сроком на один год.

Председатель колхоза им. В. И. Ленина Ирбитского района Свердловской области В. В. Евдокимов поехал по делам на колхозной автомашине, управляемой автомехаником В. Л. Белоусовым. В рабочее время оба стали распивать спиртные напитки. К концу дня, несмотря на то, что Белоусов находился в нетрезвом состоянии, Евдокимов дал ему поручение выехать в Ирбит и привезти доярку Евдокимову, хотя он не имел права разрешать Белоусову управлять автомашиной, так как это запрещено пунктом «д» статьи 182 Правил дорожного движения.

Возвращаясь вечером домой, Белоусов развил высокую скорость, на повороте не справился с управлением, машина опрокинулась, доярка Евдокимова, которая в ней ехала, погибла.

За нарушение правил безопасности движения народный суд на основании части второй статьи 211 УК РСФСР приговорил Белоусова к семи годам лишения свободы и запретил ему управлять транспортными средствами в течение пяти лет. Был признан виновным в нарушении правил безопасности движения и Евдокимов. Народный суд приговорил его к трем годам лишения свободы условно с испытательным сроком в три года. При назначении наказания суд учел, что Евдокимов является участником Великой Отечественной войны, имеет награды, ранее не судим, и другие обстоятельства.

Не помню точно, о каком именно спектакле в одной редакции зашел спор. Помню лишь, что было это нечто модное и более чем шумное. Очереди в кассы напоминали полузабытые осады стадиона «Динамо». Поклонники спектакля не уставали придумывать звучные эпитеты. Люди же понимающие, закаленные в полемических баталиях, как-то сникли и лишь многозначительно усмехались.

Вот тогда-то в редакции у одного из работников и спросили, что он может сказать о предмете спора. Тот поморщился, как-то беспомощно развел руками и, словно оправдываясь, ответил:

— А что поделаешь? Обречено на успех...

Это определение не дает мне покоя каждый раз, когда приходится знакомиться с работами приключенческого жанра, особенно

ОБРЕЧЕНО НА УСПЕХ?

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

с теми, где главными героями выступают судьи, следователи, работники угрозыска и их антиподы — люди, преступившие закон.

Мы можем без конца ругать ходульность произведений, в которых цитаты из уголовного кодекса заменяют мысли, можем морщиться от обилия юридических нелепостей, от попыток авторов выдать неспособность своих героев поговорить с человеком за профессиональную доблесть. Но мало кто отбросит книгу, переключит рычажок телевизора, покинет зал, пока не закроется последняя страница, не упадет занавес, не вспыхнет спасительное «конец».

Мы сталкиваемся с заданностью успеха, с успехом, который приходит порой, невзирая на полное отсутствие тех достоинств, без которых не может состояться произведение литературы и искусства. Причем «полные сборы» (включая в это понятие и вечера, убитые у телевизора, и исписанные до дыр библиотечные формуляры) обеспечивает самый широкий круг людей.

Страшная, всесокрушающая это сила — острый сюжет. Чувствуешь, что «художник», мягко говоря, не в ладу с истиной, но просто невозможно не узнать, куда же заведут хитросплетения сюжета.

Боюсь, читатель заподозрит, что автор этакий пуританин, не признающий в литературе ничего, кроме классики. Но если бы речь шла лишь о вкусах...

Увлеченный сюжетом читатель, в массе своей почти не знакомый с работой правоохранительных учреждений, крепко уверовавший если не в качество, то в непогрешимость печатного слова, воспринимает юридическую «клякву» как безусловную истину. А это не так уж безобидно. Ведь, начитавшись и насмотревшись творений иных «мастеров» приключенческого жанра, невольно придешь к удивительным, с точки зрения правовой действительности, выводам. Например, поверишь, что всю борьбу с преступностью у нас ведет лишь милиция, точнее — угрозыск, прокуратура же топчется где-то сбоку (если не ставит палки в колеса орлам-оперативникам), а суд — не более чем канцелярия, «оформляющая» дела. Что та же милиция без санкции прокурора может обыскивать квартиры и граждан, просматривать почту. Что во время допроса можно прикрикнуть на допрашиваемого, а то и топнуть ногой. Что... впрочем, картина вырисовывается малопривлекательная, а главное — не имеющая ничего общего с практикой советского следствия и правосудия. Ничего общего — эти слова следовало бы подчеркнуть.

Рукояткина-то простила...

«Рябинин вскочил и что было мощи в вялой руке ударил кулаком по столу. И заорал чужим надрывным голосом:

— А ну прекрати! Гопница! Подонок! Проститутка!»

Стоп! Остановим, так сказать, «кадр». Попытаемся по приведенной выдержке угадать, кто он — этот Рябинин?

Околоточный надзиратель, заскочивший на шум скандала в ночлежку?

Главарь «малины» нэповских времен, поучающий незадачливую подручную?

Или авантюрист, по чьему-то недосмотру затесавшийся в угрозыск?

Ничего подобного. Рябинин — наш с вами современник, следовательно советской прокуратуры, человек самых высоких личных и профессиональных добродетелей. Сомневаетесь? Тем не менее именно такого мнения придерживается автор повести «Криминальный та-

лант» Ст. Родионов (Станислав Родионов. Следователь прокуратуры. Лениздат, 1976).

Так, может быть, сорвался человек — с кем не бывает?

Оставим на время в стороне известную, давно ставшую аксиомой для каждого юриста истину о недопустимости подобного рода срывов для мастера расследования (а именно таким и представляет нам своего героя Родионов).

В том-то и беда и автора, и героя, что выходка (иначе тут и не скажешь) Рябинина не случайна. Вскоре после столь своеобразных комплиментов, отпущенных следователем подследственной Рукояткиной, Рябинин выкидывает номер похлеще. Пытаясь во что бы то ни стало получить признание в том, что подследственная, одурманивая случайных знакомых наркотиками, затем обирала их, этот «служитель закона» совершает поступок, не отвечающий ни служебным, ни этическим нормам. Он говорит Рукояткиной заведомую ложь: мол, один из ее «клиентов» убит, и если она не скажет правды, то будет обвинена в убийстве.

Позже Рябинин попросит у подследственной прощения «за методы» (его, между прочим, выражение). И та, представьте себе, простит его. (Хотя почему бы и не простить? Ведь Рябинин, добившись своего, отпускает преступницу под честное слово до суда, одолжив ей пятерку на пропитание.)

Но можем ли мы оправдать Рябинина? Да что там мы! Найдет ли закон обстоятельства, оправдывающие такие, с позволения сказать, «методы», как граничащий с откровенным хамством «напор» во время допроса, попытка запугать собеседника? * Нет. Ибо закон наш стоит на страже социалистической морали, а «методы», примененные Рябининым во время допроса Рукояткиной, вообще вне морали.

Не станем уподобляться иным не в меру ретивым поборникам чистоты мундира, ратовать за то, чтобы служитель закона вставал со страниц художественной литературы, появлялся на экране или сценических подмостках застегнутый на все пуговицы и вещал лишь статьями нормативных актов. И в большой семье советских юристов, честных, самоотверженных, прекрасно профессионально подготовленных, беззаветно преданных общему делу, могут встретиться люди и ограниченные, и малодушные, и приспособленцы, и просто неумехи.

* Этим и иным правовым «особенностям» книги Ст. Родионова совершенно справедливую оценку дал в «Литературной газете» ленинградский юрист И. Быховский. К сожалению, он ничего не сказал об этической стороне «следствия по-рябинински».

Ясно; что художники могут и должны обращаться к подобным фактам.

Однако очевидно, что от автора, берущегося за подобную тему, требуется немало такта, чтобы не представить отдельные огрехи и ошибки обыденным явлением. Но когда грубейшие проступки восторгают автора, можно лишь развести руками.

«Сам себе нанес суровый приговор...»

Автор аннотации на пьесу братьев Вайнеров и А. Беликова «Гонки по вертикали» (информационный бюллетень «Новые пьесы», 1976, № 6), сам того не желая, жестоко высмеял это произведение.

Да и что ему оставалось делать? Как иначе изложить кратко многосложную историю взаимоотношений инспектора МУРа Станислава Тихонова и вора-рецидивиста Алексея Дедушкина? Впрочем, судите сами.

«Дедушкин... пытается доступными ему способами доказать, что «его время не вышло», что он может еще потягаться с милицией. Он совершает несколько дерзких ограблений.

Пути Тихонова и Дедушкина вновь скрестились. В аэропорту следователь столкнулся лицом к лицу с вором. Дедушкин выстрелил. К счастью, рана оказалась не смертельной.

Преступник, таким образом, сам нанес себе суровый приговор...»

Я бы не стал приводить столь обширную цитату, если бы она не оказалась такой обобщающей, такой характерной для многих произведений о борьбе с преступностью (следует заметить, что основной конфликт пьесы Вайнеров и Беликова она раскрывает с достаточной полнотой).

А ведь на самом деле каждый случай погони, не говоря уже о перестрелках,— предмет тщательного служебного разбирательства с обязательным выяснением вопроса: кто виноват? И речь идет здесь не о вине преступника, а об упущениях тех, по чьему недосмотру произошла погоня или перестрелка. Подобные происшествия в практике правоохранительных учреждений за малым исключением — следствие служебной нерасторопности, откровенных упущений, пренебрежения инструкциями. Одним словом, ЧП. И вот эти-то ЧП искатели не самых сложных путей к сердцу читателя и зрителя преподносят нам в качестве явлений обыденных.

Но это полбеда. Хуже, что сюжетной занимательностью и исчерпывается вся ценность подобных произведений. Что же касается мо-

ральных выводов, то они, конечно, есть, ибо обязательны для авторов приключенческих боевиков. Даже упомянутая аннотация не смогла обойтись без выводов.

«Давняя и непримиримая борьба инспектора уголовного розыска Тихонова с вором Дедушкиным — это не просто поединок опытного криминалиста с дерзким преступником, это столкновение двух взаимоисключающих мировоззрений».

Так что мораль-то есть, но... на уровне абстрактных пожеланий «не укради», «не убий», «не пожелай жены ближнего своего»...

Пленники «замкнутого пространства»

Советский читатель знаком с романом Чарльза Сноу «Смерть под парусом». Несколько лет назад перевод его был опубликован в сборнике «Современный английский детектив». Семеро в основном преуспевающих членов респектабельного общества отдыхают на яхте доктора Роджера Миллза. Путешествие прервано внезапным убийством самого Миллза. С первых же мгновений и читателю, и членам экипажа ясно: убийца — один из пассажиров яхты. Но кто? Внешне компанию объединяла едва ли не братская дружба, а убитый был ее стержнем, общим любимцем.

По мере развития сюжета выясняется, что буквально у каждого из шестерых были веские основания ненавидеть Миллза, желать его смерти. И ответ на вопрос «кто убийца?», данный в самом конце повествования, не столь уж важен. В ходе повествования слетает покров благопристойности с компании путешественников. Автор достигает цели намного раньше завершения сюжетных ходов. Тут важно не выявить конкретного преступника, а доказать, что преступник — само общество, типичными представителями которого были и убитый, и убийца, и другие пассажиры яхты «Сирена».

Спустя два года после выхода сборника «Современный английский детектив» в журнале «Смена» была напечатана приключенческая повесть П. Шестакова «Отпуск в Дагезане». Действие ее разворачивается в горном поселке. Наш современник, впрочем тоже преуспевающий, собрал у себя в доме родственников и близких друзей. И... вы, конечно, догадались, что радушный хозяин оказался убитым, и тоже наверняка одним из гостей. Но кем?

Выясняется, что ненавидели и могли убить его все присутствовавшие на даче, включая родного сына. Правда, автору пришлось

собрать под одной кровлей более чем странную компанию: людей, живущих не в ладах с законом, молодую женщину, вышедшую замуж за человека, годящегося ей в отцы, алкоголика-психопата, просто психопата. Можно посочувствовать литератору — селекционная работа проделана им огромная. В реальной жизни вряд ли удастся собрать такое общество за одним столом. На бумаге оно сподручней.

Но резонен, коль скоро речь зашла о бумаге, вопрос: а стоило ли тратить ее для упражнений, плоды которых не имеют ничего общего с правовой действительностью?

Роман Сноу является примером построения детективного сюжета по принципу «замкнутого пространства»: в ограниченном пространстве произошло преступление, и преступником может быть каждый из оставшихся в живых. Сноу, пользуясь таким приемом (а в том, что для него это только прием, сомневаться не приходится), обнажает краеугольные камни, на которых покоится так называемый «свободный мир»: острую борьбу за существование, взаимную ненависть и подозрительность, заряженность на преступление, постоянную готовность к нему.

Молодой писатель П. Шестаков это самое «замкнутое пространство» механически перенес на нашу почву. Моральная же атмосфера, в которой разворачивается действие, в наших условиях выглядит, мягко говоря, неестественной. Итог — творческий крах, вещь ущербная и в литературном, и в моральном отношении. Закономерный итог бездумного копирования зарубежного детектива...

И это, к сожалению, не такой уж редкий случай. В большинстве приключенческих романов и повестей иностранных авторов поиск преступника ведет сыщик-одиночка, что, несомненно, не соответствует реальной практике расследования и выглядит более чем архаично.

Ведь раскрытие преступления в современных условиях — кропотливый, сложный труд коллектива специалистов. Но по воле иных авторов (успешно изучивших опыт производства рыночного детектива на Западе) все еще бродит по страницам наших детективов кустарь-одиночка из угрозыска, действует он вне прокурорского надзора, вне требований правовых норм, порой даже вне служебного подчинения. Решение об аресте принимает единолично, вместо санкций на обыск предъявляет неведомые нашему праву «ордера» — словом, «гуляет» как заблагорассудится.

На радость автору и нетребовательным читателям. Во вред правде о нашем правопорядке.

Авария во спасение

До сих пор речь шла о произведениях, которые мы привычно называем детективами. Но вот перед нами повести из жизни нефтяников, водителей, фармацевтов... Нет ни прокурора, ни следователя, ни даже вездесущего инспектора угрозыска. И все же...

Легко заметить, что в произведениях о рабочем классе авторы любят описывать различные аварии, в которых особенно ярко проявляется мужество человека. При этом нередко забывают сказать о том, что необходимость героических усилий порождена предыдущей бесшабашностью, расхлябанностью, несоблюдением элементарных производственных норм и правил.

Повесть Владимира Санина «Семьдесят два градуса ниже нуля» посвящена труду советских полярников в Антарктиде. Не будем давать общую оценку книге. Речь пойдет лишь об одной истории.

Несмотря на достижения науки и техники, на оснащение экспедиций первоклассной аппаратурой и машинами, от сегодняшнего полярника требуется не меньше мужества, чем во времена романтических первооткрывателей. Если на заре века полярник мог сбиться с пути и погибнуть от холода и голода в нескольких десятках метров от человеческого жилья, то и теперь нечто подобное может случиться с мощным вездеходом и его экипажем. У Санина на краю гибели оказался целый санно-тракторный поезд.

В спешке поезд не был как следует подготовлен к трехтысячекилометровому походу по Антарктиде. Синицын — старый начальник поезда — поленился, понадеялся на «авось», новый начальник положился на старого, махнув рукой на «скучные» правила. В итоге горючее для тягачей оказалось некондиционным, не подходящим для использования при сильных морозах, сами тягачи с изъязмами. С Синицыным вроде бы все ясно: его халатное отношение к своим обязанностям обернулось преступлением.

Но почему же оказалось столько огрехов в подготовке экспедиции? Кто виноват? Писатель может списать все на халатность Синицына или сослаться на небывалые погодные условия. А читатель вправе заинтересоваться, как получилось, что от одного человека зависит судьба похода, жизнь десятков полярников?

Для характеристики описанного в повести В. Санина происшествия так и напрашивается определение — расхлябанность. И расхлябанность не только Синицына, но и руководителей зимовки, и рабочих, которые проявили недобросовестность.

Ну, а Гаврилов, новый начальник транспортного отряда? Он, безусловно, главный положительный герой повести. Разве что в горяч-

ности может ударить кулаком по столу, а то и подлеца по физиономии. Он уже вполне сознательно и по своей воле ставит экспедицию на грань катастрофы, отпустив из отряда единственного штурмана Попова. Правда, именно Попов, в конце концов, спасает отряд, но вопреки не только воле Гаврилова, но и воле начальника станции «Мирный», вопреки всем правилам и инструкциям.

Вот такой «букет»! И, право же, не вижу, несмотря на разницу характеристик, данных автором Синицыну и Гаврилову, принципиального различия между ними. И тот и другой преступно пренебрегли разумными инструкциями, и тот и другой повинны в возникновении аварийной ситуации. Но автор не сумел дать верной оценки явным проступкам.

Опубликована в Белоруссии повесть В. Козько «Високосный год». Речь в ней идет о войне, увиденной глазами мальчишки, и о трудных послевоенных годах.

Есть в повести глава «Шахта». Главный герой — бригадир и механик, начальник своих сверстников, выпускников ФЗО. Все они в одной «детдомовской бригаде». Один из персонажей, шалый парень Свидерников — весьма своеобразная фигура. Ему ничего не стоит закурить во взрывоопасной шахте, запустить в молодого бригадира топором (тот лишь чудом спасается от увечья, если не гибели). И вот этот «герой» преступно нарушает правила техники безопасности. Нарушение приводит к аварии, ставит под угрозу жизнь товарищей по бригаде. «Бюрократы-начальники», лишь случайно узнав о происшедшем, требуют от бригадира, чтобы он подал на Свидерникова в суд. И вот что герой В. Козько отвечает начальнику участка:

«— Слушай, Карев, ты помнишь хотя бы один суд между шахтерами одной шахты? Я тоже не помню. Не думай, я ничего не идеализирую. Но мне просто интересно это. В нашей бригаде работал монтажником парень, ты его знаешь. Был народным заседателем. И вот судили одного нашего шахтера. К заседателю делегации ходили. Не грозили, не уговаривали, а говорили, чтобы думал, когда приговор будут выносить, потому что работать и жить заседателю не в суде, а на шахте, среди шахтеров...»

И далее: «Со Свидерниковым я разберусь сам, без суда. Это как раз тот случай, когда суд не поможет. Там с ним будут говорить языком закона».

Вот так. Автор и не пытается как-то прокомментировать эти более чем дикийные «рассуждения». Стало быть, он согласен с тем, что передавать дело Свидерникова в суд нельзя, ибо там с ним будут говорить языком закона, иными словами, погубят человека.

В. Козько даже не задается вопросом: языком какого закона будут говорить в суде с дебоширом? Потому что ответ на этот элементарный вопрос, ответ, сам по себе не очень сложный, только обнажит всю фальшь, всю вздорность философии и героя, и писателя.

Он поможет яснее понять, какой «язык» выдвигают они в противовес языку советского закона.

Язык круговой поруки и всепрощенчества.

Язык сомнительного самодеятельного правотворчества.

Язык противопоставления морали общества его законам.

Игра: плюс или минус?

Вернемся, однако, к истокам нашего разговора, к приключенческим произведениям, непосредственно посвященным деятельности правоохранительных учреждений.

Два-три года назад «Литературная газета» опубликовала беседу двух литераторов, посвященную детективу. Когда дело дошло до теоретических обобщений, одна из участниц диалога — писательница Н. Ильина высказалась в том духе, что детектив есть «литература плюс игра». Странно? Более чем странно?

И все-таки не будем торопиться с опровержениями. Попытаемся уловить крупницы истины в утверждении, на первый взгляд, абсолют-но неприемлемом. Не станем обсуждать зарубежные авторитеты, на которые ссылалась Н. Ильина. Современная отечественная практика, увы, свидетельствует о том, что письменный стол автора, работающего в приключенческом жанре, нередко становится полем для игры по бог весть кем и когда придуманным правилам. Игры, где читателю отводится место мышки, а роль всепобеждающей кошки принадлежит сюжету.

Вот, по нашему убеждению, первопричина обилия поделок от искусства, которые не несут читателю и зрителю ничего, кроме будоражащих нервы детективных перипетий. Нет, все, конечно, не так просто. Внешняя атрибутика морали, как мы уже отмечали, налицо: воровать, конечно, скверно; убивать — это уж ни в какие ворота; будешь пьянствовать — докатишься и до того, и до другого. Положительные герои — само совершенство. Они не только блистательно ловят преступников, но и утрут нос любому искусствове-ду, ведь все они знатоки и поклонники Дебюсси, Матисса, Верлена.

Вроде бы и спорить не о чем. Преступление и впрямь омерзительно. Работники прокуратуры и угрозыска ныне в подавляющем большинстве действительно люди самой высокой профессиональной

и личной культуры. Но читатель в массе, именно в массе, вырос настолько, что, ознакомившись с сюжетом, не унижится до пережевывания скучнейших шаблонных назиданий, не заинтересуется личными переживаниями стерильного манекена, даже если тот облачен в авторитетную милицмейскую форму. В памяти, повторяюсь, останется лишь сюжет, лишь поединок воли и умов, подобие шахматной схватки.

Это в лучшем случае. Тогда, когда способному автору удалось хотя бы эта часть игры. Когда и герой, и его антиподы действительно проявили недюжинную смекалку, волю, изобретательность, когда преступник ни разу не сыграл в поддавки со следователем или инспектором угрозыска.

Когда в декабре прошлого года в «Комсомольской правде» появилась статья Еремея Парнова, разоблачающая псевдонаучные спекуляции вокруг неопознанных летающих объектов, нельзя было не согласиться с четко аргументированной позицией автора, выступавшего в защиту компетентности. И трудно поверить, что тот же самый Е. Парнов — автор приключенческих романов «Ларец Марии Медичи» и «Третий глаз Шивы». Вот уж игра так игра! Наивно было бы оспаривать право писателя на создание произведения, где фантастическое смешивается с реальным. Охотно допускаю, подчиняясь предложенным автором правилам, что в центре Москвы можно обнаружить не только удава, но и дракона, что современный следователь должен докапываться до тайны средневековой ереси альбигойцев. Но ведь следователь-то наш реальный, а действия его не менее фантастичны, чем созданная слишком уж гибкой фантазией автора обстановка.

Борьбу он ведет с такими профанами, которым не способно помочь ничто: ни нечистая сила, ни промахи, ни накладки, ни элементарная профессиональная неподготовленность героя романов Е. Парнова следователя Люсина.

...Эту статью я сопроводил подзаголовком «Полемические заметки». Полемика есть полемика. Спор никогда не бывает свободен от некоторой категоричности оценок. Если же говорить о том, что бесспорно, то необходимо отметить следующее. Деление произведений литературы и искусства на приключенческие и все остальные искусственно. А такое деление, пусть не декларированное, существует. Есть и «критерий» раздела: точное, полное знание материала — обязательное требование для любого жанра, кроме приключенческого. Вслух об этом, разумеется, не говорят, но косвенно, в виде

сетований на то, что следование нормативным актам стесняет свободу творческого поиска,— сколько угодно.

Бесспорно и то, что уровень творческого содружества литераторов и юристов оставляет желать лучшего. Современный автор редко откажется на поступки, которые казались естественными таким небызывестным мастерам слова, как Л. Н. Толстой или Ф. М. Достоевский. Те почему-то не считали зазорным и ознакомить юриста с рукописью, и записать под его диктовку акт патолого-анатомического исследования. Кстати, ни в одном из документов, оставшихся после этих гигантов, не найдешь сетований по поводу узковедомственного подхода служителей Фемиды к их творчеству.

Я не случайно обратился именно к отрицательным примерам из литературного потока последних лет. Не случайно обошел все то положительное, что накоплено в этой области творчества. Во-первых, об этом уже немало сказано, в том числе и на страницах журнала «Человек и закон». А главное — тема, которой посвятили свое творчество авторы отечественных детективов, затрагивает проблемы социалистической законности, советской демократии, коммунистической морали. А это не предмет для поспешных упражнений.

СОБРАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР

Принимается подписка на 1978 год на Собрание постановлений Правительства СССР (издание Управления делами Совета Министров СССР). В нем публикуются постановления, имеющие общее значение или носящие нормативный характер. Собрание постановлений Правительства СССР выходит отдельными номерами, примерно два раза в месяц.

Подписка оформляется только годовая, принимается в городских и районных агентствах «Союзпечати», отделениях связи, а также уполномоченными по приему подписки на предприятиях, в учреждениях и организациях.

Подписная цена — 2 рубля.

Индекс — 70892.

по протесту
прокурора

Решением исполкома Архангельского сельского Совета депутатов трудящихся (Северо-Казахстанская область) тракторист совхоза Садаев оштрафован на 50 рублей за управление трактором в нетрезвом состоянии. Этим же решением он оштрафован еще на 10 рублей за появление на работе в нетрезвом состоянии.

Между тем, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 3 июля 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», водители тракторов за управление ими в состоянии опьянения подвергаются штрафу от десяти до тридцати рублей и лишаются права на управление транспортными средствами на срок до двух лет.

Что касается появления тракториста совхоза на работе в нетрезвом состоянии, то это — нарушение трудовой дисциплины, за которое в соответствии со статьей 130 КЗоТ Казахской ССР администрация предприятия, учреждения, организации вправе применить дисциплинарное взыскание.

По протесту прокурора решение исполкома сельского Совета отменено.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Резолюция прокурора была короткой: «Возбудить уголовное дело и расследовать». Несколько документов и кипа фотографий. Протокол осмотра места происшествия, транспорта, схема столкновения, справка о погоде, о состоянии дороги, телефонограмма из больницы. На фотографиях — искореженные автомашины, поврежденный павильон остановки, следы колес машин на снегу... Автоавария. Два человека — в больнице. Один — в тяжелом состоянии. Что же там произошло?

Рапорт инспектора ГАИ. Автофургон, предназначенный для перевозки овощей и фруктов, в 7 часов 15 минут утра, следуя по улице Панфилова, напротив дома семнадцать выехал на встречную полосу движения и столкнулся с панелевозом. В результате водитель автофургона получил телесные повреждения и в бессознательном состоянии отправлен в больницу.

Следующая за панелевозом грузовая машина выехала на тротуар, ударилась о павильон троллейбусной остановки, сбила гражданина Седельникова. Он также отправлен в больницу. Рапорт составлен со слов водителей. Очевидцы не установлены...

Итак, что произошло — ясно. Причина автоаварии в том, что водитель автофургона выехал на встречную полосу движения. Почему он выехал? Как это случилось? Кто виноват? На эти вопросы ответов нет. Моя задача их найти, установить виновного и привлечь его к ответственности.

Дальше... Погодные условия — снегопад, туман, видимость плохая. Состояние дороги — асфальтированное шоссе, гололед. Понятно. Данные о водителе автофургона. Стаж работы два месяца, возраст — двадцать один год. Фамилия — Щеглов Г. В. Надо позвонить в больницу, выяснить его состояние. Звоню в приемный покой. Да, Щеглов поступил. Сделана операция. Состояние тяжелое. Без сознания. Водителя допросить нельзя. Надо начинать с других. С кого? Потерпевший Седельников. Стоял на остановке. Видимо, ждал троллейбуса. Мог ли видеть происшествие? Надо поговорить с ним. Опять звоню в больницу. Да, Седельников находится там. Состояние его резко ухудшилось. Предполагают внутреннее кровоизлияние. Возможна операция. Разговаривать с ним нельзя.

Смотрю на схему. Панелевоз, автофургон, грузовик, троллейбусная остановка... Наверное, следует начинать с панелевоза. Строительный трест номер два. Водитель Горшков. Звоню в трест, прошу обеспечить его явку. Дальше... Грузовик из соседней области. Води-

тель — Титков. Машина отбуксирована в городской автокомбинат и сдана под расписку на хранение. Водитель, наверное, тоже там. Звоню. Обещали найти и направить ко мне.

Выхожу из прокуратуры, сажусь в троллейбус. Вот и нужная остановка. Жду, пока отойдет троллейбус. Мимо проносятся автомашины: грузовые, легковые, «Волги», «Жигули», «ЗИЛы», «МАЗы». Улица живет своей трудовой, напряженной жизнью. Ничто не говорит о том, что здесь были покалечены люди, изуродована техника. Никаких следов трагедии. Нет, следы есть. Павильон остановки сдвинут, стойки наклонены, одна погнута. Пластиковый лист вышел из пазов, качается на ветру, скрипит.

На противоположной стороне улицы тоже остановка. Недалеко — подземный переход. Посредине улицы — сплошная разделительная полоса. Движение по каждой стороне двухрядное. Машины идут непрерывно. Один за другим подходят и отходят троллейбусы. Пассажиры направляются к подземному переходу. Молодой человек быстро перебегает улицу прямо по проезжей части. Долго и пронзительно сигналист автомобиль. Но парень уже на тротуаре. Перескакивает его, оглядывается, довольный.

Снег стоял, асфальт высох. Следов нет. Делать здесь больше нечего. Зайти в магазин? На всякий случай замечаю — магазин торгует с 7 до 20 часов. Перерыв на обед с 13 до 14 часов. В зале довольно много народа.

В прокуратуре меня ждет водитель грузовика Титков. Он взволнован, непрерывно приглаживает густые, начинающие сесть волосы, покашливает. Я заполняю бланк допроса свидетеля, предупреждаю его об ответственности за дачу ложных показаний.

— Расскажите, что произошло вчера утром на улице Панфилова?

— Это об аварии, что ли? — негромко спрашивает он. — Значит, так. Я ехал на механический завод за деталями. А погода, сами знаете, была какая: снежная пороша, туман, ничего не видно. Скорость километров тридцать, не более. Впереди меня панелевоз идет. Закрывает дорогу. Машина огромная. И вдруг встречный фургон в него как даст! Панелевоз повело в сторону, юзом, а фургон развернуло. Мне показалось, что он опрокидывается. Я — на тормоза. Газик мой понесло на остановку. А тут вдруг мужик бросился под мою машину. Его, конечно, сшибло. Вот и все.

— Как бросился? Сам?

— Да, сам. Я видел, что он стоял сбоку, а потом бросился прямо под колеса. Как его не убило, не знаю. До сих пор прийти в себя не могу. Чувствовал, как машина его ударила. Мой Газ-51 врезался в стойку, погнул ее, и вся будка сдвинулась, наклонилась. Я выскочил из машины, а он рядом с колесом лежит. Если бы не будка, я бы его переехал. Хотел было вытащить его оттуда, но он сам начал вставать. Оперся на руку, а она подогнулась. Я ему помог подняться, вытащил из машины сиденье, посадил его. А тут и милиция появилась. Его отправили в больницу. У меня до сих пор руки дрожат. Во! — он вытянул их перед собой. — Никак не могу забыть. У меня это первая авария. Можно, я закурю? — Он жадно затягивается. — Вот и все.

— Вы видели, как фургон выезжал на встречную полосу движения?

— Нет, я смотрел на свою сторону. Мне этот панелевоз очень мешал. Кроме того, улица незнакомая. Я в первый раз на ней. Я увидел фургон, когда он ударил в панелевоз.

— Вы в каком ряду ехали?

— Я? — он посмотрел на меня. — Следом за панелевозом, чуть справа от него. А панелевоз не придерживался рядности. Я хотел его обойти, и все никак. Он ехал посредине проезжей части.

— На каком расстоянии от него вы ехали?

Он задумался, прищурив глаза.

— Метрах в пятнадцати-двадцати.

— Значит, вы ехали правее панелевоза на расстоянии пятнадцати-двадцати метров со скоростью около тридцати километров. Когда фургон и панелевоз столкнулись, вы затормозили и вас занесло на остановку. Правильно? — Он, соглашаясь, кивнул головой. — Давайте посмотрим схему. Вот панелевоз. Он стоит за остановкой. Переднее левое колесо на осевой полосе. Задняя часть панелевоза немного выходила на первую полосу движения. Видите? До тротуара расстояние, вполне достаточное для проезда автомобиля. Если бы вы ехали на расстоянии пятнадцати-двадцати метров и правее панелевоза, вам не понадобилось бы тормозить. Вы бы взяли чуть вправо и спокойно проехали мимо.

Он недоуменно смотрит на схему и молчит.

— Кроме того, смотрите, след поворота вашей машины находится на расстоянии менее трех метров от места столкновения панелевоза с фургоном. Значит, вы ехали за панелевозом не в пятнадцати-двадцати метрах, а значительно ближе.

— Не знаю, почему так получилось. Меня занесло на остановку. Я тормозил... Гололед...

Я записал его показания. Он прочитал и подписал их.

— Вы свободны, но можете еще понадобиться. Где вас найти?

— На автокомбинате. А ремонтировать автомашину можно?

— Нет, пока нельзя.

А все-таки не совсем понятно, как его машина оказалась на тротуаре, — неудачный маневр или результат торможения? Вот его грузовик стоит, вдавившись мотором в стойку павильона остановки. Радиатор смят. На фотографии крупно видны радиатор, кабина. Приборы разбиты. Видно, что мотор слегка вдвинут в кабину. Удар был сильный, значит, скорость большая.

Фото со стороны кузова. Видны следы от задних колес. Четко просматривается рисунок протектора. А от передних? Еще фото. От передних колес тоже до тротуара четкие. А на самом тротуаре смазаны. Скользящий след торможения. Что это значит? Получается, что он не тормозил до тротуара? Интересно... Он говорит, что затормозил сразу, а на остановку его вынесло юзом. А где же следы торможения? Ничего не понятно. Надо назначить автотехническую экспертизу. Пусть дадут заключение о том, с какой скоростью ехал грузовик, почему он оказался на тротуаре, где начал торможение, на каком расстоянии от панелевоза следовал.

Теперь необходимо заняться водителем автофургона. Прежде всего нужно выяснить, когда и где он получил права, на каких машинах работал, нарушал ли правила движения, как характеризуется по работе...

Звоню в ГАИ. Сосбщают, что Щеглов получил права в январе текущего года, окончив курсы водителей при городском автокомбинате. Было нарушение — превысил скорость на улице города. Значит, лихач. Любитель быстрой езды. Можно предположить, что превысил скорость, не справился с управлением на скользкой дороге и его вынесло на встречную полосу движения.

В учебном центре автокомбината встречаюсь с руководителем группы, в которой учился Щеглов. Седой короткий ежик, сильная боксерская шея, крутые плечи. Смотрит спокойно. Представился коротко:

— Иванов.

— В январе окончил курсы Щеглов. Он учился в вашей группе. Помните такого?

— Да, помню.

— Расскажите, как он учился, что представляет собой как человек и как водитель?

Иванов некоторое время молчит, думает.

— Вождение ему давалось легко. В общем, он способный парень. С головой. Но любил езду «с ветерком». Получал от меня замечания. У него собственный мотоцикл, привык на нем гонять. Вот, наверное, и все.

На следующий день утром меня ждал водитель панелевоза — полный мужчина средних лет. Мы вместе прошли в кабинет.

— Расскажите, как произошло столкновение вашей машины с фургоном на улице Панфилова.

Он шмыгнул носом, почесал затылок, кашлянул.

— Значит, так. Погода — дрянь. Снег такой, что дворник не успевает счищать. Я иду во втором ряду. Скорость — тридцать километров. Скользко. Много пешеходов. Сейчас сделали подземный переход. Все равно некоторые поверху идут. Вижу, от левой остановки отходит троллейбус. Правая остановка, на моей стороне, — свободная. За троллейбусом на встречной полосе движения — грузовик, фургон. Впереди путь свободен. Я только газ тронул и вдруг — удар. Машина стала терять управление, пошла юзом, остановилась. Выхожу из кабины. Сзади фургон — поперек дороги. Мотор — в лешку, в кабине — шофер, парнишка молоденький, уткнулся в баранку. Дверь заклинило. Не открыть. Я за ломом. Отворотил. Его мотором прижало. Тут милиция, ГАИ подъехали. Вытащили мы его. Он без памяти. Бледный, как мел. Может, грудь повредило. Кровь на правой брючине. Отправили его в больницу. Я все рассказал орудовцам. Они измеряли, фотографировали. Вот и все, — он помолчал. — Да, вот еще что. За мной грузовик шел, «газик». Так тот на тротуар вылетел, своротил будку и парня сбил. Его тоже в больницу отправили. Этот грузовик шел за мной и все пытался обойти. Спешил, видно.

— Когда вы подъезжали к остановке, пешеходы были на проезжей части?

— Не было. Я смотрел внимательно. У меня за спиной почти двадцать тонн. Такую махину сразу не остановишь. Троллейбус стоял у остановки, потом начал отходить. А на моей стороне — остановка свободная. Машин впереди меня близко не было, пешеходов тоже.

— Как вы думаете, почему фургон оказался на вашей стороне движения?

— Не знаю. Меня и автоинспектор об этом спрашивал. Не знаю. Он шел нормально. Скорость небольшая была. Также километров тридцать. Прямо шел, ровно. Здесь могут быть две причины: либо тормознул, и его занесло, либо маневрировал и не рассчитал.

Я записал его показания. Он прочитал, подписал их.

Снова, уже в который раз, рассматриваю фотографии. Хорошо видны все повреждения фургона. Следы колес на снегу. На одной фотографии они смазаны. А на другой? Также след торможения. На всех фотографиях — следы резкого торможения. Значит, перед столкновением он тормозил. Но, может быть, только на этих двух-трех метрах? На схеме скользящий след торможения отмечен на протяжении пяти метров. При этом торможение началось, когда машина находилась на своей полосе движения. Значит, до этого он не маневрировал, а сразу начал резкое торможение. Почему?

Необходимо назначить автотехническую экспертизу для определения скорости движения автомобиля, его технической исправности.

Фотографии, фотографии. Но что это? На снимке крупным планом показана задняя, не поврежденная часть фургона. Виден след скольжения колеса. Рядом с ним на снегу... след ноги человека. Четкий отпечаток обуви. Как он там оказался? На другой фотографии он тоже виден, и не один. Направлены — поперек улицы. Может быть, орудовцы наследили? Нет, они сначала фотографируют, а потом делают осмотр. Таков порядок. Пешеход? Машина остановилась как раз на том месте, где он переходил улицу?

Тожe необходима экспертиза. Нужно позвонить в ГАИ и пригласить сотрудника, который осматривал место происшествия. Звоню, связываюсь с инспектором. Приглашаю его приехать. Через некоторое время в кабинет входит старший лейтенант милиции. Представляется, садится к столу. Я достаю фотографии.

— Мы прибыли на место автопроисшествия через двенадцать минут после столкновения, — начинает рассказывать он. — Нас вызвал дежурный инспектор. Сразу сфотографировали автомашину, которая своротила стоянку. Она перекрывала уличное движение. После этого ее отбуксировали. Затем осмотрели и сфотографировали фургон и панелевоз.

— Снег шел?

— Да. Поэтому на фотографиях четко видны отпечатки следов грузовика. Их не успело запорошить снегом. Следы же панелевоза и фургона присыпаны. Они сохранились только под корпусами машин.

— До фотографирования под фургон никто не лазил?

— Нет. Там стоял инспектор и никого не пускал.

— Посмотрите сюда. Видите след? Как он мог там оказаться?

Старший лейтенант долго смотрит на фотографию, затем берет другую, третью.

— Это непонятно. Наверное, след пешехода.

— И обратите внимание: след совершенно не запорошен снегом. Следовательно, он оставлен незадолго до аварии. У меня к вам просьба. Отпечатайте, пожалуйста, эти следы покрупнее. Может быть, у фотографа остались неиспользованные негативы.

Если в автопроисшествии виновен пешеход, нужно его найти. Как? Водители панелевоза и грузовика его не видели. Других очевидцев нет. Остается еще водитель троллейбуса. Необходимо выяснить, кто вел в то утро троллейбус, который отошел от остановки перед автоаварией. Пришлось опросить нескольких водителей, прежде чем удалось найти нужного. Водитель — молодая девушка. Она говорила очень осторожно, словно чувствовала за собой какую-то вину.

— Как вы подъехали к остановке?

— Как обычно. Включила сигнал поворота. За двадцать метров начала торможение. Остановилась точно. Открыла двери. Когда все вышли, закрыла переднюю дверь. Включила сигнал поворота, посмотрела в зеркало заднего вида. Закрыла заднюю дверь и тронулась с остановки.

— Аварию видели?

— Нет. На конечной остановке, в диспетчерской мне сказали, что у той остановки столкнулись фургон и панелевоз. На обратном пути я их видела.

На следующий день я снова звоню в больницу. Сестра передает трубку дежурному врачу.

— Видите, какая история, товарищ следователь, — забасил голос в трубке, — к Седельникову приходила женщина. У нас есть ее адрес и фамилия. Она рассказала, что в то утро была на остановке с четырехлетней дочерью, которую везла в детский садик. Девочка стояла, прижавшись к стойке павильона. И в это время грузовик поехал на тротуар. Прямо на девочку. Седельников бросился к стойке и успел оттолкнуть ребенка, а сам вот в больнице.

Он называет мне адрес и фамилию женщины. Я записываю.

— Как чувствует себя Седельников?

— Уже лучше. У него был кризис. Сейчас прошел. С ним можно разговаривать.

Вот, значит, почему он бросился под машину. Спасал ребенка. Шофер девочку, конечно, не видел, а мужчину заметил. Если бы Седельников не успел ее оттолкнуть, страшно подумать, что бы произошло. Надо вызвать и допросить мать девочки, может быть, она что-нибудь видела.

Седельников оказался молодым белобрысым парнем. Он часто мигал светлыми ресницами и виновато улыбался. Левая рука его была в гипсе.

— Расскажите, пожалуйста, как все случилось.

Он слегка пожал плечами.

— Я стоял на остановке, ждал троллейбуса. Вдруг удар, грохот. Я ничего не понял. Смотрю, прямо на остановку сворачивает грузовик и едет на тротуар. На остановке была еще женщина с девочкой. Девочка в этот момент стояла у стойки. Грузовик шел прямо на нее, я успел ее оттолкнуть. Вот и все.— Он виновато улыбнулся.

— Вы не заметили, грузовик тормозил?

— Не заметил. Все это произошло мгновенно.

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего, спасибо. Было плохо, сейчас лучше.

Дежурный врач рассказал мне, что у него перелом левой плечевой кости. Очень сильный ушиб левого бока. Думали, что повреждены внутренние органы. Но — обошлось. А вот водитель Щеглов хотя и пришел в сознание, разговаривать с ним нельзя. У него сотрясение мозга, перелом грудной клетки. Состояние тяжелое.

Ответа на основной вопрос — кто виноват в автопроисшествии? — пока нет. Что делать? Нужно узнать результаты экспертиз, получить фотографии, допросить мать девочки.

Она пришла на следующий день. Плакала. Ей было жаль свою дочь, которая чуть не погибла, жаль пострадавшего парня. Она просила как-то отблагодарить его, но по делу ничего не сказала, так как не видела аварии. Слышала удар, грохот. Потом увидела, как на ее дочь едет машина. Закричала. Парень успел оттолкнуть девочку...

— Это было так ужасно, так ужасно! — говорит она, вытирая слезы.— Словно наступил конец света.

Экспертиза установила, что грузовик ехал со скоростью не менее сорока километров. Такая скорость не соответствует условиям движения: скользкая дорога, место остановок городского пассажирского транспорта. Скорость завышена. Кроме того, ехал на расстоянии около семи метров от панелевоза, что также является нарушением правил движения. Далее, когда автофургон ударился в панелевоз, водитель грузовика не тормозил, а сделал резкий поворот вправо, избегая столкновения с панелевозом, то есть сам направил машину на тротуар. В результате чуть не убил человека. Водитель должен быть привлечен к уголовной ответственности.

Автофургон ехал со скоростью тридцать километров. Перед столкновением маневра не делал, а резко тормозил. Путь торможения — пять метров. Машина потеряла управление, вышла на встречную полосу движения и столкнулась с панелевозом. Почему водитель тормозил? На этот вопрос ответа пока нет.

Увеличенные фотографии следов человека. Четко видны отпечатки обуви на мягком мартовском снегу. Новые фотографии следов. На них видно, что, не доходя осевой линии, человек попятился. Почему? Что помешало ему идти дальше? Для случайного пешехода, не имеющего отношения к автопроисшествию, слишком много совпадений: следы оставлены непосредственно перед столкновением машин, человек попятился, не перешел улицы. Здесь же торможение машины и авария.

Можно построить гипотезу. Троллейбус отходит от остановки. Из-за него перед автофургоном неожиданно появляется пешеход. Водитель автофургона резко тормозит. Машина идет юзом, пересе-

кает осевую и сталкивается с панелевозом как раз на том месте, где был пешеход. А куда девался пешеход? Успел отскочить и сбежал. Если все было действительно так, необходимо его найти. Как это сделать? Не может быть, чтобы никто его не видел. Нужно расклеить объявления в подъездах, поехать в жэк, поговорить с дворниками. Может быть, им кто-нибудь рассказывал об этом случае...

В жэке я встречаюсь с начальником, рассказываю ему об аварии, прошу помочь найти очевидцев.

— Нина! — выслушав меня, зовет он. Входит молодая девушка. — Нина, мне нужна дворник Савоськина. Найди ее, пожалуйста, побыстрей. Савоськина обслуживает тот дом, в котором расположен магазин, — объясняет мне начальник. — Она работает давно, знает многих жильцов.

Мы сидим и молча ждем дворника. Через некоторое время входит Савоськина. Она рассказывает, будто ей говорила одна женщина, которая живет над магазином, об аварии. Вроде она видела, как машины столкнулись. Фамилии ее она не знает и точно не помнит номер квартиры.

Мы долго ходим по квартирам и наконец находим нужную. Женщины дома не оказывается. Она будет только вечером. Я ей оставляю повестку. Соседка ее добавляет, что Мария — так зовут эту женщину — рассказывала ей, будто видела, как с места аварии бежал мужчина, прошеп через подземный переход и вышел на нашу сторону улицы. Она его узнала. Этот мужчина работает грузчиком в продовольственном магазине.

— Она не рассказывала, как он выглядит? — спрашиваю я.

— Рассказывала. Высокий такой, полный. Средних лет, черноволосый. Я его тоже встречала.

— Да, да, — подтверждает Савоськина. — Есть такой грузчик. Его Гришей зовут.

Иду в магазин. Встречаюсь с директором, представляюсь. Он настороженно смотрит на меня, молчит.

— У вас работает грузчиком мужчина высокого роста, полный, черноволосый, по имени Гриша?

— А что? Натворил что-нибудь?

— Мне нужно его увидеть.

— Я бы тоже хотел его увидеть, извините. Он уже несколько дней не выходит на работу, запил, наверное.

— Адрес его у вас есть?

— Есть, как не быть. — Директор открывает небольшой металлический сейф, стоящий в углу, листает бумаги, называет адрес. — Исполком его прислал к нам после освобождения из колонии. От него кроме хлопот никакого толку. Что он натворил?

— Пока я и сам ничего не знаю. Разберусь, сообщу вам. Когда он последний раз был на работе?

— Дней пять назад. — Он выходит, возвращается вместе с молодой женщиной. — Десятого марта он работал последний раз, а больше не был. Вот она вам расскажет.

— В тот день, — говорит женщина, глядя то на меня, то на директора, видимо не понимая, кого больше интересует ее рассказ, —

он пришел молчаливый. Обычно он шуточки всякие говорил. В этот раз молчал. А потом, вскоре, еще до обеда, напился. Спал в подсобке. Вечером ушел и больше на работу не выходил.

— В котором часу он пришел на работу?

— Не помню. Магазин уже был открыт. В начале восьмого, наверное.

Грузчику я направил повестку. Но он не явился. Я послал вторично, с предупреждением, что в случае неявки он будет доставлен приводом. Он не пришел и на этот раз. Я составил постановление о приводе и направил его в отделение милиции.

Водителю Щеглову стало лучше. Разрешили встречу с ним. Я поехал в больницу. Он неподвижно лежал на спине.

— Расскажите, как произошла авария.

— Пешеход виноват,— сказал он негромко и замолчал. Я смотрел на него.— Не могу говорить. Грудь болит,— также негромко сказал он и опять помолчал, глядя перед собой.— Он выскочил из-за троллейбуса.— Опять молчание.— Я стал тормозить... машину понесло... ударило о панелевоз.

— Пешехода запомнили?

— Да. Полный, крупный мужчина. В темном пальто, кожаной шапке.

Я записал его показания, пригласил врача, который вместо него подписал протокол, указав, что потерпевший по состоянию здоровья сам сделать этого не может.

Через несколько дней сотрудник милиции привел грузчика. На небритом отеком лице его — полное равнодушие. Под глазами — мешки. Он стаскивает с головы кожаную шапку, приглаживает густые, иссиня-черные вихры, садится на стул, глухо кашляет.

— Расскажите об аварии, которая произошла десятого марта напротив магазина, в котором вы работаете грузчиком.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

— А что рассказывать? — спрашивает хрипло.

— Все, что вам известно. Начните с того, как вы шли на работу, как переходили улицу... — Он двигается на стуле, но продолжает молчать, глядя перед собой.— Боитесь?

— Чего мне бояться? Что было, то было... Наглая шоферня стала. Гоняют сломя голову. Вот и...

— А вы ни при чем?

— Я опаздывал на работу.— Он опять бросает на меня взгляд.— А он мчался, словно лишнего хватил. Ну и врезался в панелевоз.

— Как вы были одеты в тот день?

— Так же, как сейчас.

— И обувь была эта же? — он бросает взгляд на меня, смотрит на свои ботинки. Затем словно взрывается.

— При чем здесь обувь? Следы оставил, что ли? Ну, я там был, я! И ботинки эти. Вот они! — Он поднимает ногу.— Смотрите! — Ставит ногу на пол, отворачивается, опускает голову.

Подписать свои показания он отказывается.

— Я должен вас задержать до выяснения всех обстоятельств по делу.

Вскоре была проведена экспертиза, которая установила, что следы на снегу на месте происшествия оставлены обувью грузчика. После этого я предъявляю ему обвинение. Прочитав постановление, он кладет его на стол, смотрит на меня.

— Вы не имеете права привлекать меня к уголовной ответственности. В статье двести тринадцатой Уголовного кодекса сказано, что ответственность наступает, если нарушение правил стало причиной гибели людей. Здесь никто не погиб. А за железки пусть отвечает шоферня. Машины ихние. Я от подписи отказываюсь.

— Нет, в статье написано иначе... «Нарушение действующих на транспорте правил об охране порядка и безопасности движения, если это повлекло гибель людей или иные тяжкие последствия». Гибели людей, к счастью, нет. Но два человека в больнице с тяжелыми телесными повреждениями. Изувечены три машины, павильон остановки, панель для строительства дома. Я считаю, что тяжкие последствия налицо. И направляю дело в суд. Если он согласится с вашими доводами, то оправдает вас. Я считаю, что вы должны нести ответственность в уголовном порядке.

Водитель Титков долго читает постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Долго молчит.

— Признаете себя виновным?

— В чем?

— В том, что превысили скорость, следовали очень близко за панелевозом, сознательно сманеврировали и направили машину на тротуар, на остановку, где находились люди.

— Я не управлял машиной. Она шла юзом.

— Вы не первый год за рулем и прекрасно знаете, какой след оставляет автомобиль, когда происходит резкое торможение. У вашей машины, как установлено экспертизой, торможения не было. Очень сильный удар о стойку павильона также свидетельствует о...

— А почему фургон выехал на встречную полосу?

— Из-за пешехода.

— Этого мерзавца надо судить, который вылез на дорогу, а не меня. Дурак тот шофер. На его месте я бы показал этой скотине, где надо ходить...

Вскоре состоялся суд. Оба — грузчик и Титков — были приговорены к лишению свободы. С них взыскана стоимость ремонта машин, павильона остановки, строительной панели, за их счет произведена оплата листов нетрудоспособности Щеглова и Седельникова.

НОВОЕ в законодательстве

О регистрации актов гражданского состояния

Правильная и своевременная регистрация актов гражданского состояния имеет большое государственное значение, влечет возникновение, изменение либо прекращение тех или иных прав и обязанностей граждан.

При регистрации каждая актовая запись должна быть сделана ясно, четко, в полном соответствии с представленными документами. Законодательством строго регламентирован порядок составления этих записей, установлен круг лиц, которые имеют право их делать. Однако и при соблюдении этих условий впоследствии в ряде случаев возникает необходимость изменить актовую запись, например при усыновлении, установлении отцовства и так далее.

Согласно законодательству, актовые записи должны хра-

ниться в органах загса в течение 75 лет, после чего передаются в государственные архивы. Органы загса обязаны обеспечивать сохранность этих записей. И все же по некоторым причинам (вследствие военных действий, пожара, наводнения и тому подобного) отдельные актовые записи могут быть утрачены. А после этого они могут понадобиться, например для выдачи гражданину повторного свидетельства о рождении или другого документа. В таких случаях речь идет о восстановлении утраченных актовых записей.

В целях дальнейшего совершенствования работы загсов, охраны прав и законных интересов граждан Совет Министров СССР 10 декабря 1976 года принял постановление «Об утверждении Основных положений, определяющих по-

рядок изменения, восстановления и аннулирования записей актов гражданского состояния, порядок и сроки хранения актовых книг». В Основных положениях предусмотрены некоторые новые правила, касающиеся, главным образом, изменения и восстановления актовых записей.

Расскажем о том, что прежде всего интересует граждан, связано с защитой их прав.

Внесение в актовые записи изменений, дополнений, исправлений. Органы загса обязаны вносить в актовые записи изменения, дополнения и исправления только тогда, когда к этому есть достаточные основания и нет спора между заинтересованными лицами. Если же по такому вопросу возник спор, он решается в судебном порядке.

В Основных положениях перечислены конкретные случаи, когда возможно внесение изменений, дополнений и исправлений в актовые записи. Так, при усыновлении ребенка — в соответствии с решением исполкома районного (городского) Совета — исправляются в актовой записи о рождении фамилия, имя, отчество ребенка, место и дата его рождения, сведения о его родителях. В случае установления отцовства также вносятся изменения в актовую запись о рождении ребенка. При расторжении брака

каждый из бывших супругов вправе вернуть себе добрачную фамилию и, кроме того, несовершеннолетнему ребенку может быть присвоена фамилия того из родителей, с которым он остался проживать, — и здесь бывает необходимо внести изменения в актовую запись. Изменяется она также в связи с переменой гражданского фамилии, имени, отчества.

Если в актовой записи указаны двойное имя или двойное отчество, уменьшительное или ласкательное имя ребенка (Миша, Сашенька и тому подобные), не указаны фамилия, имя, отчество и национальность родителей, записаны неправильные, не соответствующие предъявленным документам сведения, — в нее должны быть внесены изменения.

Одно из новых важных положений состоит в следующем. Орган загса вправе внести изменение в актовую запись о рождении, если при регистрации рождения ребенку были присвоены фамилия (при разных фамилиях родителей) или имя без учета пожеланий родителей, а также если ребенок фактически носит другое имя (не то, которое указано в записи акта о его рождении), при условии, что такое изменение действительно вызывается интересами ребенка. Заявления родителей об исправлении фамилии или имени ребенка в

связи с тем, что при регистрации рождения они были присвоены без учета пожеланий родителей, принимаются органами загса не позднее одного года со дня регистрации рождения, а заявления об исправлении имени ребенка в связи с тем, что он фактически носит другое имя,— не позднее пяти лет со дня регистрации рождения. При этом родители должны доказать, что их желание не было учтено при регистрации рождения (например, отец находился в длительной командировке, вследствие чего не имел возможности высказать свое мнение об имени ребенка) или что ребенок фактически носит не то имя, которое записано при регистрации его рождения, привык к другому имени и изменение в актовой записи о рождении соответствует его интересам.

Изменения в актовые записи вносятся также: если в момент регистрации акта гражданского состояния были допущены искажения, не указаны те или иные сведения или пропущены отдельные слова; в соответствии с решением суда (если суд признает недействительным усыновление или брак, установит неправильности в записях актов гражданского состояния и тому подобное).

Заявления о внесении изменений, дополнений или исправлений в записи актов граждан-

ского состояния подаются гражданами в отдел загса исполкома районного, городского Совета по месту их постоянного жительства (независимо от того, где регистрировался данный акт). Это предусмотрено для того, чтобы загс имел возможность тщательно проверить все представленные заявителем документы, а также — при необходимости — оказать ему содействие в получении недостающих документов.

На основании представленных материалов и результатов проверки отдел загса, принявший заявление, составляет заключение о внесении изменений, дополнений, исправлений в актовую запись или об отказе в этом. (В некоторых случаях, особо оговоренных в Основных положениях, такие заключения не составляются). Заключение отдела загса должно быть утверждено исполкомом районного, городского Совета, после чего оно вместе со всеми собранными материалами направляется для исполнения в отдел загса исполкома районного, городского Совета по месту нахождения данной актовой записи. Получив такое заключение, отдел загса, где находится актовая запись, обязан внести в нее соответствующие изменения, дополнения или исправления выписать новое свидетельство о регистрации акта гражданского состояния,

которое вручается заявителю или направляется ему.

Если отдел загса по месту постоянного жительства гражданина отказал ему в изменении, исправлении или дополнении актовой записи, тот вправе обжаловать действия загса в районный, городской народный суд — также по месту жительства. Решение суда, которым установлена неправильность в книгах записей актов гражданского состояния, служит основанием для исправления записи органами загса.

Рассмотрение всех вопросов, связанных с изменением, дополнением, исправлением актовой записи, должно быть закончено районным, городским отделом загса не позднее двух месяцев со дня поступления заявления. Только при наличии уважительных причин (когда, например, представленных документов недостаточно или требуется их дополнительная проверка) этот срок может быть продлен исполкомом районного, городского Совета, но не более чем на два месяца. Сверх этого продлить срок может — и лишь в исключительных случаях — заведующий республиканским, краевым, областным, городским (городов республиканского подчинения) органом загса. Орган загса по месту нахождения актовой записи должен внести в нее изменения и выдать или вы-

слать заявителю новое свидетельство о регистрации акта гражданского состояния не позднее чем в пятнадцатидневный срок после того, как получит заключение отдела загса по месту жительства гражданина.

Восстановление утраченных записей актов гражданского состояния. Заявления о восстановлении утраченных записей также подаются в отдел загса исполнительного комитета районного, городского Совета по месту постоянного жительства гражданина. Принимаются такие заявления, лишь когда республиканский, краевой, областной, городской (городов республиканского подчинения) архив органов загса по месту, где должна была находиться актовая запись, подтвердит ее утрату, выдав гражданину соответствующую справку. К заявлению должны быть приложены документы, содержащие сведения, необходимые для восстановления актовой записи, в том числе подтверждающие факт регистрации данного акта гражданского состояния в определенном месте, в определенном загсе. Вопрос о том, какие именно документы необходимо представить, решается в каждом конкретном случае заведующим районным, городским отделом загса в зависимости от имеющихся материалов. Таковыми документами могут быть

паспорт, военный билет, трудовая книжка, свидетельство о браке, о рождении детей, братьев и сестер, справки с места работы, учебы и так далее. Письменные заявления свидетелей, не подтвержденные документами, не могут служить основанием для восстановления актовой записи. Все представленные документы тщательно проверяются загсом.

Наиболее трудно восстанавливать актовую запись о рождении, если в документах, представленных заявителем, и в материалах проверки отсутствуют сведения о его возрасте или содержатся противоречивые данные. В таких случаях определение возраста производится не загсом, а специальной комиссией, которую образует для этой цели исполнительный комитет районного, городского Совета. В состав комиссии обязательно включаются секретарь исполкома, заведующий отделом (бюро) загса, а также представители органов внутренних дел и здравоохранения. К работе комиссий привлекаются представители заинтересованных учреждений: при восстановлении записи акта о рождении гражданина пенсионного возраста — представитель органа социального обеспечения, а при восстановлении записи о рождении лица призывного возраста — представитель районного, городского

военного комиссариата. Решение комиссии по определению возраста может быть обжаловано в соответствующий исполком районного, городского Совета, образовавший ее.

Орган загса направляет гражданина, возраст которого определяется, на медицинское освидетельствование. После получения медицинского заключения орган загса посылает все собранные материалы на рассмотрение комиссии, которая и решает вопрос о возрасте с учетом всех имеющихся документов — представленных заявителем и полученных загсом в результате проверки. Следует иметь в виду, что для комиссии имеет значение результат медицинского освидетельствования, произведенного по поручению загса, и она не принимает во внимание какие-либо другие медицинские справки.

На основании представленных заявителем документов результатов проверки, а в тех случаях, когда возраст определялся комиссией при рай(гор)-исполкоме, — также решения комиссии отдел загса по месту постоянного жительства гражданина составляет заключение о восстановлении актовой записи или об отказе в этом. Заключение должно быть утверждено рай(гор)исполкомом.

После того, как заключение утверждено, отдел загса на-

правляет его вместе со всеми собранными материалами в отдел загса по месту, где должна была находиться утраченная актовая запись, для ее восстановления и выдачи заявителю свидетельства.

Если орган загса отказал в восстановлении утраченной актовой записи, гражданин может обратиться в народный суд с просьбой установить факт регистрации акта гражданского состояния. (О том, при каких обстоятельствах возможно установление такого рода фактов, рассказано в консультации, опубликованной в № 9 нашего журнала за 1976 год, стр. 104—108.— Ред.).

Рассмотрение всех вопросов о восстановлении утраченных актовых записей должно быть закончено органом загса по месту постоянного жительства гражданина не позднее чем в двухмесячный срок со дня поступления заявления. Только при наличии уважительных

причин этот срок может быть продлен исполкомом районного, городского Совета не более чем на два месяца. Сверх этого продлить срок может — и лишь в исключительных случаях — заведующий республиканским, краевым, областным, городским (городов республиканского подчинения) органом загса.

Орган загса по месту, где должна была находиться утраченная актовая запись, обязан восстановить ее и выдать или выслать заявителю свидетельство о регистрации акта гражданского состояния не позднее 15 дней после того, как получит заключение загса по месту жительства гражданина о восстановлении записи.

Точное и неуклонное исполнение правил, регулирующих порядок изменения и восстановления актовых записей, способствует укреплению социалистической законности и обеспечивает охрану прав граждан.

В. ГРАЧЕВА,
заместитель начальника отдела
нотариата и загсов
Министерства юстиции СССР

**наши
консультации**

Лишение родительских прав

Родители обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества — таково требование ст. 66 проекта новой Конституции СССР. Родители должны также содержать своих несовершеннолетних (и нетрудоспособных совершеннолетних) детей, защищать их права и интересы. Это предусмотрено Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье.

Если родители не выполняют своих обязанностей по воспитанию детей, дело может быть рассмотрено товарищеским судом, который вправе применить в отношении таких родителей меры общественного воздействия — предупреждение, порицание и так далее. Невыполнение родительских обязанностей может стать предметом обсуждения и на заседании комиссии по делам несовершеннолетних при исполкоме районного (городского) Совета.

А если меры общественного воздействия не дадут результата?.. Брачно-семейное законодательство предусматривает, что родители, уклоняющиеся от выполнения обязанностей по воспитанию детей или злоупотребляющие родительскими правами, могут быть лишены этих прав. Основанием для лишения родительских прав является также жестокое обращение с детьми либо аморальное, антиобщественное поведение, оказывающее на детей вредное влияние. Могут быть лишены родительских прав также хронические алкоголики или наркоманы.

Родители могут быть лишены прав лишь в отношении несовершеннолетних детей, то есть не достигших 18 лет.

Вопрос о лишении родительских прав решается только судом, в порядке гражданского судопроизводства. К участию в деле привлекаются представитель органа опеки и попечительства и прокурор.

Дела о лишении родительских прав рассматриваются по

заявлению государственных или общественных организаций, одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, а также по иску прокурора. Вынося решение лишить отца или мать родительских прав, суд одновременно разрешает вопрос о взыскании с этого лица алиментов.

В одном из народных судов Москвы рассматривалось дело по иску роно к гражданке Игнатовой о лишении ее родительских прав в отношении восьмилетней дочери. В обоснование требований истец указывал, что Игнатова злостно уклонялась от обязанностей по воспитанию дочери, систематически пьянствовала, приводила в дом посторонних, а дочь выгоняла на улицу. Коллектив фабрики, где работала Игнатова, неоднократно обсуждал ее поведение. Занималась этим и комиссия по делам несовершеннолетних. Но положительных результатов меры общественного воздействия не дали. Принимая во внимание эти обстоятельства, суд удовлетворил иск роно и лишил Игнатову родительских прав.

Когда суд лишает родительских прав и отца и мать, ребенок передается на попечение органов опеки и попечительства. Ребенок принимается на попечение этих органов и в тех случаях, когда родительских прав лишен один родитель, а

передача ребенка другому невозможна. Органы опеки и попечительства решают, где находится ребенку: в семье опекуна (попечителя), усыновителя или в детском учреждении.

Каковы же правовые последствия лишения родительских прав? Лица, лишенные родительских прав, не только утрачивают право на воспитание детей, но и все права, вытекающие из факта родства: право на получение алиментов от достигших совершеннолетия детей, в отношении которых они лишены родительских прав; наследственные права; право на получение пенсии по случаю смерти этих детей и другие.

Лишенному родительских прав гражданину закон не доверяет и судьбу чужого ребенка, поэтому он не может стать усыновителем, опекуном, попечителем.

Вместе с тем закон не освобождает лиц, лишенных родительских прав, от обязанностей содержать своих детей, а дети не утрачивают в отношении таких родителей прав, вытекающих из факта родства: они наследуют имущество родителей, им назначается пенсия в случае смерти родителей и так далее.

Закон не устанавливает срок, на который можно лишить родительских прав. Однако в тех случаях, когда после лишения родительских прав отец или

мать изменили свое поведение и отпали обстоятельства, послужившие причиной для такого лишения, они или прокурор вправе обратиться в суд с иском о восстановлении в правах, если этого требуют интересы детей.

Так, гражданин Николаев обратился в суд с иском о восстановлении его в родительских правах в отношении двенадцатилетней дочери. В судебном заседании представитель органа опеки и попечительства подтвердил, что в образе жизни Николаева произошли существенные изменения в лучшую сторону. Он заботился о

дочери, интересовался ее учебной и поведением, часто бывал у нее в детском доме. Кроме того, у девочки рано умерла мать, и у нее остался единственный родной человек — отец. Она любила его и была к нему привязана. Учитывая эти обстоятельства, суд восстановил Николаева в родительских правах.

Родители не могут быть восстановлены в родительских правах, если их дети усыновлены другими лицами, потому что нельзя ломать налаженную жизнь ребенка в новой семье и тем самым нарушать его интересы.

Л. СЕМЕНОВА,
аспирантка
Всесоюзного института
Прокуратуры СССР

**читатель
на приеме
у юриста**

И. Матюшина
из Мелитополя
Запорожской области
спрашивает, сохраняется
ли за ней право
на бесплатную квартиру
с отоплением и
освещением, которой она
пользовалась, работая в
сельской школе
учителем, после того,
как она перешла на
пенсию.

За перешедшими на пенсию учителями общеобразовательных школ всех типов, находящихся в сельской местности, и за проживающими совместно с ними членами их семей сохраняется право на бесплатные квартиры (независимо от размера жилой площади) с отоплением и освещением, если общий стаж работы учителя в сельских школах составляет не менее 10 лет. Это право сохраняется и за перешедшими на пенсию сельскими учителями, проживающими в городах или других населенных пунктах, если они, ра-

ботая в школе, находящейся в сельской местности, в момент перехода на пенсию проживали в городе (или ином населенном пункте) и пользовались указанной льготой.

Право на бесплатные квартиры с отоплением и освещением сохраняется за перешедшими на пенсию сельскими учителями независимо от того, поступили ли они на другую работу или не работают.

Изложенные правила предусмотрены специальным разъяснением, которое утверждено постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 17 июня 1975 года.

**И. АЛИХАНОВ,
заведующий
жилищно-бытовым отделом
ЦК профсоюза работников
просвещения, высшей школы
и научных учреждений**

**К. Андрианов
из Куйбышевской
области, В. Степаненко
из Чернигова и другие
читатели просят
рассказать, кому и при
каких обстоятельствах
предоставляются
отсрочки от призыва
на действительную
военную службу.**

Законом о всеобщей воинской обязанности, принятым 12 октября 1967 года, в интересах призываемых и их семей предусмотрены отсрочки от призыва на действительную военную службу по семейному положению, для продолжения образования и по состоянию здоровья.

Отсрочка по семейному положению предоставляется тем из призываемых, у которых находятся на иждивении нетрудоспособные отец или мать, если они не имеют других трудоспо-

собных лиц, обязанных в соответствии с законом доставлять им содержание, независимо от того, проживают ли призываемые вместе с родителями или отдельно. Нетрудоспособными родителями считаются отец старше 60 лет и мать старше 55 лет, а также инвалиды первой или второй группы независимо от возраста.

Дается отсрочка и тем, у кого на иждивении двое или более детей либо жена — инвалид первой или второй группы. Право на отсрочку имеют также призывники, у которых на иждивении одинокая трудоспособная мать с двумя или более детьми в возрасте до 8 лет, при отсутствии других трудоспособных детей, обязанных по закону доставлять матери содержание, независимо от того, проживают они вместе с нею или отдельно. Наконец, отсрочка полагается, если призывник имеет на иждивении одного или более родных братьев и сестер в возрасте до 16 лет либо старше 16 лет, но инва-

лидов первой или второй группы, при отсутствии у них других лиц, могущих взять их на содержание, а также при отсутствии возможности определить братьев или сестер в детские дома, интернаты или специальные лечебные учреждения.

Законом предусмотрен и такой случай: если призываемый, в связи со смертью родителей, их длительной болезнью или по другим уважительным причинам, в течение не менее 10 лет находился на иждивении других лиц, то эти лица приравниваются к родителям.

По семейному положению отсрочка может предоставляться призывникам до 27 лет. Если они к этому возрасту не потеряют право на отсрочку, то в мирное время освобождаются от действительной военной службы и зачисляются в запас.

Для продолжения образования отсрочка предоставляется студентам дневных (очных) высших учебных заведений. Лица, отчисленные из высших учебных заведений за недисциплинированность и неуспеваемость, теряют право на повторную отсрочку для продолжения образования. Дается отсрочка учащимся средних общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений, включая вечерние и заочные, до их окончания, но тем, кто не старше 20 лет. Если юноша до поступления в среднее специальное учебное заведение имел среднее образование, то он права на отсрочку не имеет. Предоставляется отсрочка от призыва учащимся средних специальных учебных заведений, занимающимся по программе подготовки офицеров запаса.

Отсрочка по состоянию здоровья дается юношам, признанным временно негодными к военной службе по болезни. Такая отсрочка может предоставляться в течение трех лет, после чего, в зависимости от состояния здоровья, граждане, получившие отсрочку, призываются на действительную военную службу, или зачисляются в запас, или признаются вовсе негодными к военной службе и исключаются с воинского учета.

Призывники, получившие отсрочку от призыва для продолжения образования, а также не призванные по различным причинам в Вооруженные Силы СССР в установленные сроки, призываются на действительную военную службу до достижения ими 27 лет.

Отсрочка от призыва на действительную военную службу по семейному положению, для продолжения образования и по состоянию здоровья предоставляется решением районной (городской) призывной комиссии.

А. МЕЛЕНТЬЕВ,
генерал-майор юстиции
в отставке

**Какие документы
необходимо представить
при поступлении
на работу?**

**Обязательна ли
характеристика?**

**В. Комаров,
Алтайский край.**

местным комитетом профсоюза, могут приниматься на работу подростки, достигшие 15 лет)

Поступающие на работу впервые и еще не имеющие трудовой книжки должны представить вместо нее справку о последнем занятии, выданную по месту жительства жилищно-эксплуатационной конторой, домоуправлением, исполкомом сельского или поселкового Совета, уличным комитетом (справку уличного комитета необходимо заверить в райисполкоме). Уволенные из рядов Вооруженных Сил предъявляют военный билет.

При приеме на работу, где нужны специальные знания, администрация имеет право потребовать от гражданина диплом или другой документ об образовании либо профессиональной подготовке. К некоторым работам (например, в качестве врача, шофера) могут быть допущены только лица, имеющие специальное образование или подготовку. Поэтому, принимая граждан на такую работу, администрация не только вправе, но и обязана потребовать от них предъявить диплом об окончании высшего или среднего специального учебного заведения либо другой соответствующий документ.

Поступая на работу по совместительству, гражданин обязан представить документы, подтверждающие, что ему разрешено совместительство.

В некоторых случаях, прямо предусмотренных законодательством, администрация вправе потребовать характеристику на поступающего (например, при проведении конкурсов на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава в вузах или на замещение должностей научных работников научно-исследовательских учреждений).

Требовать от принимаемых на работу характеристику, когда это не предусмотрено законодательством, а также какие-либо иные документы — справки о семейном положении, о заработной плате и тому подобное — администрация предприятия, учреждения не вправе.

Тот, кто поступает на работу, обязан предъявить администрации предприятия, учреждения, организации трудовую книжку, оформленную в установленном порядке, и паспорт. Лица в возрасте от 15 до 16 лет вместо паспорта предъявляют свидетельство о рождении (в соответствии с трудовым законодательством в исключительных случаях, по согласованию с фабричным, заводским,

**Г. ГЕРШАНОВА,
адвокат**

ГЕОРГИЙ ПОЛЬСКОЙ

...твратительная, совсем не весенняя погода прогнала с улиц Нью-Йорка всех прохожих. С океана дул сильный, порывистый ветер, а мелкий нудный дождик, не прекращавшийся с самого утра, перешел к концу дня в ливень. Вечер 29 апреля 1892 года оказался необычно холодным.

Эрл Баском, владеец небольшого бара, скучал за стойкой. Клиентов почти не было, и Баском, проклиная погоду, машинально протирал бокалы и фужеры, с тоской глядя на слезящуюся от дождя витрину.

Но вот непривычную тишину бара нарушил мелодичный перезвон колокольчика: вошел уже немолодой, прилично одетый мужчина.

— Добрый вечер,— поздоровался вошедший.

— Здравствуйте, сэръ! Хотя не рискнул бы этот вечер назвать добрым...

— Да, вы правы.

— Может, стаканчик виски? Согреетесь...

— Нет, благодарю вас, я очень спешу. Не могли бы вы разменять мне пятьдесят долларов?

— Конечно, конечно...

Аккуратно уложив деньги в кошелек, посетитель покинул бар. Эрл Баском удрученно посмотрел ему вслед, взяв со стойки пятидесятидолларовую бумажку, хотел сунуть в кассу. Но, глянув на нее, схватился за голову: у банкнота, на той его стороне, которая коснулась мокрой стойки, поплыл тончайший многоцветный рисунок...

Так после четырнадцати лет непрерывной «работы» попался один из самых известных американских фальшивомонетчиков Эммануэль Нинджер...

Одинокие «гении»

Стремление подделывать деньги возникло почти сразу же с их появлением. Уже в шестом веке до нашей эры изготовление фальшивых монет приняло такой размах, что в знаменитых законах Солона предусматривалась за это смертная казнь. В Древнем Риме благородный гражданин освобождался на всю жизнь от всяческих поборов (их было очень много), а раб получал свободу, если доносил о фальшивомонетчике. Если же преступнику удавалось бежать из тюрьмы, то немедленно казнили стражника.

Находившиеся тогда в обращении серебряные монеты проверяли ножом. Если сколоть кусочек, на срезе легко обнаружить — настоящая она или фальшивая, ибо преступники покрывали металлические деньги тонким слоем серебра, выдавая их за чисто серебряные. Но мошенники и тут нашли выход из положения — они сами делали на поддельной монете надрез и серебрили его.

Фальшивомонетчиков сурово наказывали: в X веке в Англии, например, был принят закон, по которому за подобные деяния отрубали руки. И все равно жажда наживы пересиливала страх.

В Англии в средние века право печатать деньги предоставлялось королем только людям знатным, а следовательно, в его представлении — достойным. Именно они имели право ставить на монетах свой штамп, что удостоверяло их подлинность. И тем не менее эти же вельможи сами занимались подделкой. Правда, подделывали не свой штамп, а другого изготовителя.

Когда об этом стало известно королю Генриху I, он в рождество 1125 года вызвал к себе в Винчестер всех изготовителей денег и тем, кто не смог доказать «чистоту» своих монет, повелел отрубить правую руку. Один летописец утверждает, что все вельможи остались с одной рукой.

Трудно сказать, соответствует это истине или нет, но последние данные свидетельствуют о том, что представители всех сословий (и не только в Англии, естественно) были замешаны в этом нехорошем деле. Так, подделка монет в России в XVII веке превратилась в настоящее бедствие. А при царице Анне Иоанновне фальшивых денег было столько же, сколько и настоящих...

Когда стали выпускать бумажные деньги, наступило временное улучшение, но вскоре и их стали подделывать. Вот как характеризовал обстановку в стране правительственный указ 1771 года: «Известно нам стало, что в Санктпетербургский банк для вымена государственных ассигнаций вступило несколько подложных ассигнаций, то есть двадцатипятирублевых, переписанных в семидесятипятирублевые (1) таким образом, что цифирь второй, и в строках написанное слово «25» выскоблены и вместо того вписаны цифирь седьмой, и в строках словами семьдесят, но оная при этом так ссторожно учинена, что при первом взгляде, и не будучи о том предуведомлену, трудно таковую подложность распознать». Тем же указом повелевалось изъять все ассигнации семидесятипятирублевого достоинства и впредь их не выпускать.

В эпоху феодализма циркуляция денег была довольно ограничена. Наступление нового строя — капиталистического, резкое расширение международной торговли и быстрое перемещение огром-

ных денежных масс способствовали невиданному подделыванию денег. В первую очередь это относится к Соединенным Штатам Америки, где неумная страсть к обогащению была доведена до предела. Один из американских буржуазных историков Линн Глэзер даже сделал к книге «Подделывание денег» характерный подзаголовок: «История американского пути к богатству».

Наряду с несметным количеством жалких дилетантов нет-нет да встречались по-своему очень «способные» люди. Они шли к богатству, к деньгам, так сказать, напрямик, не утруждая себя устройством на работу. Этому в решающей степени способствовала величайшая продажность полицейского аппарата, а также секретной службы, ответственной за сохранность не только персоны президента США, но и финансов.

Томас Питер Маккартни родился в середине прошлого века в графстве Шелби (штат Иллинойс). Тут он случайно познакомился с семьей Джонсона — родоначальника одной из первых династий американских гангстеров. В то время она успешно изготавливала поддельные деньги. При деле была вся семейка — дедушка, бабушка, отец, сын и дочери. Они многому научили и Питера, но он до поры до времени этим не занимался.

Однажды хозяин фермы, где работал Маккартни, послал его в город продать немного товара. На обратном пути, в безлюдной прерии он присел под деревом и стал внимательно разглядывать бумажку в один доллар. Мелькнула мысль: «Может, попытаться?» И вот Маккартни уже сидит за большим дубовым столом в захудалой гостинице города Индианаполис (штат Индиана), «работая» над однодолларовым банкнотом. На другой день утром он приходит в лавку и, покупая товар, дает свою «десятидолларовую» бумажку.

— Не знаю, смогу ли я найти сдачу, — пробормотал хозяин лавки. — Пройдите к соседу, он вам разменяет.

Так Маккартни выбрал свой путь к богатству. Бросив ферму, он едет в Цинциннати и там знакомится с популярным в городе религиозным деятелем и членом школьного совета Томасом Тейлором, который занимал еще и третий (правда, уже нелегальный) пост «директора» большого подпольного монетного двора, штампующего «золотые» доллары. «Попрактиковавшись» у него, Маккартни возвращается в Индианаполис, где «берет уроки» искусства изготовления клише у другого фальшивомонетчика, немца Аккермана.

Даже когда его арестовывали, Маккартни находил выход. Например, при задержании в Сент-Луисе лежавшие у него восемь

тысяч настоящих долларов вмиг перешли в карманы полицейских. И вот уже свежий ветер свободы вновь дует в лицо.

Располагая большими деньгами (настоящими и фальшивыми), он пытался вложить их в какое-то дело. Держал дагерротипное ателье (под именем Уоррена), прокатный извозчиный двор в городе Ролла (штат Миссури), практиковал как дантист, а затем в течение двух лет разъезжал по стране с лекциями о том, как остерегаться... фальшивых денег.

Лекции он читал под именем «профессора Джозефа Вудса», и собирали они множество слушателей. «Профессор» не только рассказывал, но и демонстрировал наиболее характерные ошибки, допускаемые... другими фальшивомонетчиками, его конкурентами. На следующий день после того, как «ученый» покидал город, сюда приезжали элегантно одетые Майлс Оугл и Джеймс Лайонс и спокойно распространяли деньги «фирмы Маккартни».

История Томаса Маккартни, жившего и умершего в прошлом веке, весьма характерна для порядков, царящих в «свободном мире». Читатель только что познакомился с продажными полицейскими и бесцеремонными уголовниками — фальшивомонетчиками, с «добропорядочными» гражданами вроде Томаса Тейлора, религиозного деятеля, и не менее «добропорядочным» семейством гангстеров. Но можно назвать и других американцев, занимавших видное место «в обществе» и хорошо известных в кругу преступников, фабриковавших деньги: Джошуа Майнер, Генри Коул, Томас Баллард и еще иные «джентльмены».

Томас Баллард, например, считался человеком «самых честных правил». Он не курил, не пил, помогал больной тете, поддерживал младшего брата. Его даже избрали главой масонской ложи. И тем не менее он не только искусно подделывал деньги, но и первый среди американских фальшивомонетчиков сумел в домашних условиях изготовить отличную бумагу для своих купюр...

Вельможные уголовники

...Шел 1811 год. Многие события волновали тогда парижан. И среди них знаменитое дело о «нечистой силе».

Уже не один раз жители французской столицы обращали внимание на полуразрушенный домик, стоявший на пустыре в стороне от Монпарнасского бульвара. Каждую ночь, чуть ли не до самого утра, в запыленных его окнах горел дрожащий свет, мелькали чьи-то тени, доносился таинственный шум. «Нечистая сила, не

иначе, завелась в нашем городе», — говорили суеверные люди, с опаской обходя стороной зловещий дом.

Кому-то пришла в голову мысль сообщить об этой «нечистой силе» в полицию. И что вы думаете? Все оказалось правильно. Дела там были действительно нечистые — печатали фальшивые деньги. И сила была налицо: ее в полной мере испытали на себе префект столичной полиции и его не в меру ретивые подчиненные. В этом доме по прямому указанию императора Наполеона Бонапарта (и под руководством родственника личного секретаря Наполеона) печатались фальшивые русские ассигнации, с помощью которых Наполеон хотел в предстоящем году нанести дополнительный удар России — на этот раз экономический.

Впоследствии поддельные ассигнации (чаще всего в бумажках достоинством по двадцать пять рублей, реже — пятьдесят) начали распространяться в России во время нашествия французов в 1812 году. Впрочем, особого хода они не имели — в них была масса грубых опечаток. Так, вместо «государственной ассигнации» ясно читалось «госуларственной». В некоторых экземплярах встречалось слово «холячей» вместо «ходячей». Подпись на подлинных ассигнациях была сделана чернилами, и от этого она казалась заметно расплывчатой. Между тем на французских фальшивках ее выполнили литографическим способом, от чего она выглядела исключительно четкой. Вообще следует признать, что поддельные ассигнации сфабриковали настолько тщательно (за исключением упомянутых ошибок) и на такой отличной бумаге, что они не должны были вызывать подозрений. Кстати, благодаря хорошему качеству бумаги они и сохранились лучше и поэтому дошли до нас в куда большем количестве, нежели подлинные.

Интересно, что эту «типографию» Наполеон впоследствии возил с собой в обозе и она почти не прекращала работу. Последним ее пристанищем было полуразвалившееся здание у Преображенского кладбища в Москве. Правда, здесь она просуществовала не очень долго — русский народ быстро выдворил полчища Наполеона из страны.

После войны правительство России заменило ассигнации двадцатипяти- и пятидесятирублевого достоинства на новые. И что же? Их оказалось на семьдесят миллионов рублей больше, чем выпустила казна. Солидно поработал подпольный «монетный двор» французского императора...

На примере фальшивок Наполеона можно легко понять, почему сильные мира сего брались за уголовно наказуемое дело. Поддельные деньги могут нанести немалый экономический урон. И ис-

тория знает много случаев использования их как орудия внешней политики.

Еще в 1517 году чешский король выпустил сфабрикованную польскую монету (полугрош), которая наводнила польский рынок. Позже прусский король изготовил огромное количество «золотых» польских монет. В свою очередь, польские и шведские короли приказали чеканить фальшивые русские деньги. Царские чиновники в долгу не остались и организовали печатание голландских червонцев, причем занимались этим секретным делом около ста пятидесяти лет! Позже, во время русско-японской войны, на Дальнем Востоке появились русские «рубли», изготовленные в... Токио.

Еще больший размах получило массовое изготовление поддельных денег накануне первой мировой войны. Достаточно сослаться, например, на печальный опыт России, финансовые каналы которой оказались буквально забитыми первоклассно изготовленными фальшивками достоинством в десять, двадцать пять, пятьдесят, сто и даже пятьсот рублей.

Но кто же печатал фальшивки? Тайна так и осталась бы тайной, не помоги случай. Во время знаменитого Брусиловского наступления в 1916 году, как известно, был прорван фронт австро-венгерских войск, и к русским попало огромное количество пленных. Толковый допрос солдат и офицеров противника мог бы дать русскому командованию важные военно-экономические сведения, но число пленных достигло почти полумиллиона, и поэтому основное внимание уделили допросу офицеров. Тем не менее кто-то, «фильтровавший» низших чинов, сумел извлечь нечто чрезвычайно ценное, составлявшее даже государственно важный секрет...

Сейчас, конечно, трудно сказать, чем привлек внимание допрашивающего австрийский унтер-офицер Йозеф Быстрая. Но факт остается фактом — удалось установить, что его школьный друг Александр Эрдели как-то поделился с ним под большим секретом сведениями об одной строго охраняемой типографии в помещении Военно-географического института в Вене, где печатают фальшивые царские ассигнации. Так стало известно, кто занимался этой серьезной финансовой диверсией...

С развитием науки и техники росло и искусство подделывания денег, хотя именно технический прогресс позволял максимально усложнять рисунок на банкнотах и тем самым затруднять их фальсификацию. Это соревнование (чем-то напоминающее знаменитую борьбу между снарядом и броней) все же постоянно выигрывали сановные нарушители закона, хотя карающий меч буржуазной юсти-

ции чаще опускался на головы «мелких сошек», нежели высших должностных лиц.

...Уж как распинался, отстаивая «закон и порядок», Густав Штреземан, бывший в двадцатых годах канцлером и министром иностранных дел Германии! И тем не менее именно он отдал приказ разгромить избранное законным образом рабочее правительство в Саксонии и Тюрингии. Об этих его действиях, грубо попиравших германскую конституцию, известно хорошо. Но мало кто знает, что под руководством Штреземана был разработан коварный план экономической диверсии против Франции и Англии с помощью фальшивых денег.

Штреземану и его сообщникам из правительственных сфер Германии удалось втянуть в это грязное дело буржуазное правительство Венгрии. Наметилась, так сказать, своеобразная «кооперация» — деньги изготовлялись на сугубо засекреченном «монетном дворе» под Кёльном, а их распространение взяли на себя венгерские «специалисты». Интересно: поддельные купюры переправлялись в «нужные» страны с помощью... дипкурьеров, что само по себе уже было грубейшим нарушением международных законов.

Когда один из венгерских агентов провалился в Голландии, стали принимать все меры, чтобы скрыть причастность к этой афере правительств Венгрии и Германии. Все фальшивые деньги, как, впрочем, и другие улики, были уничтожены. Одного видного политического деятеля венгерской оппозиции, пронюхавшего о таких делишках правительства, отравили во время банкета, чтобы он не мог сделать разоблачающего заявления. На другого среди бела дня совершили «неожиданное» нападение «хулиганы». На глазах прохожих они убили его и в дорогом автомобиле (без номера) быстро скрылись. Ни отравителей, ни «хулиганов», естественно, никто не нашёл.

Но кого-то же следовало отдать под суд! Пришлось арестовать кое-кого из тех, кто непосредственно руководил «операцией»; их судили и отправили в тюрьму. Но что это было за наказание, если князь Виндишгрец, полковник Якович и их подручные жили как на курорте. Их кормили обедами из лучших будапештских ресторанов, им разрешали встречи с женами, родными, создали поистине царские условия жизни и, в конце концов, досрочно выпустили на волю. Тут же, без лишнего шума, всех сановных фальшивомонетчиков зачислили на военную службу, многих — с повышением...

Особо следует остановиться на диверсионной деятельности немецко-фашистских фальшивомонетчиков.

...В конце тридцатых годов на заводы Круппа, Симменса, «Фольксваген» и некоторые другие стали поступать обтирочные материалы, за использованием которых мастера следили с необычайной тщательностью. Чуть ли не ежедневно они отчитывались перед особо прикрепленными ко всем цехам эсэсовцами за каждый лоскуток.

Как ни старалось начальство скрыть факт особого наблюдения за обычно никакой ценности не представляющим обтирочным материалом, рабочие заводов обратили на это внимание. Они стали тщательней рассматривать его, щупать, но так ничего и не поняли.

Между тем именно с этих жалких лоскутков и начиналась одна из наиболее секретных и тщательно подготовленных нацистами операций по изготовлению фальшивых английских фунтов стерлингов! И если бы те, кто щупал, мял, смотрел на свет бесформенные кусочки ветоши, разбирались в этом деле, они бы заметили, что перед ними не обычный обтирочный материал. Он из льняного полотна, а лен этот выращен в далекой Турции, и его обычно покупает английское казначейство, чтобы после переработки превратить в бумагу, на которой печатают фунты стерлингов. И нацисты тоже стали производить из льняной ветоши бумагу (причем лен они тайно вывезли именно из Турции), по всем данным соответствующую английским стандартам.

Но то было только начало операции. Еще предстояло заняться красками, секретными деталями рисунка на английских деньгах, изготовлением матриц для водяных знаков и клише... Все делалось с величайшим тщанием. Изготовление одного клише отняло более семи месяцев. Привлеченные к этому преступному делу немецкие ученые трудились в поте лица вместе с... рецидивистами. В задачу «профессоров» входило изучение процесса «старения» бумаги и краски. Они же и разработали методику его ускорения. И хотя изготовленные с такой тщательностью фальшивые деньги засорили финансовые каналы Британской империи, ощутимого вреда они все же не нанесли.

Особо следует сказать о том, как империалисты пытались причинить урон советской экономике. Такого рода попытки предпринимались с первых же дней существования нашего государства. В то далекое время на эти «деньги» (многие из которых печатались в одной типографии Берлина) делались закупки для белогвардейской армии, ими пользовались многие антисоветские банды. Наши чекисты сумели вовремя выявить в середине двадцатых годов распространителей фальшивых червонцев и пресечь подрывную работу английских и германских империалистов.

По той же дорожке в годы Стечественной войны пошли и гитлеровцы. Они распространяли на оккупированной территории огромное количество фальшивых советских денег, ими снабжались агенты, засылаемые в глубокие советские тылы.

Электроника и фальшивомонетчики

...Несколько лет назад полиция города Висбадена (ФРГ) объявила о раскрытии крупной шайки фальшивомонетчиков, обосновавшейся в городке Зельтерс. Были конфискованы банкноты достоинством в сто марок на огромную сумму — 2,2 миллиона. А началось все с того, что фальшивки случайно обнаружили в Гамбурге и Дюссельдорфе. Они были так хорошо изготовлены, что представитель Федерального банка признал их появление «крайне опасным фактом». Вскоре стало известно, что в полицию Страсбурга явилась проститутка и сообщила, что ее клиент расплатился с ней «подозрительно новыми марками». Такие же банкноты неизвестный подал и в кассу универмага, где он сделал весьма крупную покупку. По словесному портрету вышли на след этого человека, а через него — на банду фальшивомонетчиков...

Кстати, только в 1974 году банки и полиция ФРГ обнаружили более чем на миллион поддельных иностранных денег. По мнению Главного комиссара уголовной полиции в Висбадене Вернера Кройслера, на международный рынок в наше время больше всего поступает фальшивых американских долларов, итальянских лир и западногерманских марок.

А благоприятные условия для их производства созданы исключительно высоким техническим уровнем современной полиграфии. Тем более что на капиталистическом Западе вовсе не трудно приобрести типографские краски, офсетные и другие машины.

Есть некоторые неоспоримые истины преступного мира. Так, золотое правило уголовника — специализация. Опытный, квалифицированный уголовник никогда не берется не за свое дело. Но тридцатитрехлетний Совер Гронши не учел этого. Он был мелким скупщиком краденого, и такое «амплуа» шло вразрез с его амбициями. Для «крыши» Гронши числился канализационным рабочим. Решив, что скупка краденого не обеспечит ему «путь наверх», он со своими дружками Жиро и Гибером установил контакт еще с одним уголовником — владельцем типографии Дююи. Впрочем, «типография» — это слишком громко сказано. Просто у него было несколько машин, вот они и занялись печатанием денег...

Полицейский старшина Мелле, считавшийся одним из лучших детективов во всей французской полиции, сумел 19 марта 1972 года организовать поимку шести грабителей, возвращавшихся с «дела». От них нетрудно было узнать имя скупщика краденого Совера Гронши. Того взяли прямо в постели. Тут же обнаружили не только вещи, украденные ранее, но и кипы фальшивых денег — 2 миллиарда итальянских лир, колониальные франки и клише для печатания пятисотфранковых купюр. Как выяснилось, «фирма Дюпюи» наводняла африканский рынок фальшивыми деньгами.

Так работают жалкие любители. Однако на Западе действуют чаще всего профессионалы, объединенные в крепко спаянные банды, имеющие на службе высококвалифицированных печатников и ловких толкачей-распространителей. По данным Международной полиции (Интерпола), в капиталистическом мире действуют три крупнейших центра изготовления фальшивых денег: в Италии (где-то в районе Милана), Аргентине и США. В европейской банде орудуют: испанец Освальдо Кокучи и его сообщница Анна Хоегорова, известная в преступном мире под кличкой «Черный тюльпан». В Латинской Америке действуют братья Рикардо и Тадео Шуман.

В США фальшивомонетчики, используя сложную технику, ставят свое «дело» на широкую ногу. По утверждению властей, в 1974 году было изготовлено почти пятьдесят миллионов поддельных долларов, то есть примерно в два раза больше, чем в 1973. А в 1976 году в США обнаружено и изъято 3 миллиарда 300 миллионов фальшивых долларов.

Этим «бизнесом» занимается, как правило, большая группа людей, включающая как изготовителей, так и посредников, сбывающих «готовую продукцию». Только за 1974 год секретная служба США, в обязанности которой входит борьба с фальшивомонетчиками, обезвредила 75 банд, арестовав 1785 человек. А сколько осталось на свободе! Не зря ведь американская печать не скрывает озабоченности тем, что подделка денег приобретает более широкие масштабы, нежели это известно властям. Кстати, доказательством неэффективной работы специальных служб США служит то обстоятельство, что несколько групп фальшивомонетчиков было раскрыто случайно, как случайно их обнаружили и в Италии.

...Уже давно неаполитанская полиция обратила внимание на чрезвычайную активность одного похоронного бюро. Его катафалки не только сновали по городу, но и совершали далекие загородные поездки. Создавалось впечатление, будто жизнерадостные итальянцы начали умирать чуть ли не пачками.

Полицейских особенно насторожило, что катафалки мечутся по автострадам даже в ночное время.

Что бы это могло значить? Но попробуй остановить их и проверить содержимое гробов, которые к тому же опломбированы.

Но вот однажды случилось неожиданное. Как известно, столицу Италии соединяет с Неаполем автострада «Солнце». Дорога эта частная, и за проезд по ней надо платить по специальной таксе. В ее начале сооружены контрольно-пропускные пункты, где водители приобретают в автоматах билеты, на которых печатается как время начала поездки по автостраде, так и то время, в интервале которого (указывается «от» и «до») она должна быть закончена. При этом штрафуются и те, кто едет быстро, и те, кто плетется.

И надо же было такому случиться, что при въезде в Рим шофер катафалка представил полиции билет с просроченным временем — он ехал медленнее, чем разрешалось. Пока шофер доказывал, что его машина (да и он сам) работает круглые сутки и на износ, один из полицейских обнаружил, что пломба на роскошном гробе с бронзовыми ручками сорвана. Он решился чуть-чуть приподнять крышку и вместо мертвеца увидел... пачки банкнотов.

И что же? Ровным счетом ничего... Шофер заявил, что это не тот гроб, который ему поставили в Неаполе, а владельцы похоронного бюро подняли невероятный шум, обвинив полицию в... шантаже. Короче говоря, деньги были конфискованы, но ниточку, за которую можно было бы зацепиться, так и не нашли.

Некоторое время финансовые каналы страны работали без «сора». Но прошло восемь месяцев, и вновь засекли очередную партию фальшивок.

Любопытно, что фальшивомонетчиков на Западе тоже коснулась волна инфляции. Например, американские преступники специализировались до начала семидесятых годов на выпуске двадцатидолларовых банкнотов, но после резкого падения их покупательной способности переключились на изготовление банковских билетов достоинством в пятьдесят, даже сто долларов. В прошлом году, например, уже было выловлено на 49 миллионов стодолларовых бумажек.

На борьбу с фальшивомонетчиками брошены не только полиция, но и ученые. Они создают разного рода хитроумные автоматы, призванные отличить подделку. Но и это не помогает.

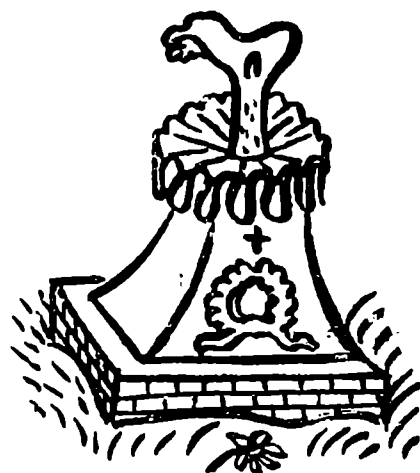
Количество фильшивых денег не уменьшается. И ничего удивительного. Ведь подделка — выгодное дело. А в капиталистическом мире оно процветает, даже если этот бизнес подрывает его основы.

Рис. . СУСЛОВА.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

«СМЕРТЬ» НОГИ

Испанский аристократ дон Хуан Перес де Гусман и Кастиллейя ухитрился на охоте выстрелить в собственную ногу. И так метко, что раздробленную часть ее пришлось ампутировать. Незадачливый стрелок приказал изготовить небольшой гроб и похоронить ее. Жизнь дона Хуана была застрахована в пяти страховых компаниях и на очень высокие суммы. Поскольку «часть тела» его умерла и была погребена с соблюдением полного ритуала римско-католической церкви, аристократ потребовал от стра-

ховых компаний выплаты соответствующей части (по весу ноги) полагающегося вознаграждения, а оно должно составить весьма круглую сумму.

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

Когда судебный исполнитель пришел в Амстердаме к бывшему заключенному, проведшему большую часть жизни за решеткой, он удивился, увидев в птичьей клетке кошку. Хозяин, заметив изумление чиновника, объяснил: «Два года за то, что полакомилась птичкой».

НЕТ УВАЖЕНИЯ К ПОЛИЦИИ

Как-то около полуночи в Западном Берлине неизвестные воры «проверили» содержимое полицейского автомобиля, оставленного в переулке без присмотра «на одну только минуту». Воры унесли переносную радиостанцию и полицейские дубинки.

Рис. В. КОРОВИНА,

Рис. В. ТАМАЕВА.

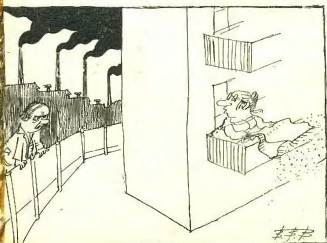
— Наконец-то вас разыскал, чтобы вручить весточку от мамы...

из «слов».

— Вы их ловите на магнит?

— Мария Ивановна, засоряешь ты окружающую среду!..

Рис. В. ВОЕВОДИНА.

